

ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 28. Сентябрь 2012 г.

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**
(ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2012

ББК 66.4 (0), 302 я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *Ю. Г. Чернышов* (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент *О. А. Аршинцева*, кандидат исторических наук, доцент *А. М. Бетмакаев*, *Е. А. Горбелева*, доктор исторических наук, профессор *Л. В. Дериглазова*, *С. Н. Исакова* (отв. секретарь), кандидат исторических наук *В. Н. Козулин*, кандидат исторических наук, доцент *О. Ю. Курныкин*, кандидат исторических наук, доцент *С. М. Юн*

Д 541 Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях) : сборник научных статей/под ред. Ю. Г. Чернышова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 244 с.

ISBN 978-5-7904-1286-8

Сборник содержит научные статьи исследователей из пяти городов России и Украины (Барнаула, Брянска, Киева, Москвы и Перми), а также стенограмму их обсуждения в ходе научно-практической конференции «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)», прошедшей в АлтГУ 20–21 сентября 2012 г. В приложении дан текст лекции известного польского экономиста-реформатора Лешека Бальцеровича и стенограмма состоявшейся дискуссии (АлтГУ, 6 сентября 2012 г.).

Издание предназначено для историков, международников, политологов, специалистов по связям с общественностью, а также для всех, кто интересуется тематикой информационных войн.

ББК 66.4 (0), 302 я431

ISBN 978-5-7904-1286-8

© Алтайская школа политических исследований, 2012

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2012

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

Международная научно-практическая конференция

**«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

(Информационные войны в международных отношениях)»,

20–21 сентября 2012 г.

Информационные войны — мифы и реальность (предисловие ответственного редактора)

Публикация данного сборника продолжает многолетнюю традицию изданий Алтайской школы политических исследований: «Дневник АШПИ» выходит ежегодно с 1996 г.¹ На этот раз его основу составили статьи исследователей из пяти городов России и Украины (Барнаула, Брянска, Киева, Москвы и Перми), посвященные информационным войнам.

Как обычно, предварительно (в апреле — июне 2012 г.) была проведена Интернет-конференция, а осенью многие авторы докладов, опубликованных в Интернете, стали участниками научно-практической конференции «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)». Учредителями и организаторами этой конференции, кроме АШПИ, стали Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки, Центр Европейского Союза в Сибири.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета отметил: «Все, кто следят за развитием политических событий, знают, что в информационной сфере с появлением Интернета и средств мобильной связи произошли принципиально важные изменения: в частности, значительно расширились возможности для распространения и обмена информацией. С одной стороны, такая ситуация позволяет выбирать различные источники получения информации, а с другой — расширяет возможности для манипулирования общественным сознанием и ведения так называемых «информационных войн». В литературе это понятие трактуется неоднозначно. Необходимо отметить, что сам термин «информационная война» используется сравнительно недавно, он был заимствован из англоязычной литературы, а именно, из американской. Употребление этого термина началось в среде, близкой к военным кругам, и первоначально он означал не войну как таковую, а использовался скорее для характеристики информационного противоборства (information warfare). Термин «информационное противоборство» является, по-видимому, более корректным, поскольку словосочетание «информационная война» звучит иногда слишком жестко. Под «информационным противоборством» под-

¹ Все выпуски можно посмотреть на сайте: <http://ashpi.asu.ru/prints.html> Публикация данного сборника осуществлена при финансовой поддержке гранта ЕС на создание Центра Европейского Союза в Сибири.

разумевалось воздействие на определенную аудиторию с целью получения превосходства над соперником. Технический аспект термина связан с технологиями распространения информации и борьбы с ними (например, спам-атаки, «обрушение» серверов и т. д.). Задача нашей конференции состоит как раз в том, чтобы попытаться разобраться в этом вопросе и выяснить, насколько корректен сам термин «информационная война», насколько он применим к истории международных отношений, насколько соотносятся информационные войны с понятиями «пропаганда», «психологическая война» и другими».

Работа конференции проходила по трем секциям. Первая секция была посвящена анализу содержания понятия «информационная война». Большинство авторов докладов отмечали, что это понятие является новым, недостаточно разработанным и неодинаково понимаемым отечественными и зарубежными авторами. В отечественной традиции более популярна расширительная трактовка этого термина, сближающая его с понятием «психологическая война», популярным в советской пропагандистской литературе. Так, В. Н. Козулин отметил, что анализ этой традиции свидетельствует об идеологическом влиянии на употребление термина в русском языке, навеянном крайне правой научной и околонучной публицистикой, обусловленной штампами советской идеологической литературы и в целом пережитками «холодной войны». Для зарубежных исследований характерно более узкое и менее политизированное понимание «информационной войны» как явления, относящегося к сфере информационных технологий. На первом заседании много говорилось не только об информационных противостояниях в международных отношениях, но и о внутренних информационных войнах. В заседании секции принял участие известный политик, профессор Высшей школы экономики В. А. Рыжков, который, по его собственным словам, об информационных войнах знает не понаслышке. В докладах О. Ю. Курныкина и Л. В. Мониной были рассмотрены контекст исторического опыта и проблемы информационной безопасности России.

Тема второй секции — «Пропаганда и информационные войны в истории международных отношений (опыт Европы и России)». В прозвучавших докладах были затронуты самые различные исторические эпохи и регионы — от Древнего Рима (Ю. Г. Чернышов) до событий Крымской войны (П. В. Ульянов), Третьего Рейха (А. К. Кузнецов) и маоистского Китая (А. А. Анохин). Под влиянием темы первого дня заседаний в секции затрагивались и более широкие вопросы. Так, например, А. М. Бетмакаев решил вернуться к некоторым актуальным проблемам предыдущей секции и в своем выступлении коснулся темы об истоках и смыслах «ин-

формационных войн». Выступление породило продолжительную дискуссию. Теме «Пропаганда и информационные войны» был посвящен и доклад С. А. Иванова.

Третья секция была посвящена информационно-психологическим противоборствам в современных международных отношениях и вызвала большой интерес у аудитории. О. А. Аршинцева сделала обзор американских подходов к теме. Прозвучали доклады на тему информационного противостояния в социальных сетях и блогах (Ю. А. Митяева), об информационной войне между Россией и Белоруссией (Е. А. Горбелева), затрагивались и многие другие разноаспектные темы (Л. Г. Коваленко, Г. В. Кагирова). В некоторых докладах были вновь затронуты более общие теоретические аспекты — например, в заключительном докладе А. В. Кротова о причинах и предпосылках возникновения информационных войн в современном мире (в контексте «цветных революций»). Подробная стенограмма дискуссий приводится в конце сборника.

В качестве обращенного к читателю пожелания хотелось бы привести одно замечание. Нужно учитывать, что по теме «информационных войн» разные авторы нередко высказывают различные по направленности оценки. Так, например, в некоторых случаях создается такая упрощенная черно-белая картинка: почти все зарубежные страны (особенно западные) испокон веков почему-то «не любят Россию» и только и стараются ей всячески навредить. Некоторые же авторы стараются судить не столь односторонне: они задумываются над тем, каковы объективные причины распространения негативных черт имиджа страны, а также над тем, как реально улучшить отношения России с другими странами. Разумеется, каждый автор имеет право на свое мнение, но и за читателем остается право не принимать на веру и критически воспринимать различные идеологизированные оценки.

В приложении дана лекция (с презентацией) известного польского экономиста-реформатора Лешека Бальцеровича, прочитанная в АлтГУ 6 сентября 2012 г., и стенограмма состоявшейся тогда же дискуссии.

Ю. Г. Чернышов, ноябрь 2012 г.

Секция 1

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА:
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ**

В. Н. Козулин

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ИЛИ «ДОБРАЯ МАШИНА ПРАВДЫ»? (О «национальной» специфике употребления интернациональных терминов)

На такое заглавие статьи меня натолкнул «живой журнал» известного отечественного блогера и политика Алексея Навального. В последнее время один критический комментатор к его постам в каждом своем комментарии неуклонно цитирует одно и то же определение «информационной войны», по всей видимости, заимствованное из русской «Википедии», и намекает тем самым на то, что деятельность Навального имеет прямое отношение к информационной войне, направленной против России (об этом можно догадаться из контекста) [1–4]. Между тем, сам А. Навальный не столь давно выдвинул идею о создании так называемой «доброй машины пропаганды», призванной просвещать народные массы, доводить до них ту информацию, которой не дают федеральные СМИ и развенчивать лживую (с точки зрения оппозиции) государственную пропаганду [см.: 5–6]. С недавних пор этот проект стал называться «доброй машиной правды» [7].

Как мы видим, одна и та же деятельность одними воспринимается как «информационная война», другими — как просветительская деятельность во благо Родины. Если некоторые, как правило, ультраправые или подверженные «теориям заговоров» авторы считают деятельность оппозиции «информационной войной», то оппозиция наоборот считает «информационной войной» пропаганду госканалов (или каналов, лояльных государству, например, нового НТВ). Но вопрос, какая из этих сторон ближе к истине, не является для нас основным — на него лучше ответит история. Мы только констатируем, что понимание термина «информационная война» в современном русском языке и в современной отечественной публицистике часто является субъективным и, более того, чрезмерно идеологизированным. Таким образом, задачей этой статьи будет попытка четче определить этот термин, получивший в последнее время огромное распространение, разграничить научное и идеологическое, псевдонаучное его понимание (у нас, к сожалению, едва ли не более часто встречающееся).

Термин «информационная война» во всех языках сравнительно новый. Ранее существовали другие понятия, близкие тому, что сейчас — иногда не вполне верно — понимают под информационной войной. Это термины «психологическая война» и «про-

паганда» (которые иногда фактически отождествляют) [ср.: 8, с. 8–14]. То, что за рубежом называли «психологической войной» (или «PSY-войной», «политической войной», «идеологической войной», «Hearts and Minds» и пр.), в СССР чаще всего называли «спецпропагандой». В «Британской энциклопедии» «психологическая война» определяется как «использование пропаганды против врага, обеспечиваемое всеми необходимыми военными, экономическими или политическими мерами» [9]. В советской литературе «психологическую войну» обычно определяли как направленную против социалистического лагеря «информационно-пропагандистскую интервенцию» империалистических «крестоносцев» [10, с. 7]. При этом отмечалось, что испытанным оружием в борьбе против нее «является правда: империалисты ее боятся, ибо правда работает на нас» [там же].

По данным исследователей, термин «информационная война» появился еще в 1976 г. (в одном отчете для компании «Боинг»). Но активно упоминаться в прессе он стал только после войны в Персидском заливе 1991 г., во время которой информационные технологии впервые были использованы как средство ведения боевых действий. Голландские хакеры украли тогда информацию о передвижениях американских войск из компьютеров Департамента обороны США и пытались продать ее иракцам, но те подумали, что это обман. Официально этот термин впервые введен в директиве министра обороны США DODD 3600 от 21 декабря 1992 г. [11]. В российском обиходе термин «информационная война» утвердился в конце 90-х г., когда телевизионными каналами (контролировавшимися олигархами) стали активно использоваться так называемые грязные технологии в политике (например, в передачах известного журналиста С. Доренко).

Что касается научного исследования явления, то, насколько мы можем судить, термин «информационная война» в американской научной литературе начинает встречаться с середины 90-х гг. прошлого столетия [ср.: 12–13]. С тех пор количество исследований неуклонно растет. По зарубежной историографии существуют целые библиографические справочники [см.: 14]. Из отечественной историографии, за ограниченностью объема данной статьи, перечислим лишь имена некоторых авторов, пишущих на эту тему (их не столь уж много): Л. В. Воронцова, Г. В. Грачев, С. Н. Гриняев, М. Жаров, С. А. Зелинский, В. Г. Крысько, В. А. Лисичкин, А. В. Манойло, И. Б. Мощанский, И. Н. Панарин, Г. Г. Почепцов, С. П. Расторгуев, С. В. Ткаченко, Д. Б. Фролов, Т. Н. Шевяков, Л. А. Шелепин и др. Разумеется, это не полный список.

Но проблема в том, что в отечественной литературе, в отличие от зарубежной, термин «информационная война» зачастую пони-

мается совершенно иначе и гораздо шире и порой несет на себе отпечаток советской идеологической литературы. Все те стереотипы, которыми была эта литература переполнена, перекочевали во многие современные публикации по так называемым «информационным войнам». При этом чаще всего подразумевается все та же пресловутая война Запада против нашей страны. Вот как, например, об этом пишет известный исследователь в данной области И. Н. Панарин, пересказывая так называемый план Даллеса по развалу СССР, а теперь и России: «...Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательств — словом, всякой безнравственности». По словам автора, «последние 15 лет эти цели А. Даллеса полностью реализуются на российских телеканалах» [15, с. 186–187]. Хотя все это скорее напоминает так называемые «протоколы сионских мудрецов».

Попытаемся взглянуть объективно на такое явление, как «информационная война». Заметим, что этот термин, в отличие от «психологической войны», отсутствует пока даже в Британской энциклопедии. В английской версии так называемой свободной интернет-энциклопедии «Википедия» отмечается, что «информационная война» (IW) — это «изначально американская концепция, касающаяся использования и управления информационными технологиями с целью достижения конкурентного преимущества перед своим оппонентом» [16]. В немецкой версии добавлено, что сюда относятся также «методы, служащие к тому, чтобы отключить или саботировать «враждебные» коммуникационные системы» [17].

Во французской версии «Википедии» называются три формы «информационной войны» — «посредством», «ради» и «против» информации. В первом случае информация служит средством, война ведется путем распространения «сообщений, производящих определенный эффект». Во втором случае мы имеем дело с воровством информации (например, промышленный шпионаж). Третий вид «информационной войны» является как бы следствием или ответом на два предыдущих, т. е. это попытка противодействовать краже, нанесению урона или распространению вредной для своей стороны информации (в том числе, сюда можно отнести противодействие кибер-атакам) [18].

Наконец, в итальянской версии «Википедии» пересказывается классификация «информационных войн» М. Либицкого, который, между прочим, замечал, что «информационная война как обособленная техника ведения войны не существует» [12, с. X] и выделял семь ее видов:

- 1) действия подразделений командования и управления (C2W);
- 2) разведывательная деятельность (IBW);

- 3) электронная война (EW);
- 4) психологическая война (PSYOP);
- 5) хакерская война (HW);
- 6) экономическая информационная война (EIW);
- 7) кибервойна [19; подробнее см.: 12].

Заметим, что понятие «информационная война» встречается только в самых крупных языковых версиях «википедии» (кроме упомянутых эта статья есть еще лишь на нескольких европейских языках), причем статьи, как правило, небольшие, с указанием основных характеристик и литературы. Исключением являются русская и украинская версии. Статьи на этих языках — не только одни из самых пространных, но еще, пожалуй, самые идеологизированные. Особенно это заметно в русской версии, в которой, разумеется, нашли отражение популярные в отечественной публицистике «теории заговора», активно оперирующие понятием «информационная война». Русская версия — единственная, где даются два определения ИВ, причем на первом месте стоит следующее значение: «Информационная война... — 1) *воздействии на гражданское население и / или военнослужащих другого государства* (курсив мой — В. К.) путем распространения определенной информации» [20]. Т.е. подчеркивается прежде всего военное значение ИВ, чего нет ни в одной другой версии. И вообще упор в русской версии делается на «психологическую» составляющую информационной войны. Эти два термина в нашей литературе зачастую даже отождествляются. В русском языке появился и активно используется даже синтетический термин «информационно-психологическая война», сложенный из популярного в советские времена и «новомодного» понятия.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует об идеологическом влиянии на словоупотребление термина ИВ в русском языке, навеянном крайне правой научной и околонучной публицистикой, в свою очередь, обусловленной популярными штампами советской идеологической литературы и в целом пережитками «холодной войны». При этом мы вовсе не призываем к недооценке значения информационных технологий и, соответственно, информационных войн. Мы хотим только призвать осторожно и более серьезно относиться к этому термину, а не использовать его как очередной ярлык для нагнетания антизападной истерии в нашем обществе, которая, к сожалению, и без того чрезвычайно в нем распространена. Нам представляется, что задачей ученых всех стран (как и общества в целом) в XXI в. является воспитание толерантности, борьба с пережитками «холодной войны» и ксенофобией.

В заключение попытаемся все же ответить на вопрос, поставленный в заглавии. Чем же является деятельность оппо-

зиции в нашей стране? Частью проплаченной Госдепом США «информационной войны» против России или «доброй машиной пропаганды», в толковании сторонников оппозиционера А. Навального? По-моему, деятельность оппозиции — это прежде всего деятельность оппозиции, как во всех странах мира, и искать в ней исключительно скрытые смыслы, зловещий заговор мировой закулисы — это явно не научный подход. На самом деле, обе трактовки вполне абсурдны. Одна сторона, находясь в плену «теорий заговоров», использует понятие «информационная война» в старом идеологическом смысле — как извечную «психологическую войну» Запада против России. Другая сторона не менее наивно полагает, что пропаганда может быть доброй. Как ни странно, это ведь тоже своего рода повторение некоторых советских штампов о том, что наша пропаганда была правильная и хорошая, потому что основывалась на правде. На самом деле, и советская пропаганда была совсем не такой уж доброй, она тоже продуцировала образ врага. Видимо, это свойство пропаганды. Любая пропаганда, какими бы благими намерениями она ни оправдывала себя, так или иначе имеет целью навязывать людям определенные единые мнения, единые шаблоны, образы, и чаще всего почему-то это образы врага, а не образы друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий от hcitatel 24 апреля 2012, 21:07 UTC. URL: <http://navalny.livejournal.com/702056.html?thread=347107176#t347107176>
2. Комментарий от hcitatel 29 апреля 2012, 19:02 UTC. URL: <http://navalny.livejournal.com/704692.html?thread=348858292#t348858292>
3. Комментарий от hcitatel 9 мая 2012, 20:41 UTC. URL: <http://navalny.livejournal.com/706014.html?thread=351193310#t351193310>
4. Комментарий от hcitatel 14 мая 2012, 17:44 UTC. URL: <http://navalny.livejournal.com/706249.html?thread=352811977#t352811977>
5. Алексей Навальный создает «Добрую машину пропаганды» // Агентство «Ridus», 12.03.2012. URL: <http://www.ridus.ru/news/25423>
6. Навальный А. Мега-гипер-агитмашина добра. Пост от 12.03.2012. URL: <http://navalny.livejournal.com/692163.html>
7. Инвентаризационный сайт Доброй Машины Правды. URL: <http://mashina.org>
8. Живейнов Н. И. Операция РВ. «Психологическая война» американских империалистов. М., 1966.

9. Psychological Warfare // Encyclopædia Britannica Ultimate Reference Suite. Chicago, 2012.
10. Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. Мифы «психологической войны». М., 1985.
11. Гриняев С. Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/war>
12. Libicki M. C. What Is Information Warfare? Washington, D. C., 1995.
13. Szafranski R. A. Theory of Information Warfare: Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995.
14. Information Warfare and Information Operations (IW/IO). A Bibliography. Compiled by G. E. Marlatt. Dudley Knox Library, Naval Postgraduate School, 2008. URL: http://edocs.nps.edu/npspubs/scholarly/biblio/Jan08-IWall_biblio.pdf
15. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М., 2006.
16. Information warfare. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Information_warfare
17. Informationskrieg. URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Informationskrieg>
18. Guerre de l'information. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Guerre_de_l'information
19. Information warfare. URL: http://it.wikipedia.org/wiki/Information_warfare
20. Информационная война. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_война

Е. С. Крестинина

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ В НАУЧНЫХ КАТЕГОРИЯХ

Понятие информационной войны достаточно прочно укоренилось в лексиконе политиков, журналистов и публицистов. Как объект научного исследования информационная война выступает в большинстве случаев не сама по себе, а в рамках некоего case study, то есть автор, анализируя то или иное вполне конкретное информационное противостояние, более или менее обоснованно обозначает его как информационную войну. При таком фокусе исследования сам феномен информационной войны остается

за рамками изучения. Не претендуя на то, чтобы раз и навсегда заполнить существующие лакуны, попытаемся, тем не менее, более подробно остановиться на информационной войне как явлении и выявить ее специфические сущностные черты.

Прежде всего, отметим, что в научной литературе встречаются два наиболее характерных контекста для использования термина. В первом понятие информационной войны отождествляется с «войной будущего», войной с использованием информационных технологий, включая в том числе и новые инструменты агитации и пропаганды. Во втором — понятие употребляется в более узком смысле, как «битва за умы». Первый контекст более характерен для военной научной литературы, второй же чаще встречается в «мирных» исследованиях по политическим, социальным наукам, а также в исследованиях в области бизнес-коммуникаций и PR. Сказанное ниже касается «узкого подхода» к определению информационной войны.

Участники информационной войны. Используя понятие «война», необходимо понимать, что оно предполагает противостояние, то есть всегда должно быть как минимум два активных субъектных начала, находящихся между собой в состоянии конфликта. Именно наличие нескольких сторон отличает информационную войну от простого пропагандистского воздействия, где активное начало может быть одно.

Также необходимо четко понимать, что, как и в обычной войне, в войне информационной объект «захвата» является общим, то есть целевая аудитория воздействия в информационной войне у противостоящих субъектов должна быть единой. В противном случае будет отсутствовать сам факт борьбы.

Цели информационной войны. В отличие от агрессивной пропагандистской кампании, целью информационной войны является не только формирование определенных образов и «логик правильного действия» у целевой аудитории, но и дискредитация противника. Поэтому целью информационной войны всегда является дискредитация и/или вывод за пределы активного информационного пространства противоположенной стороны.

Средства и мишени информационной войны. Манипулятивные воздействия на общественное мнение не являются исключительным средством ведения информационной войны, она располагает более широким арсеналом и направлена не только на формирование определенных представлений у целевой аудитории. Опираясь на исследования теоретиков информационных войн [1, p.10–13] можно выделить как минимум 2 специфические арены, на которых информационные войны могут разворачиваться вне зависимости от того, сопровождаются они реальными военными действиями или нет. Первой мишенью воздействия и полем противостояния

являются системы передачи данных и сами данные. Поэтому порой информационные войны имеют если не осязаемое, то весьма зримое последствие в виде уничтоженных и/или закрытых массивов данных, принадлежащих противной стороне, интернет-сайтов, не работающих в результате хакерских атак, заглушаемых сигналов телевидения и радио. Однако блокировка информации, исходящей от другой стороны, не является самоцелью. Основной мишенью воздействия является когнитивная и эмоциональная сферы человеческого сознания. За счет воздействия на формирование повестки дня (agenda setting) и формирования определенных объяснительных схем и логик (mind framing), осуществляемых с помощью достаточно разнообразных приемов информационно-пропагандистского воздействия, субъекты информационной войны способствуют принятию и укоренению одной логики и отвержению другой.

Вышеуказанные характеристики подталкивают нас к выделению еще одной особенности, характерной для информационных войн — они всегда носят продолжительный характер.

По нашему мнению, выделенных особенностей достаточно для того, чтобы попытаться дать определение информационной войне как явлению. Итак, информационная война — длительное противостояние нескольких сторон, основной целью которого является господство одной из сторон в управлении мнением целевой аудитории и устранение из информационного поля/дискредитация другой стороны. К числу инструментов информационных войн можно отнести: цензуру, пропаганду, клевету и распространение слухов, а также хакерство и информационный шпионаж. Конечная цель информационной войны, выражающаяся в виде преобразования реальности по некоему желаемому образу, достигается не напрямую, а посредством формирования запроса и, затем, активного действия по данному преобразованию со стороны целевой аудитории. Учитывая это, по нашему мнению, не совсем корректно относить такие средства, как диверсии и репрессии, к инструментам информационной войны.

Даже реальные вооруженные конфликты могут затрагивать одну часть общества (например, один или несколько регионов страны) и почти никак не отражаться на другой. Информационные войны также могут носить весьма локальный характер. Масштаб информационной войны определяется величиной целевой аудитории. Сферами, в которых могут разворачиваться информационные войны, являются:

- экономическая сфера (информационные бизнес-войны между корпорациями);
- политическая сфера (информационные войны между противоборствующими политическими силами);

- социальная сфера (информационные войны между различными социальными, этническими или религиозными группами).

Также информационные войны могут носить внутри- и межгосударственный характер. Последний, как правило, сопровождается протеканием вполне реального вооруженного конфликта — так, сам термин «информационная война» вошел в активный лексикон после войны в Персидском заливе.

Даже применительно к узкому подходу определения информационной войны (то есть, при сосредоточении на противостоянии при помощи информации и каналов передачи информации, не затрагивая «кибервойны»), информационную войну можно разложить на две основные составляющие: техническую и содержательную.

Техническая сторона касается доступа к информации и манипуляций с ним. Как показывает опыт различных массовых протестных акций последних лет, значительное место в них занимает способ информирования и мобилизации сторонников. В частности, в период революционных волнений в Египте в стране практически не работал Интернет, во время обсуждения итогов думской кампании в результате хакерских атак серьезно была затруднена работа сервиса Livejournal и т. п. В случае, если одной из противоборствующих сторон является государство, нередки ситуации запрета вещания тех или иных теле- и радиостанций на территории данной страны.

Содержательная сторона информационной войны выражается в той информации (контенте), с помощью которой оказывается психологическое воздействие на целевую аудиторию. Наиболее часто данная информация носит пропагандистский или компрометирующий характер (а порой и оба сразу). Так, в последнее время (а в особенности в период выборных кампаний) в российском сегменте политического интернета разворачиваются достаточно серьезные войны компроматов. Причем большая часть представляемого компрометирующего материала добывается незаконными и/или неэтичными методами (взломы, прослушивания телефонных переговоров, съемки скрытой камерой).

Признавая в целом значимость информации как таковой и информационных войн в частности, не стоит переоценивать их роль и место в политическом поле. Практика показывает, что в случаях, когда одной из сторон выступает государство, оно, имея в своем арсенале не только средства информационного воздействия, оказывается зачастую все равно сильнее противоположной стороны. Так, например, отмечают, что использование интернет-коммуникаций и, в частности, Твиттера в ходе волнений в Иране хотя и способствовало распространению информации о волнениях, однако в целом

оборачивалось негативными последствиями скорее для пользователей, нежели для режима [2]. Также, анализируя возможный эффект от информационных войн в политической жизни, необходимо учитывать, что в условиях относительно низкой информатизации и приверженности большинства населения традиционным медиа, эффект от масштабных информационных кампаний, которые разворачиваются в интернете, может быть не сопоставимым с обычной традиционной пропагандой на государственных каналах.

На сегодняшний день большие перспективы в плане эффекта информационные войны имеют в коммерческой сфере. В первую очередь в силу того, что зачастую участники имеют примерно равные возможности, а целевая аудитория таких войн определена достаточно четко и зачастую уже, чем аудитория, на которую направлены политические информационные войны. Также значимым фактором является то, что потребительские настроения, равно как и предпочтения инвесторов в значительной степени зависят и от репутации компании и/или бренда. Неоднократно большие компании отказывались от IPO в силу того, что незадолго до размещения в СМИ публиковалась масса негативного материала, что в итоге сказывалось на рыночной стоимости. То есть эффект от информационных войн в бизнес-среде зачастую имеет вполне конкретное выражение в виде потерянной/приобретенной доли рынка и в соответствующих убытках/прибылях участников.

Литература

1. Alberts D. S. et al. Understanding Informational Age Warfare. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA395859>
2. Burns A., Elthan B. Twitter Free Iran: an Evaluation of Twitter's Role in Public Diplomacy and Information Operations in Iran's 2009 Election Crisis. URL: http://www.networkinsight.org/verve/_resources/CPRF_2009_papers.pdf#page=322.

А. В. Манойло

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

В современном мире информационные войны — одна из наиболее значимых проблем современных международных отношений. Действительно, информационные войны сегодня стали одним из важнейших факторов внешней политики, в локальных конфликтах они успешно сочетаются с вооруженной агрессией, но,

в отличие от последней, не подпадают под запреты и ограничения международного права.

Для того, чтобы выработать эффективную политику противодействия, необходимо определиться с основными понятиями и определениями: что же такое представляет собой информационная (психологическая) война, когда она начинается и когда заканчивается (это важно с международно-правовой точки зрения), правомочно ли использовать термин «война» к данному явлению, в чем состоит ее социальная опасность и в каких единицах она измеряется, а также определиться со способами, методами и инструментами ведения ИВ. К числу последних относится проблема определения понятия «информационное оружие», которое также повсеместно используется с самым различным смысловым наполнением.

Точность в определениях важна не только для достижения согласия в среде ученых-исследователей, но и для практиков: юристам-международникам важно знать, когда ИВ начинается и когда заканчивается, для того чтобы привязывать к этим ключевым точкам принятие соответствующих правовых актов, регулирующих вопросы войны и мира; дипломатам, подбирающим формулу к каждой конкретной ситуации; миротворцам, получающим сигнал о том, что конфликт перешел в особую, предельно опасную, но вместе с тем и управляемую, фазу; специальным службам, нацеленным на выявление и ранее предупреждение операций ИВ, имеющих длительную скрытую фазу; военным, пытающимся определить адекватность ответного удара. В современных условиях точность в определениях может быть достигнута не в результате закрепления одного из них в официальных документах (не в результате «инициативы сверху»), а только в результате взаимного согласия всех специалистов в данной области, как ученых-исследователей, так и практиков, относительно содержания понятия ИВ и других понятий данной предметной области. Как в связи с этим отметил Т. Кун, наука начинается тогда, когда ученые перестают спорить и начинают соглашаться. Эта формула применима и в данном конкретном случае.

Сам термин «информационно-психологическая война» (ИПВ) впервые был перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина («information and psychological warfare») с родного для него языка может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война», в зависимости от контекста. Многозначность перевода данного термина на русский язык стала причиной разделения современных российских ученых на два соперничающих лагеря — на сторонников «информационного противобор-

ства» и сторонников «информационной войны», несмотря на то, что на языке оригинала это, по существу, одно и то же.

Вводя в употребление термин «информационно-психологическая война», американские ученые, как гражданские, так и военные, придерживаются традиционной для американской культуры прагматичной идеологии, ориентированной на ближайшую перспективу: используя термин «информационная война», они формируют в сознании властных кругов и общественности целевую установку на то, что в будущем эта форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние. У американских экспертов в области психологических операций информационная война используется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как вектор формирования внешней политики, как программа выбора политического курса и конечная цель эволюции инструментов политического управления.

С нашей точки зрения, информационно-психологическая война в рамках научного исследования может рассматриваться на различных уровнях познания: как социальное явление; как поле политических конфликтов; как особая форма политического конфликта; как элемент системы инструментов политического регулирования (инструмент информационной политики).

В рамках каждого из указанных уровней рассмотрения информационно-психологическая война исследуется в рамках собственной научной гипотезы:

1. Социологическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — социальное явление и новая форма общественных отношений, порождаемая информационным обществом.
2. Статистическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — поле политических конфликтов, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии.
3. Конфликтологическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — политический конфликт с целью разрешения противоречий по поводу власти и управления, в котором столкновение сторон осуществляется в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия.

В рамках этой гипотезы цель ИПВ — разрешение противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве. Отсюда

вытекают основные политические задачи информационно-психологической войны:

- трансформация структуры национальных экономических, политических, социально-культурных, информационно-психологических пространств участников международных отношений в соответствии с собственными принципами формирования информационно-политической картины мира;
- достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений;
- достижение целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии;
- обеспечение благоприятных условий для перехода собственной национальной системы социально-политических отношений на новый, более высокоразвитый и высокотехнологичный этап эволюционного развития.

Необходимо также указать признаки ИПВ:

- насилие как основная форма взаимодействия участников информационно-политического конфликта;
 - информационно-психологические операции как специальная организационная форма оказания политического воздействия на участников конфликта;
 - применение информационного оружия.
4. Системно-функциональная гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — часть системы политического регулирования, инструмент информационной политики.

В рамках социологической гипотезы ИПВ рассматривается как новая форма социальных отношений (объект социологического анализа), а спектр конфликтных ситуаций, порождаемых психологической войной, — как внешнее проявление системных свойств данного объекта.

В рамках статистической гипотезы ИПВ рассматривается как сложная высокодифференцированная система (поле) политических конфликтов, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, каждый из которых рассматривается как единичная реализация ансамбля конфликтных ситуаций, генерируемых или проявляемых полем психологической войны.

В рамках конфликтологической гипотезы ИПВ рассматривается как политический конфликт, имеющий самостоятельное значение как объект исследования и управления, находящийся во взаимодействии и взаимообусловленности с другими политическими конфликтами.

В рамках системно-функциональной гипотезы ИПВ рассматривается как часть системы информационной политики как агрессора, так и жертвы агрессии, в рамках которой информационно-политические конфликты, порождаемые психологической войной, интегрируются в структуру политической системы конфликтующих сторон и используются ими в качестве инструментов политического регулирования.

Важно отметить, что современная агрессивная информационно-психологическая война сама порождает локальные войны и вооруженные конфликты, которые становятся ее индикатором, «витриной» и основной формой политического проявления скрытых процессов, лежащих в ее основе.

На современной стадии развития политических технологий информационно-психологическая война не всегда начинается с военных действий, но сами военные действия становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции — в качестве средства инициирования цепных психологических реакций, предусмотренных ее сценарием. Война психологическая порождает войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим иницирующий повод, а, следовательно, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в планах информационно-психологической войны традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет ее из сферы политических отношений — глобальные военные конфликты постепенно исчезают из политической жизни (в условиях ИПВ в них больше нет необходимости), количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растет.

Наблюдающийся сегодня постепенный перенос политической борьбы в информационно-психологическую сферу увеличивает риск возникновения локальных вооруженных конфликтов: технологии ИПВ многим кажутся привлекательными именно в силу их относительной дешевизны, доступности и эффективности, а, следовательно, интенсивность их использования в политической борьбе будет только нарастать. Соответственно, будет увеличиваться и количество локальных вооруженных конфликтов, которые в психологических операциях играют роль иницирующего механизма — так называемого «спускового крючка». Что, в конечном итоге, ведет к распространению практики применения собственно вооруженного насилия: там, где начинается психологическая война, обязательно возникнет локальный вооруженный конфликт.

Таким образом, информационно-психологическая война — это боевые действия, спланированные в соответствии с пиар-сцена-

рием, цель которых — не уничтожение живой силы и техники противника, а достижение определенного пиар-эффекта. Продукт современной операции информационно-психологической войны — это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

Обсуждение в Интернете

Комментарий от Читатель
10 апреля 2012 г., 20:38

С интересом прочитала статьи А. В. Манойло, в которых автор разъясняет понятие «информационные войны» и знакомит читателей с основными интерпретациями соответствующего термина в научной литературе. Обращает на себя внимание стремление автора систематизировать существующие в научной литературе подходы в исследовании информационных войн, дать критический анализ (хотя и очень краткий) этих подходов. При этом у меня как читателя-неспециалиста возникло несколько вопросов к Андрею Викторовичу как специалисту в данной области.

1. В аннотации к статье используется понятие «информационные и психологические войны». Это означает, что есть информационные войны и есть психологические, т. е. понятия разводятся. Обращение к англоязычному варианту термина (который можно воспринимать как первооснову) это разделение подтверждает. Непонятно, почему далее без объяснений информационная война отождествляется с психологической в формуле «информационная (психологическая) война». В последующем тексте автор использует еще один термин — «информационно-психологическая война». Вопрос: информационная война = психологической = информационно-психологической?
2. Если это так (а из текста следует, что это так), возникает второй сюжет. В перечне объектов воздействия ИВ автор называет и информационные системы «противника». Но информационные системы вряд ли могут быть объектом психологических войн (объектом последних, как мне представляется, должны быть люди), а, следовательно, понятие информационных войн является более широким, чем информационно-психологических. В данном случае предполагается наличие еще одного варианта (вариантов?) информационных войн кроме информационно-психологических. Интересно было бы познакомиться с мнением специалистов.

Комментарий от Преображенский

11 апреля 2012 г., 11:37

Продукт современной операции информационно-психологической войны — это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

О как! Я так и думал... Журналисты как инструмент госдепа.

Комментарий от А. В. Манойло

12 апреля 2012 г., 02:01

Продукт современной операции информационно-психологической войны — это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

О как! Я так и думал... Журналисты как инструмент госдепа.

Спасибо Вам огромное за интерес, проявленный к статье. Мне хотелось бы пояснить свою позицию относительно содержания понятий «информационная война», «психологическая война», «информационно-психологическая война» и т. д. Многие исследователи пытаются найти у этих понятий «10 различий», увеличивая общую неразбериху в существующей терминологии. Мне все-таки кажется, что это в определенной мере бессмысленное занятие: все эти термины описывают одно и то же явление, а различные прилагательные к термину война просто акцентируют внимание то на инструментах воздействия (информация, информационные способы воздействия, информационные технологии в термине «информационная война»), то на объектах воздействия (массовое и индивидуальное сознание, психика человека — в термине «психологическая война»), а иногда и на том и на другом — на инструментах и объектах — одновременно (термин «информационно-психологическая война»). Эта свобода вполне допустима для в целом еще неустоявшейся терминологии исследований в сфере информационных войн, находящейся в поиске точных определений и их смысловой нагрузки. Вот почему у меня в статье термины ИВ, ПсиВ и ИПВ употребляются фактически как синонимы, а прилагательное к термину «война» носит в основном сигнальную функцию, выделяя те аспекты, на которые стоит обратить внимание. Такой подход методологически оправдан: не стоит плодить туманные сущности.

Что касается информационных систем противника как объекта информационных войн, то это не мое мнение, а точка зрения тех авторов, чьи точки зрения приводятся в проведенной мною клас-

сификации взглядов отечественных исследователей на информационную войну (второй доклад). «Информационные системы противника» не стоит понимать буквально: в понимании военных, это технические средства и персонал, обладающие таким же единством, как танк и его экипаж в бою. Особого противоречия с другим определением объекта — сознание человека и общества — я не вижу: в любом случае воздействие на информационную систему ставит своей целью управление сознанием людей, исполняющих в этой системе определенные функции, или людей, для которых эта система является источником информации, необходимой для выработки и принятия управленческих решений. Так что конечным адресатом информационных атак все равно оказываются люди, их сознание и психика.

Есть, правда, и весьма курьезные мнения (устаревшие, но все еще упоминаемые), что ИВ — это война электронных систем (кибервойна), и что одной из ее разновидностей является РЭБ (радио-электронная борьба), поскольку она ставит помехи и искажает сигналы, несущие информацию. Seriously их вряд ли стоит рассматривать.

А. В. Манойло

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

Информационная война (ИВ) появилась как форма информационного противоборства, и в этом отношении она является продуктом развития общества, вобравшим весь опыт, который накопило человечество в ходе данного противоборства. В целом, все определения ИВ можно разделить на три основные группы.

Авторы первой группы сводят понятие ИВ к отдельным информационным мероприятиям и операциям [1, с. 9], информационным способам и средствам корпоративной конкуренции или ведения межгосударственного противоборства либо вооруженной борьбы [2, с. 35]. Г. Г. Почепцов относит ИВ к информационным способам и средствам ведения противоборства: «Информационная война — это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [3, с. 20]. С. П. Расторгуев определяет понятие информационной войны как «открытых и скрытых целенаправленных информационных воздействий информационных систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [4, с. 35–37]. В. С. Пирумов определяет ИВ как новую форму борьбы

двух и более сторон, которая состоит в целенаправленном использовании специальных средств и методов влияния на информационные ресурсы противника, а также — защиты собственного информационного ресурса для достижения назначенных целей [5, с. 44–47].

Авторы второй группы, в основном представители военных ведомств, как зарубежных, так и российских, относят ИВ к сфере военного противоборства. Первые определения ИВ специалисты МО США дали в ряде документов (Директив МО США TS3600. I «Информационная война» от 21 декабря 1992 г.; Директива председателя Комитета начальников штабов МО США № 30 «Борьба с системами управления», 1993 г.) сразу после операции «Буря в пустыне» (1990–91 гг.). В указанных документах ИВ рассматривается как особый вид военных действий, носящих манипулятивный, подрывающий или разрушающий характер. Английские специалисты по ИВ подчеркивают, что информационное превосходство одной армии над другой благодаря революции в военном деле позволит со временем одерживать победу над противником, избегая физического столкновения личного состава противников, либо делая это столкновение очень коротким и успешным. По их мнению, войны будущего смогут выигрываться путем применения исключительно или практически исключительно удаленных средств поражения военных и гражданских электронных систем противника [6, р. 47]. Подобных взглядов придерживаются также китайские военные специалисты. Анализ понятий ИВ немецких и канадских специалистов показывает, что они мало отличаются от американских, английских и китайских точек зрения [7].

В. Маркоменко под ИВ понимает формирование и массовое распространение по информационным каналам противника или глобальным сетям информационного взаимодействия дезинформации или тенденциозной информации для воздействия на оценки, намерения и ориентацию населения и лиц, принимающих решения (психологическая война) [8]. С. А. Комов определяет ИВ в военное время как комплекс информационной поддержки, информационных контрмер, мер информационной защиты, предпринимаемых в соответствии с единым планом и нацеленных на достижение и поддержание информационного превосходства над противником во время боевых действий [9, с. 73]. Ряд российских авторов (С. Н. Гриняев, С. А. Модестов, М. А. Родионов, А. И. Цветков и др. [10]) указывают на то, что термин «информационная война» в отношении современных информационных способов ведения войны не совсем адекватен, и было бы более правильно называть этот вид военных действий информационной борьбой, рассматривая его как информаци-

онную составляющую вооруженной борьбы. Н. А. Костин также рассматривает использование специальных способов и средств для воздействия на информационную среду противостоящей стороны, а также защиты собственной в условиях современной войны как информационную борьбу [11, с. 44–50].

Авторы третьей группы определений ИВ считают ее явлением внешне мирного периода межгосударственного противоборства, позволяющего решать внешнеполитические задачи несилowym в традиционном понимании путем. Большинство авторов относят ИВ к сфере геополитического противоборства. Так, Г. В. Емельянов и А. А. Стрельцов высказывают следующее мнение: «Под информационной войной понимается особый вид отношений между государствами, при котором для разрешения существующих межгосударственных противоречий используются методы, средства и технологии силового воздействия на информационную сферу этих государств» [12, с. 34]. Близкую точку зрения излагают А. Крутских и А. Федоров: «Информационная война — информационное противоборство с целью нанесения ущерба критически важным структурам противника, подрыва его политической и социальной систем, а также дестабилизации общества и государства противника» [13, с. 42]. В. Ф. Прокофьев считает, что информационная война — это «широкомасштабное противоборство в информационной сфере, осуществляемое путем явного или скрытого информационного воздействия на противника с целью навязывания ему требуемого для воздействующей стороны решения» [14]. Сущность ИВ состоит в скрытом управлении политическими, экономическими, военными и иными процессами государства-противника.

Целью информационной войны является оказание воздействия на системы знаний и представлений противника. Средствами, методами и способами ИВ у российских авторов являются либо информация, либо информационные воздействия, либо информационные технологии. В. А. Лисичкин и Л. А. Шелепин полагают, что ИВ — это война «качественно нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется за целенаправленное изменение общественного сознания» [15, с. 9]. В. В. Серебрянников пишет: «Невоенная ИВ представляет собой воздействие информационными технологиями одной стороны на властные, управленческие и информационные системы другой стороны, на сознание ее населения с целью насильственного навязывания своих духовно-нравственных и культурологических ценностей, возможно, вне связи с какими-либо военными действиями, а в замену их» [16, с. 43]. При этом большинство авторов указывают на насильственный характер действий в ходе ИВ, который является необ-

ходимым обязательным признаком войны в период отсутствия открытого вооруженного конфликта.

В качестве объектов воздействия выделяются властные, управленческие, информационные системы, вооруженные силы, процессы принятия решений, сознание населения, общественное мнение, критическая инфраструктура. В качестве целей ИВ называются довольно близкие положения: навязывание требуемого для действующей стороны решения; навязывание противнику своих духовно-нравственных и культурологических ценностей в замену военных действий; установление контроля над действиями противника и направление его деятельности в выгодном для действующей стороны русле [17, с. 49]; целенаправленное влияние на противника через свою и его информационную инфраструктуру; гуманитарное порабощение [18, с. 51]; навязывания противоположающейся стороне своей политической воли [19, с. 6].

Однако, все три существующих сегодня подхода к исследованию ИПВ, наравне с явными достоинствами, содержат и явные недостатки.

В первом случае категория войны размыта — в нее попадают практически все формы коммуникации, как политической, так и обыкновенной социальной, нет убедительного обоснования социальной опасности этого явления и причин, побудивших отнести эти формы социального взаимодействия именно к войне. В итоге получается, что для искоренения причин психологических войн надо устранить из общественных отношений (или поставить под жесткий контроль) любую форму информационного обмена, воздействующую на сознание.

Во втором случае информационно-психологическая война преследует узконаправленные цели военного противоборства, а ее возникновение привязывается к политическим причинам военного конфликта. Между тем, сегодня информационно-психологическая война используется в дипломатической борьбе самостоятельно, в мирное время, исключая применение традиционных мер вооруженного противодействия. Это определяет неэффективность государственной информационной политики, рассматривающей информационно-психологическую войну как составляющую традиционного вооруженного противоборства и не учитывающей иные, невоенные, причины возникновения информационно-политических конфликтов.

В третьем случае информационная война рассматривается как особый вид межгосударственных отношений, хотя декларируемая опасность информационной войны еще не дает оснований рассматривать ее вне категории политических конфликтов. При этом не рассматривается социальная сущность информационно-психо-

логической войны, к пониманию содержания которой ближе всего подошли ученые первой группы. Насилие как признак информационной войны позволяет более четко определить границы этого явления, но концентрирует внимание государственной политики на поиске методов противодействия собственно насильственному воздействию (трудно выявляемому на практике) вместо того, чтобы сосредоточиться на управлении данным социальным явлением и регулировании его социальной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусницин Н. А. Информационная война и безопасность. М., 2001.
2. Цымбал В. И. О концепции информационной войны // Информационный сборник «Безопасность». М., 1995. № 9.
3. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М., 2000.
4. Расторгуев С. П. Информационная война. М., 1998.
5. Пирумов В. С., Родионов М. А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5.
6. Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, 1998.
7. Воронцова Л., Фролов Д. Информационное противоборство: история и современность. М., 2003.
8. Маркоменко В. Информационное общество и проблемы его безопасности // Федерализм. 1997. № 4. с. 18–24.
9. Комов С. А. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 3. с. 73.
10. Гриняев С. Н. Война в четвертой сфере // Независимое военное обозрение. 2000. № 42.
11. Костин Н. А. Общие основы теории информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 3. с. 44–50.
12. Емельянов Г. В., Стрельцов А. А. Информационная безопасность России. Основные понятия и определения. М., 1999. Ч. 1.
13. Крутских А., Федоров А. О международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2000. № 2.
14. Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны. М., 1999.
15. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999.
16. Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997.
17. Ткач И. А. Разработка концепции информационной войны в интересах национальной безопасности // Информационная безопасность регионов России. СПб., 2000.

18. Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / под ред. М.А. Вуса. СПб., 1999.
19. Цыбульский И. Информационный прессинг: Ему отведена ключевая роль в военной стратегии США // Независимое военное обозрение. 1998. № 4.

Л. В. Моница

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Для современного периода характерно быстрое расширение предметного поля безопасности как национальной, так и международной. Наряду с традиционной военно-политической составляющей в понятие национальной и международной безопасности включаются такие компоненты, как экономическая, демографическая, экологическая, космическая и другие виды безопасности. Последним по времени появления стала информационная безопасность (ИБ). За этим стоит признание растущего значения информации в современном мире, появление нового вида угроз, вызванных борьбой за информационное пространство. Эти угрозы могут проявлять себя в разных формах. Наибольший интерес у специалистов вызывают информационные войны, которые, по мнению автора, могут вестись в двух вариантах: как информационно-психологические и/или информационно-коммуникативные (кибервойны).

Ввиду сложности и многоплановости проблемы информационной безопасности автор статьи ограничивается постановкой узкой задачи — выявить официальный подход к проблеме ИБ в России и отметить те усилия, которые предпринимает российская сторона для обеспечения информационной безопасности страны. Предварительно необходимо сделать важное уточнение. Если на Западе чаще всего говорят и пишут о киберугрозах и кибербезопасности (безопасности в киберпространстве), то в России на официальном уровне предпочитают использовать более широкое понятие — информационной безопасности. В принятой в сентябре 2000 г. российской Доктрине информационной безопасности под ИБ понимается защищенность ее национальных интересов в информационной сфере, определяющейся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [1].

Все угрозы ИБ РФ в Доктрине разделены на 4 группы и только в одной из них — четвертой — речь идет, собственно, о кибер-

угрозах — таких, например, как разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и информационно-телекоммуникационных систем, воздействие на системы защиты, утечка информации по техническим каналам и др. В этом многостраничном документе особый интерес, на наш взгляд, представляют разделы о внешних источниках угроз и о состоянии информационной безопасности РФ. В первом из них констатируется стремление ряда стран к доминированию и ущемлению интересов России в мировом информационном пространстве, а также обострение международной конкуренции за обладание информационными технологиями и ресурсами. Во втором отмечается технологическое отставание России, что влечет за собой необходимость закупок импортной техники и привлечение иностранных фирм. В результате возрастает вероятность несанкционированного доступа к информации и зависимость России от иностранных производителей компьютерной техники. Исходя из этого, ставится задача обеспечения технологической независимости России в важнейших областях информатизации, телекоммуникации и связи.

Таким образом, в этих двух разделах Доктрины ясно выражено опасение технологической маргинализации России (в течение последующих 12 лет преодолеть эту негативную тенденцию не удалось). В то же время можно заметить желание России — государства-«аутсайдера» в сфере информационных технологий — противостоять американскому доминированию в глобальном информационном пространстве. Эти две тенденции, на наш взгляд, объясняют, почему Россия главное внимание и усилия направила на формирование международно-правового механизма обеспечения ИБ. Работа ведется по нескольким направлениям: на двустороннем уровне, на уровне ООН и на уровне региональных организаций — ШОС и ОДКБ.

Начало сотрудничеству в сфере информационной безопасности на уровне двустороннего взаимодействия было положено в 1998 г. С этого времени стали систематически проводиться межведомственные экспертные консультации с США, Китаем, Индией, Бразилией и другими странами. Договоренности были закреплены в ряде заявлений (но не соглашений), в которых содержались положения о наличии угроз для международной информационной безопасности (МИБ) и подчеркивалась необходимость сотрудничества в интересах снижения их уровня [2].

В 1998 г. Россия инициировала вопрос о МИБ в ООН и тем самым вывела проблему информационной безопасности на международный уровень. Ею был предложен проект резолюции ГА ООН, в котором речь шла о целесообразности разработки между-

народно-правовых режимов в сфере ИБ. В предлагаемых российской стороной проектах (последний был внесен в 2011 г.) дается определение МИБ, информационного оружия, информационных войн и др., но они не встречают понимания у представителей других государств. Особенно настороженное отношение к предложениям России демонстрируют развитые и отчасти развивающиеся государства. Возражение вызывает предложенный Россией запрет на применение Интернета в военных целях и для свержения режимов в других странах и при этом оставленная властям значительная свобода действий внутри национальных сегментов киберпространства [3]. Главным оппонентом российских инициатив являются США. И это понятно: Соединенные Штаты лидируют в разработке информационного оружия, доминируют в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). Это превосходство обеспечивает США свободу рук, которую они стремятся сохранить, оставаясь вне сферы регулирования международного права.

Российские инициативы оставили определенный след в ООН. Так, тема МИБ стала регулярно обсуждаться в комиссиях и комитетах Организации, была учреждена Группа правительственных экспертов, целью которой стало изучение и оценка наиболее серьезных угроз МИБ и мер по противодействию им. Однако добиться более значимых (реальных) результатов России не удалось — слишком разные позиции занимают государства по вопросам обеспечения международной ИБ.

Более успешным для России оказалось использование региональных организаций для выработки правил обеспечения ИБ на международной арене. Понятно, что в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в отличие от ООН позиция России более значима, а в ОДКБ она является определяющей. Поэтому развитие российской концепции ИБ нашло отражение в документах этих организаций.

В течение последующего после принятия Доктрины периода проблема ИБ стала популярным предметом дискуссий в российском научном сообществе. Этому способствуют периодически созываемые международные конференции (например, Инфофорум-Евразия в 2011 г. состоялся в седьмой раз). С 2004 г. при МГУ им. М. В. Ломоносова работает Институт проблем информационной безопасности, организующий общероссийские конференции «Математика и безопасность информационных технологий». Кроме того, создан Национальный форум информационной безопасности, в ПИР-центре разрабатывается проект «Международная информационная безопасность и глобальное управление Интернетом» и т. д. В процессе обсуждений было уточнено значение не-

которых терминов и содержание понятий. На уровне научного сообщества, в отличие от официальных документов, самыми популярными стали термины с приставкой кибер-, например, «киберугроза». Киберугроза, как отмечают российские специалисты, проявляется в трех вариантах: киберпреступности, кибертерроризме и кибервойне.

Киберпреступность определяется как преступления, совершаемые в киберпространстве с целью получения выгоды, и означает действия «граждан против граждан». Кибертерроризм предполагает использование ИКТ международной террористической сетью. Уровень отношений здесь определяется формулой «граждане против государства». Кибервойны ведут государства против государств или граждан. Они признаются самыми мощными средствами, способными привести к небывалым разрушительным последствиям: нарушить работу экономической сферы, социальной инфраструктуры, государственного управления, угрожать жизни миллионов людей. В некоторых случаях кибервойны сравнивают с ОМУ.

Одновременно в России продолжалось исследование информационных войн, понимаемых как информационно-психологические (ИПВ). Специалисты, работающие в данном ключе, отмечают нарастающий поток дезинформации, использование методик политического манипулирования, которые позволяют доминирующим в информационной сфере государствам добиваться политических целей [4]. Противостоять этим угрозам, как подчеркивают российские авторы, можно только объединив усилия многих государств. В публикациях можно заметить предложение еще ряда средств, с помощью которых можно выстоять в условиях «растущего информационно-пропагандистского давления извне». Так, директор Инфо ШОС Денис Тюрин, отметив такие характерные черты Интернета, как использование английского языка и латиницы, в том числе в технологической инфраструктуре, делает вывод о негативных последствиях этого явления. Монополия производителей оборачивается, по его мнению, навязыванием информационно-идеологических стандартов и поведенческих стереотипов. Выход видится в развитии мультиязычных сетей, в отказе от иерархической структуры корневых серверов, а, следовательно, в создании децентрализованной распределительной сети и обязательной идентификации пользователей [5].

На наш взгляд, высказанная Д. Тюриным точка зрения заслуживает особого внимания. Учитывая его должность, можно утверждать, что автор статьи отражает не только позицию России, но и 6 государств-членов ШОС.

В отличие от ООН, в ШОС и ОДКБ государства-члены этих организаций хорошо понимают друг друга, так как у них общие проблемы: серьезное технологическое отставание от лидеров (особенно от США), недостаток высококвалифицированных кадров в области ИТ и, как следствие, высокая степень информационных угроз, идущих из киберпространства. Общие угрозы и вызовы государствам, уже входящим в региональные организации, делает возможным их тесное сотрудничество в сфере ИБ, что проявляется в разработке совместных документов по проблеме. Достаточно назвать некоторые из них. В 2006 г. на саммите глав государств-членов ШОС было принято Заявление по международной информационной безопасности, в котором подчеркивалась необходимость дополнить национальные усилия по обеспечению ИБ совместными действиями. В 2008 г. в ОДКБ была принята Программа совместных действий по формированию системы информационной безопасности. В 2009 г. на саммите ШОС было подписано Соглашение по взаимодействию в области обеспечения ИБ. В 2010 г. ОДКБ принято Положение о сотрудничестве государств-членов Организации в сфере обеспечения ИБ. Этот документ отличается большей конкретикой. В частности, он предусматривает развитие взаимодействий спецподразделений органов безопасности и внутренних дел в целях противодействия преступлениям в сфере современных информационных технологий и подготовку кадров специалистов по ИБ.

Таким образом, на региональном уровне Россия добилась определенных результатов в деле обеспечения ИБ. Это не вызывает сомнений. Но более масштабная (и самая важная) цель — формирование глобального режима регулирования безопасности киберпространства или, в расширительном понимании отечественных разработчиков проектов, информационного пространства — не достигнута. Поэтому Россия не оставила попыток внести в повестку дня Генассамблеи ООН вопроса о принятии юридически обязывающих документов в сфере МИБ. Можно заметить лишь некоторое изменение тактики — в качестве инициатора выступает не только Россия, но и ШОС. Размах российских инициатив, как отмечается в одном из докладов, подготовленных сотрудниками ПИР-центра, делает их достижение привлекательной целью. В то же время их трудно реализовать, поскольку сферу МИБ практически невозможно наполнить конкретными и детальными нормами в рамках единого документа, что неизбежно придает ему декларативный характер [6]. Но главными препятствиями на пути российских инициатив, как было уже отмечено, являются несовпадающие (или разнонаправленные) интересы государств в сфере МИБ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: http://www.rg.ru/ofizial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
2. Крутских А. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1. с. 28–29.
3. Демидов О. В. Проект доклада для сборника «Научные записки ПИР-центра». URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2713_1/pdf
4. Балугев Д. Политика в войне постиндустриальной эпохи // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3. с. 22.
5. Тюрин Д. Новая парадигма Интернета // Инфо ШОС. 2009. № 1. с. 42–43. URL: http://www.pircenter.infosco.org/media/magazines/2009/files/infochos_magazine_ru_2009_1/pdf
6. Демидов О. В. Проект доклада для сборника «Научные записки ПИР-центра». URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2713_1/pdf

В. А. Рыжков

О РОЛИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современной жизни, особенно в политике, мы постоянно имеем дело с информационными войнами. Вопрос только в том, какой смысл мы вкладываем в это понятие. Несмотря на то, что термин «информационная война» только — только нашел свое отражение в современных словарях, по сути он описывает очень старое явление. История знает этому массу примеров.

С каким явлением, если не с информационной войной, мы имеем дело, когда в 1917 г. царское правительство и кадеты распространяли информацию, что большевики являются агентами немецкого Генерального штаба? В ответ на это партия большевиков и народные массы распространяли слухи о том, что российская царица Александра Федоровна — шпионка, так как является немкой по происхождению. Именно поэтому, говорили они, Россия проигрывает все сражения. Была ли это информационная война или нет? Здесь мы имеем дело с информационной войной в ее классическом виде, только без той технологической стороны, которую обеспечивают в наши дни Интернет-технологии. Не вызывает сомнений, что две противоборствующие стороны применяли тогда технологии информационной войны.

С информационной войной в свой адрес столкнулся и известный американский писатель Марк Твен, когда собрался баллотироваться в губернаторы одного из штатов США. В своем замечательном рассказе «Как я баллотировался в губернаторы» он описывает все грязные политические технологии по дискредитации его как кандидата. Под влиянием целого потока клеветнических газетных публикаций он был вынужден снять свою кандидатуру с выборов и больше в политику не совался.

Таким образом, информационная война — новый термин, который описывает старое явление, существующее в человеческом обществе, может быть, тысячелетия. Пропаганда против Сократа, когда его приговорили к смерти — тоже был элемент информационных войн. Сейчас меняются лишь инструменты информационной войны. Если во времена В. И. Ленина и П. Н. Милюкова ими были газеты, листовки, брошюры, в лучшем случае — телеграф, то XX в. стал веком сначала радио, затем телевидения. Телевидение — самое массовое средство поражения в информационных войнах среди всех других.

В июне 2012 г. Левада-Центр проводил опрос в городе Барнауле — накануне выборов нас интересовало, откуда барнаульцы черпают общественно-политическую информацию. И вот результаты — 62% главным источником информации назвали телевидение, и только 15% — социальные сети. То есть соотношение по-прежнему в пользу телевидения: 4:1. Поэтому в информационных войнах телевидение России по-прежнему играет решающую роль. Не случайно на телевидении самая жесткая цензура, жесткий идеологический и политический контроль со стороны правящего режима.

Становятся ли информационные войны более жесткими? Безусловно. Это общемировая тенденция. Это можно наблюдать и сейчас, когда проходит президентская кампания в США. Один из кандидатов на пост президента США, Митт Ромни, выступая на закрытом ужине, допускает неаккуратные высказывания в отношении электората Барака Обамы. Снятое на скрытую камеру выступление было тут же выложено в Сеть и использовано против Ромни. Это пример информационной войны с использованием современных технологий, а именно, социальных сетей, YouTube и т. д. Все более жесткими становятся информационные войны между властью и оппозицией и в России.

В авторитарных и тоталитарных странах кроме того широко применяются методы *военной пропаганды*, у которой свои принципы.

Существуют три принципа методов военной пропаганды. Первый принцип: *полное подавление средств коммуникации противника*. Именно это и сделала российская власть в 2000 г., подчинив

себе основные телеканалы — ОРТ, НТВ, ТВ6, ТВЦ, основные радиостанции (кроме одной-двух), потом был захвачен большой сегмент Рунета — такие ресурсы, как Mail.ru, Yandex.ru.

Второй принцип военной пропаганды: *навязывание своей картины мира и своей повестки дня*. Навязывается такая повестка дня, которая выгодна стороне, ведущей военную пропаганду. В нашем случае это выгодные правящему режиму традиционализм, консерватизм, реакция, антизападничество и антиамериканизм, теория заговора и своя повестка дня: «кругом враги, мы с ними боремся, а те, кто критикует власть изнутри — пятая колонна, агенты Госдепа США».

Третий принцип военной пропаганды заключается в том, что транслируется *полуправда*. Нельзя транслировать полную ложь, потому что в полную ложь люди не поверят, а должно быть сочетание правды с вымыслом, чтобы вымысел казался более правдоподобным. Этот принцип хорошо показывает фильм, транслирующийся на НТВ и рассказывающий о протестующих — «Анатомия протеста». Он представляет собой смесь правды и лжи, которая делает ложь более правдоподобной.

Впервые принципы военной пропаганды были разработаны германским Генштабом 100 лет назад. В полном объеме они были впервые применены А. Гитлером в нацистской Германии. В значительной мере они применялись советским режимом в СССР. Сейчас идет попытка применить те же принципы военной пропаганды в отношении российского населения. Однако, у модели военной пропаганды есть одно слабое звено: *система работает только в том случае, если нет встречного потока информации, если его удастся полностью перекрыть*.

В нашем случае пока это не удастся. 15% барнаульцев, которые получают информацию из социальных сетей — это именно тот встречный поток информации, который не подконтролен (пока?) военной машине пропаганды, выстроенной сегодня в России. Именно поэтому Интернет в настоящее время стал главной мишенью правящего режима. Минувшим летом был принят закон, согласно которому чиновники Министерства связи могут блокировать неудобные ресурсы без решения суда. Сейчас механизм действия этого закона отрабатывается, он может блокировать даже такие громадные ресурсы, как YouTube, который имеет планетарный характер. Впервые в России создан правовой механизм административной цензуры в Интернете. До принятия закона сайт можно было закрыть лишь по решению суда, а судебное решение — это ведь не цензура. В случае, когда любой чиновник может принимать такие решения — речь уже идет о классической цензуре и чиновниках — цензорах.

Таким образом, задача правящего режима, который использует методы военной пропаганды, состоит в том, чтобы постараться захватить все коммуникационные площадки «противника», которым в данном случае являются оппозиция и гражданское общество. Единственный ресурс, который еще не перекрыт — Рунет, поэтому в ближайшее время стоит ждать атаки на Рунет и блогеров.

Не случайно в УК РФ возвращена статья за клевету, которая была отменена Д. А. Медведевым в декабре 2011 г. Статистика показывает, что 90% заведенных дел за клевету приходится на журналистов и блогеров. С другой стороны, оппозиция, как и власть, также использует технологии информационных войн. Например, доклады «Путин. Коррупция», «Путин. Итоги», сайты «РосПил», «Добрая машина правды» — встречный удар, который оппозиция и гражданское общество наносят по машине военной пропаганды, выстроенной властями. Конечно, ресурсы не сопоставимы. Именно поэтому машина военной пропаганды, запущенной властью, одерживает верх.

Как победить в информационной войне и можно ли победить? Проще всего победить методами военной пропаганды: перекрыть все коммуникации, навязать свою картину мира и смешать правду с полуправдой. Как говорил Й. Геббельс, «если у тебя в руках вся пропаганда и нет контрпропаганды, то ты можешь сделать из любого народа все, что угодно». Что, собственно, и продемонстрировал Третий Рейх в 30-е гг., а также И. Сталин в СССР в 30–50-е гг.

Как же можно противодействовать системе госпропаганды, стремящейся к тотальному контролю?

Во-первых, надо создавать свои средства коммуникации — то есть встречный поток информации. Во-вторых, применительно к информационным войнам использовать теорию Дж. Ная о «мягкой силе» и «жесткой силе». «Война компроматов» — это жесткая сила, когда одна сторона обвиняет другую, а другая отвечает ей зеркально. Однако долгосрочная победа в информационной войне достигается тогда, когда есть позитивная повестка дня, своя картина мира, свой образ будущего. Используя инструменты «жесткой силы», нельзя забывать про «soft power». С данной проблемой столкнулись американцы. Они силой подавили движения в Афганистане и Ираке, но смогли ли они предложить афганскому и иракскому обществам позитивную модель будущего, общества, государства, институтов? Вопрос остается открытым.

Секция 2

**ПРОПАГАНДА
И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ
В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
(опыт Европы и России)**

А. А. Анохин

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИСКРЕДИТАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ЛИНЬ БЯО

К концу 60-х гг. XX в. в Китае подходит к концу «великая пролетарская культурная революция», лидером и идейным вдохновителем которой являлся Мао Цзэдун. Однако, несмотря на это, ее главные цели, а именно сосредоточение всей полноты власти в руках «великого кормчего» и утверждение маоизма в качестве определяющей идеологии китайского общества так и не были достигнуты. По окончании культурной революции во внешней политике Китая происходит неожиданный поворот. На фоне напряженных отношений с Советским Союзом (особенно после вооруженного конфликта на острове Даманский) Мао Цзэдун внезапно решает на сближение с Соединенными Штатами Америки, против чего резко выступал Линь Бяо, считавшийся его официальным преемником. На II пленуме ЦК КПК, проходившем с 23 августа по 6 сентября 1970 г., члены Политбюро, включая Линь Бяо, впервые были поставлены в известность о тайных переговорах, которые велись в Вашингтоне китайскими представителями по указанию Мао Цзэдуна. Известно, что Линь Бяо и его сторонники резко выступили против таких контактов [1, с. 183]. И хотя, по признанию Мао, II пленум «взял под защиту заместителя председателя Линя» [2, с. 118], судьба его была решена. Осенью 1971 г. заместитель председателя ЦК КПК, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК и Государственного комитета обороны КНР, министр обороны КНР маршал Линь Бяо был лишен всех должностей и званий. Вместе с семьей он попытался бежать в СССР, однако самолет упал в Монголии, при этом все погибли.

Вскоре после его смерти, в конце 1971 г., Мао узнает о дневниках своего преемника, в которых содержатся изречения Конфуция, противоречившие его основным концепциям и установкам. Дело в том, что Мао Цзэдуна давно стала тревожить складывающаяся в КНР традиция использования Конфуция и раннего конфуцианства для критики его учения, взглядов и политики. В связи с этим лидер «культурной революции» развернул активную кампанию «пи Линь, пи Кун» (критика Линь Бяо и Конфуция). Поход против Конфуция был задуман в два этапа: на первом должны были поработать специалисты-маоисты — теоретики и философы. На втором — теоретики и народные массы, перед которыми стояла задача завершить задуманную операцию. Однако хотелось бы уде-

лить особое внимание специалистам-историкам, руками которых Мао Цзэдун предпринял попытку «атаковать» учение Конфуция. Такими по очереди выступили Го Можо, Ян Юнго и Фэнь Юлань.

Таким образом, на первом этапе перед маоистами стояла задача теоретически «увязать» учение Конфуция с идеологией современного ему гибнущего рабовладельческого класса и одновременно доказать прогрессивность легистов. По замыслу Мао, конфуцианцы объявлялись сторонниками древности, а легисты — сторонниками современности и реформ. Ему необходимо было отыскать такой период в истории Китая, где борьба конфуцианцев и легистов закончилась бы в пользу последних, где бы легизм на фоне конфуцианства выглядел исторически прогрессивным учением, а эксцессы легистов, в частности, казнь конфуцианцев и сожжение гуманитарной литературы — исторически оправданными. Он остановил свой выбор на эпохе Чуньцю — Чжаньго — Цинь (VII–III вв. до н. э.) [3, с. 227].

Успех задуманной кампании во многом зависел от того, удастся ли аргументированно разделить выбранный период на две формации: рабовладельческую и феодальную. Конфуция надлежало «поместить» в умирающую формацию, «отсечь» его от легистов, и прежде всего от Шан Яна, который должен был «жить и действовать» уже в другой, более прогрессивной общественно-экономической формации. По существу, речь шла о создании теоретической платформы будущей кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Первоначально осуществление этой задачи было поручено президенту АН КНР Го Можо. В июльском номере органа ЦК КПК журнала «Хунци» в 1972 г. была опубликована его статья «Проблемы периодизации древней истории Китая». Поскольку в самом Китае о существовании дневников Линь Бяо известно было немногим, данной статьей планировалось подготовить общественное мнение к критике как Конфуция, так и связанного теперь с ним Линь Бяо. Внимание кадровых работников (ганьбу), интеллигенции и всей партии приковывалось к проблеме смены рабовладения феодализмом. Переход от рабовладения к феодализму Го Можо связывал с крахом системы «цзин тянь» и становлением частной земельной собственности. По мнению Го Можо, «цзин тянь» — это система учета рабского труда и пожалований чиновникам, а не отражение общинной системы землепользования, как считали в то время многие китайские историки. Отмена Шан Яном системы «цзин тянь» означала, по его мнению, крах рабовладельческого строя, освобождение рабов и возникновение феодальных отношений. Один из основных аргументов в пользу существования феодализма в V в. до н.э. — I в. н.э. Го Можо

усматривал в том, что труд рабов уже не применялся в земледелии — основной отрасли производства [4, с. 27–28]. Хотя статья Го Можо готовилась как платформа для будущих нападок на Конфуция, о нем пока не говорилось. Этот факт можно объяснить тем, что общественности было известно отношение президента АН КПК к Конфуцию, который всегда неизменно высоко оценивал личность и учение мыслителя.

Для открытой критики Конфуция Мао Цзэдуну нужен был ученый, известный своим негативным отношением к учению мыслителя, и он остановил свой выбор на профессоре Ян Юнго. Именно он, в отличие от многих китайских ученых, доказывавших в период дискуссий 1957–1961 гг. прогрессивность учения Конфуция, неизменно утверждал, что взгляды мыслителя носили реакционный характер [5, с. 17]. Он, как правило, обрушивался с критикой на Конфуция, исходя из узкоклассовой оценки, социологизируя все его суждения. Ян Юнго обосновывал реакционный характер учения Конфуция тем, что мыслитель отражал идеологию рабовладельческого общества. Такие оценки, и особенно сугубо «марксистский» классовый подход, не могли не нравиться Мао. Как следствие, он «выпустил» на политическую арену философа, предоставив ему страницы «Хунци» и «Жэньминь жибао», указав при этом и направление критики, которая была изложена в трех установочных статьях: «Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю — Чжаньго (О социальных сдвигах периода Чуньцю — Чжаньго на основании полемики конфуцианцев с легистами)»; «Конфуций — идеолог, упорно стоявший за рабовладельческий строй»; «Борьба материализма против идеализма и априоризма в период обеих Хань». Именно в них, особенно в первой, были сформулированы основные теоретические обоснования кампании, которые повторялись затем в течение пяти лет в десятках книг и брошюр, сотнях и тысячах статей, десятках тысяч выступлений по радио, на митингах и коллективных проработочных обсуждениях с критикой древнего «реакционера» [6, с. 253].

За статьями Ян Юнго последовала целая серия статей, авторы которых не являлись специалистами в области древней истории и философии Китая. При этом они в основном опирались на аргументацию зачинателя дискуссии. Не остался в стороне и такой известный философ, как Фэнь Юлань. Он «включился» в кампанию Мао через год после Ян Юнго, когда критика Конфуция уже распространилась среди широких масс населения. Фэнь Юлань номинально должен был завершить первый, теоретический этап. Известный китайский философ выступил на страницах газеты «Гуанмин жибао» с двумя статьями — «Критика Конфуция и моя самокритика преклонения перед идеями конфуцианства в про-

плом» и «Споры о возврате к древности есть борьба двух линий», в которых отказывался от своей прежней концепции. По-видимому, маоистам было недостаточно простого отречения. Им было необходимо с помощью Фэнь Юланя доказать массам реакционный характер конфуцианского учения «о гуманности, о благородном муже» как воплощении лучших достоинств человека. Однако Фэнь Юлань, как и Ян Юнго, взял лишь социальное значение этих основных категорий учения великого мыслителя, опустив их второе значение — этическое. Термин «благородный муж» в большей степени использовался Конфуцием для обозначения этических категорий. Когда-то Фэнь Юлань в «Истории китайской философии» назвал Конфуция первым в истории Китая педагогом-просветителем. В 1973 г. Фэнь Юлань сузил значение основных положений, исказив тем самым (в угоду маоистам) суть учения Конфуция.

Подводя итог, необходимо отметить, что борьба с конфуцианством в рамках кампании «пи Линь, пи Кун», руками видных китайских ученых, носила исключительно спекулятивный, антиисторический характер и использовалась маоистами в целях, направленных на идеологическое обоснование антисоциалистического курса военно-бюрократического режима Мао Цзэдуна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колосков Б. Т. Внешняя политика Китая 1969–1976 гг. М., 1977.
2. Фетов В. П. Очередной кризис в Пекине: падение Линь Бяо // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 2.
3. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
4. Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
5. Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1969.

А. М. Бетмакаев

ПРОПАГАНДА И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: АМЕРИКАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ГОД ЕВРОПЫ» И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И ЕС В 1973 г.

Современной дипломатии присуще многообразие форм, свидетельством чему служит все возрастающая роль публичной дипломатии, которая, как и традиционная дипломатия, отстаивает государственные интересы и обеспечивает национальную без-

опасность. Публичная дипломатия нацелена на массовую аудиторию и исходит из того, что общественное мнение может оказать влияние на внешнюю политику национальных государств. Публичная дипломатия не заменяет собой традиционную дипломатию, а помогает подготовить почву для проведения официальных мероприятий на внешнеполитической арене. Это направление дипломатии известный американский исследователь Дж. Най относит к «мягкой силе» — к способности убеждать, опираясь на имеющуюся репутацию; а также на идеологическую, культурную и институциональную привлекательность [1, с. 33–35].

Отметим, что публичная дипломатия нередко ассоциируется с пропагандой. Согласно общепринятому понятию, пропаганда — это преимущественно преднамеренная манипуляция с помощью символов, слов, жестов, флагов, изображений, монументов, музыки и т. п. мыслями или действиями других людей в отношении их верований, ценностей и поведения. Известно, что термин «публичная дипломатия» появился в американской политологии в середине 1960-х гг. в результате поисков замены для вызывавшего негативные ассоциации слова «пропаганда». С одной стороны, необходимо было, чтобы выбранный на замену термин описывал уже существующую практику коммуникации с обществами других стран, с другой стороны, он должен был явно обозначить дистанцию между тем, что делают Соединенные Штаты и их союзники, и аналогичной работой, проводимой государствами коммунистического лагеря [2, с. 275].

Под публичной дипломатией мы понимаем не столько осуществляемые при государственной поддержке программы, направленные на формирование зарубежного общественного мнения, сколько публичные выступления государственных деятелей по ключевым вопросам международной жизни, направленные на «завоевание» доверия общественного мнения иностранных государств (назовем хрестоматийные примеры: речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и выступление Дж. Маршалла в Гарварде в июне 1947 г.). Мы разделяем точку зрения, что, в отличие от пропаганды, главное в публичной дипломатии — не только донести свою точку зрения, но и выстроить доверительные отношения с аудиторией [3, с. 195]. С учетом этого отличия мы предпринимаем попытку показать соотношение пропагандистского и публично-дипломатического компонентов в американской инициативе «Год Европы», направленной на улучшение отношений между США и Европейскими Сообществами после первого расширения ЕС в 1973 г.

23 апреля 1973 г. в речи перед редакторами информационного агентства Ассошиэйтед Пресс в гостинице «Уолдорф-Астория» Генри Киссинджер, помощник по национальной безопасности прези-

дента США Ричарда Никсона, выступил с инициативой начать «Год Европы». Главной темой речи Киссинджера было восстановление Атлантического альянса в эпоху разрядки и европейской интеграции — в эпоху, когда появлялось новое поколение граждан западных стран без коллективной памяти о Второй мировой войне. Киссинджер объявил, что для сохранения единства и энергии трансатлантических отношений необходимо заменить общий страх перед новой войной общим устремлением к будущему. Время и обстоятельства, убеждал Киссинджер, требовали политической воли на высшем уровне, чтобы вдохновить общественность по обе стороны Атлантики. Чтобы запустить процесс обновления, он предложил союзникам подготовить «новую Атлантическую хартию», которая могла быть подписана во время запланированной на осень 1973 г. поездки Никсона по странам Западной Европы [4, р. 100–102].

Очевидно, что озвученная от имени президента инициатива должна была произвести впечатление на западноевропейцев и подтолкнуть их к демонстрации атлантической солидарности. Знаменитый обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон сказал, что по своему духу и охвату это был «План Маршалла» для новой эры трансатлантических отношений [5, р. 474].

Как аргументированно показано в недавнем исследовании британского историка Э. Скотта, инициатива обновить трансатлантические отношения исходила от 84-летнего «отца-основателя» Европейских Сообществ Жана Монне, который был глубоко обеспокоен состоянием Атлантического альянса. В конце 1972 г. Монне обратился к американским чиновникам, включая Киссинджера, с предложением убедить президента установить диалог на высоком уровне по экономическим вопросам со странами-членами ЕС. Он полагал, что это откроет дорогу к декларации об общих целях и будущем атлантизма. Получив поручение Никсона изучить это предложение, Киссинджер разработал инициативу «Год Европы» [6, р. 148].

Однако реакция западноевропейских политиков на речь Киссинджера была, в лучшем случае, неоднозначной и, в худшем случае, негативной. Помощника президента критиковали в основном за то, что он представил инициативу, не консультируясь с европейскими союзниками. Идея и выбор времени оглашения инициативы показались западноевропейским политикам несвоевременными: в январе 1973 г. ЕС расширился с 6 до 9 стран-участниц, включив в свой состав Великобританию, Данию и Ирландию. Наиболее острые критические замечания подпитывались подозрением, что реальный замысел администрации Никсона был связан с заинтересованностью США не допустить усиления международных позиций ЕС посредством общей европейской внешней по-

литики, а не с необходимостью стимулирования атлантической солидарности [7, p. 134].

Поэтому в последующие месяцы инициатива «Год Европы» столкнулась с большими препятствиями. Обнаружив, что Франция сразу отклонила инициативу, а другие члены ЕС пытались дать общий ответ Вашингтону, нетерпеливый Киссинджер обратился к традиционной дипломатии: он попытался вести секретные двусторонние переговоры. Чтобы преодолеть «коллективный паралич» европейских союзников, Киссинджер в начале июня выдвинул альтернативное предложение. Вместо новой Атлантической хартии он предложил работать над «Декларацией принципов» [8, p. 700]. Кроме того, в конце июня Киссинджер продолжил двустороннюю дипломатию: Франция и, спустя несколько дней, Великобритания секретно друг от друга получили копии американского проекта декларации. Британская сторона была недовольна подобной процедурой, поскольку секретный и двусторонний подход Киссинджера подрывал усилия Лондона разработать общий ответ ЕС: западным немцам, например, американцы дали копию спустя еще десять дней, а другие шесть стран ЕС так и оставались непосвященными. Форин Офис решил игнорировать американский проект и впредь сотрудничать с США только в рамках многосторонней дипломатии [6, p.156].

23 июля 9 министров иностранных дел ЕС встретились в Копенгагене. Они одобрили Копенгагенский доклад, в котором получил дальнейшее развитие процесс Европейского политического сотрудничества (ЕПС) — предтеча современной Европейской политики безопасности и обороны. Европейцы решили обмениваться информацией, которую они получали в двусторонних контактах с Соединенными Штатами [9, p. 83–92].

Негодованием Киссинджера, казалось, не было предела. На встрече с британскими дипломатами в Вашингтоне 30 июля он обвинил европейцев в том, что они превратили его поиски солидарности в «антагонистические отношения». Идея западноевропейцев, что США теперь должны иметь дело с ЕС через представителя Дании, по его мнению, была абсурдной и оскорбительной. Европейцы, заявил Киссинджер, должны теперь взять инициативу на себя — для него «Год Европы был закончен» [10].

В последующие месяцы европейский ответ был дан. На встрече министров иностранных дел ЕС в Копенгагене 11 сентября была единодушно одобрена британская декларация проекта об отношениях между США и ЕС. Страны ЕС решили, что в отношениях с Соединенными Штатами они будут выступать как объединенная сторона. Теперь у европейцев была общая позиция, и британский министр А. Дуглас-Хьюм сказал о начале «новой дипломатии» [11,

р. 176]. Тем самым, публичная, а затем и двусторонняя дипломатия Киссинджера стимулировала углубление ЕПС.

25 сентября датский министр иностранных дел Кнуд Андерсен от имени «европейской девятки» представил в Вашингтоне проект декларации о развитии отношений между ЕС и США Киссинджеру, который с 22 сентября был государственным секретарем. Киссинджер был настроен благожелательно, хотя с этой встречей обычно связывают ироническую фразу, будто бы сказанную Киссинджером Андерсену: «Who do I call if I want to speak to Europe?» (Кому я могу позвонить, если я хочу поговорить с Европой) [12].

29 сентября состоялись первые переговоры между членами Политического Комитета ЕС и американскими чиновниками, что знаменовало торжество идеи многосторонних переговоров над двусторонней дипломатией Киссинджера. И в тот момент, когда появилась надежда на успех инициативы «Год Европы», арабо-израильская война в октябре 1973 г. расколола атлантических союзников, затормозив движение к согласию: США поддержали Израиль, а ЕС начал Евро-арабский диалог. По мнению Киссинджера, внезапное начало октябрьской войны «закончило то, что было или иллюзией, или загадкой» [8, р. 701].

«Год Европы», по мнению Ю. Ханимаки, редактора журнала «История Холодной войны, был неудачным sound bite (фрагментом аудио- или видеозаписи, предназначенный для использования в сводке новостей, хотя и достойной одобрения инициативой). Не было никаких сомнений, что трансатлантические отношения требовали переоценки: увеличение экономической мощи ЕС после расширения ставило в повестку дня вопрос о повышении политической роли Сообществ. Но представление инициативы было провальным, поскольку Киссинджер резко подчеркнул различие между глобальными обязанностями Америки и региональными интересами ЕС. Речь и последующая дипломатия, по мнению Ю. Ханимаки, возможно, означали бы открытие нового вида трансатлантических отношений, но западноевропейцы увидели в этом высокомерие Вашингтона [13, р. 275–276].

Таким образом, западноевропейцы восприняли новую американскую инициативу как акт пропаганды, который должен был скрыть реальный замысел американцев сохранить гегемонию США в рамках Атлантического союза. Зарубежная историографическая традиция, в целом, придерживается подобной интерпретации [14, р. 186]. По нашему мнению, дело обстояло несколько проще. Киссинджер, прибегнув к публичной дипломатии, был убежден, что его новая инициатива была необходимой и желанной перспективой для западноевропейцев. Осознав неудачный опыт публичной дипломатии, он обратился к проверенным и эффектив-

ным методам традиционной двусторонней дипломатии (Киссинджер с успехом провел переговоры с КНР и СССР). Но союзники в Западной Европе расценили это обращение как доказательство сохранения гегемонистских традиций США. Но и пропагандистское обеспечение инициативы «Год Европы» было явно недостаточным, в первую очередь, из-за пассивности Никсона. Президент был почти полностью сконцентрирован на ликвидации последствий уотергейтского скандала, который, в конце концов, привел к его отставке в августе 1974 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10.
2. Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО ун-та. 2010. № 2 (15).
3. Кононенко В. А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2.
4. Kissinger H. *American Foreign Policy*. N. Y., 1977.
5. Dallek R. *Nixon and Kissinger: Partners in Power*. N. Y., 2007.
6. Scott A. *Allies Apart: Heath, Nixon and the Anglo-American Relationship*. N. Y., 2011.
7. Gilbert M. *Surpassing Realism: The Politics of European Integration Since 1945*. Lanham, 2003.
8. Kissinger H. *Years of Upheaval*. L., 1982.
9. *European Foreign Policy: Key Documents*/Ed. by C. Hill, K. E. Smith and European Parliament. L., 2000.
10. *Record of Meeting: Kissinger, Trend, 30 July 1973* // *Documents on British Policy Overseas. Series III. Vol. IV. The Year of Europe: America, Europe and the Energy Crisis, 1972–74*. L., 2006.
11. Möckli D. *European Foreign Policy During the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity*. L., 2009.
12. Rachman G. *Kissinger Never Wanted to Dial Europe*. URL: <http://blogs.ft.com/the-world/2009/07/kissinger-never-wanted-to-dial-europe/#axzz1p4XApnAL>.
13. Hanhimaki J. M. *The Flawed Architect: Henry Kissinger and American Foreign Policy*. Oxford, 2004.
14. Gilbert M. *Partners and Rivals: Assessing the American Role* // *European Union History: Themes and Debates*/Ed. by W. Kaiser and A. Varsori. Basingstoke, 2010.

С. А. Иванов

ПРОПАГАНДА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

С конца XX в. мы стали свидетелями появления нового вида войн — информационных, которые зачастую предшествовали настоящим, а иногда и заменяли их, выполняя поставленные цели. Активное использование информационных войн отчасти связано с их относительной дешевизной и большим разрушающим эффектом, который не всякий противник сможет сразу реально оценить и устранить. Основной целью информационной войны является изменение общественного сознания в сторону, выгодную для противоборствующей стороны, что достигается при помощи различных приемов.

Одним из самых распространенных способов манипуляции сознанием является пропаганда. И. Н. Панарин считает, что этот термин появился в годы Тридцатилетней войны и произошел от названия основанной в 1622 г. римским папой Конгрегации Пропagанды Веры. Римский папа учредил папскую пропagанду как средство координирования усилий, направленных на восприятие людьми доктрин католической церкви, идеологическую борьбу с протестантами [1].

Кроме того, как отмечает И. Н. Панарин, длительный период времени термин «пропagанда» не получал широкого распространения, вплоть до начала XX в., когда его стали широко применять для описания тактики убеждения, использовавшейся в ходе Первой мировой войны. Первоначально она была определена как распространение пристрастных идей и мнений, часто с помощью лжи и обмана. С тех пор это слово означало массовое внушение или влияние через манипуляцию символами и психологией индивидуумов.

В этой связи, за основу определения данного понятия можно взять мнение активного участника информационных операций времен Второй мировой войны, сотрудника Управления военной информации США П. Лайнбарджера, который написал вышедшую в 1948 г. книгу «Психологическая война». В ней дана следующая трактовка: пропagанда представляет собой воздействие на сознание (подсознание), политические и ценностные ориентации объектов (групп объектов) посредством распространения воззрений, идей, учений с целью формирования мировоззрения, соответствующего интересам воздействующей стороны [1].

Еще в годы Первой мировой войны Г. Лассуэлл излагает взгляды на важную роль пропagанды в ней. По его мнению, война должна вестись на трех фронтах: военном, экономическом и пропagандистском. При этом пропagандой можно действовать как оружием прямой связи на нравственное состояние неприятеля.

ля, стараясь нарушить его состояние или же отклонить ненависть неприятеля от воюющей с ним страны. Ее успешность зависит от искусного применения средств при благоприятных условиях. Под средствами понималось то, чем пропагандист может располагать; под условиями — то, к чему он должен приспособляться. По его мнению, основные стратегические цели пропаганды: возбуждение ненависти к неприятелю; поддержание дружественных отношений с союзниками; сохранение добрых отношений с нейтральными странами и, если возможно, старание заручиться их сотрудничеством; деморализация противника [1].

Основными формами информационного противоборства в ходе Второй мировой войны, как отмечает И. Н. Панарин, являлись печатная и радиопропаганда, в меньших масштабах были представлены устная пропаганда и наглядная агитация.

Вторая половина XX в. внесла свои коррективы в осуществление пропаганды. Исследователи отмечают, что, по сравнению с предшествующим временем, в указанный период появилось новое средство информационного воздействия — телевидение, что и обусловило поиск новых приемов воздействия. Это отчетливо прослеживается в психологических операциях США. В частности, в ходе войны во Вьетнаме началось использование новых форм воздействия на психику человека, направленных, прежде всего, на подсознательный компонент психики. В американских радиопрограммах, листовках и устных передачах преобладали методы психологического воздействия (вопли ужаса, отчаянный женский и детский плач, буддийская погребальная музыка, записанные на пленку крики диких зверей, которые должны были изображать голоса лесных духов, демонов и т. п.), впервые практиковалось распространение среди населения нового средства пропаганды — телевизоров.

Наглядно роль телевидения показана Р. Н. Школиным на примере информационной войны против Ливии. Он рассматривает механизм информационной агрессии, который состоит из нескольких важных факторов. Первый — *эмоционально-экспрессивный фактор*, выражающийся, в частности, в драматическом художественном и музыкальном оформлении заставок новостей и аналитических программ. Это, как правило, красочные коллажи из флагов, лиц, протестующей мимики и жестов, обязательно — присутствия женщин и детей. И все это на фоне драматической или трагической музыки с формированием смысловой заставки — лозунга, типа «Ливия — в огне восстания». Он служит подготовке восприятия сознанием зрителя основного информационного материала в нужном контексте [2].

Второй — *фактурно-ситуативный*, состоящий в определенной форме подачи зрительного и текстового материала и выражаю-

щийся в строго определенных ракурсах съемок, выборе панорам, объектов и субъектов репортажей. В результате создается иллюзия присутствия гораздо большего количества людей, чем есть на самом деле. Для него обязательны смены статики и динамики картинки, например, вводятся кадры бегущих фигур, перемежающиеся крупными планами страдающих или раненых людей. При этом намеренно искажается реальность, крайне трудно привязать место к городу, улице, времени, числу. Более того, используется монтаж и намеренное тиражирование, перенос репортажей с их отсрочкой от реальных событий на два, три дня [2].

Третий фактор — *дезинформационно-контекстуальный*. Он может быть сформулирован, как «врите как можно больше и чаще». Это могут быть многочисленные звонки от «очевидцев» с мест события и т. п.

Более того, в последнее время появляются принципиально новые технологии ведения информационной войны. В частности, кадры о ситуации в Ливии, распространяемые катарской Аль-Джазира, зачастую создавались в специально построенных съемочных павильонах, имитирующих главные площади крупных городов Ливии [1]. Например, штурм Триполи 23 августа 2011 г. демонстрировался из съемочных павильонов в Катаре.

Таким образом, становится очевидным, что неотъемлемыми составляющими пропаганды являются агитация, дезинформация, слухи. На современном этапе все это продолжает играть существенную роль, но очевидно то, что меняются средства доставки и получения информации. Теперь это системы глобального телерадиовещания, использование спутников прямого вещания и, конечно же, Интернет. Еще в 1998 г. военно-политическое руководство США первым в мире начало рассматривать кибернетическое пространство как новую сферу ведения боевых действий.

В целом, когда речь идет о СМИ и формировании общественного мнения, нужно выделить методологические приемы, повышающие эффективность манипуляции сознанием. С нашей точки зрения, наиболее полно это было отражено С. Г. Кара-Мурзой. По его мнению, выделяются следующие приемы:

- Фабрикация фактов (прямая ложь), основные методы которой были отработаны уже в ведомстве Геббельса. Так, фашисты ввели прием подстраховки ложных сообщений правдивыми, большое внимание уделялось провокациям с единственной целью снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов.

Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами, в результате, был снят фильм о «встрече» [3].

- Отбор событий реальности для сообщений, поскольку главным условием эффективного программирования мышления является контроль над «информационным рационом» человека. Помимо замалчивания «ненужной» информации и создания тем самым «виртуальной» реальности вместо отражения действительности, СМИ широко используют принцип демократии шума, предполагающий потопление сообщения в хаотическом потоке бессмысленной, пустопорожней информации. В этой связи, С. Г. Кара-Мурза приводит мнение Г. Шиллера: «Подобно тому как реклама мешает сосредоточиться и лишает весомости прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками ничемной информации, еще больше осложняющей для индивида и без того безнадёжные поиски смысла» [4].
- Следующий прием — большие психозы, в соответствии с которыми континентального (межконтинентального) размаха «толпообразующее» действие СМИ приобретает потому, что они образуют единую сеть, которой действительно накрывают всю массу людей, не имеющих ни времени, ни навыков для критического восприятия сообщений [5].

Конечно, есть и другие методы, в частности, один из теоретиков американской пропаганды Л. У. Дуб выделяет такие, как:

- «наклеивание ярлыков» — предполагает, что какой-нибудь идее (событию) «приклеивается» негативный ярлык с тем, чтобы заставить читателя или зрителя отвергнуть и заклеить ее без изучения доказательств;
- «блистательная неопределенность», в соответствии с которой событие или идея ассоциируются с «миром добродетели», что заставляет читателя принять на веру и одобрить точку зрения автора без анализа доказательств;
- прием «перенос». Пропагандист использует его для переноса престижа или авторитета популярного лица или понятия на пропагандируемую идею (событие), чем способствует возникновению у читателя положительной или отрицательной реакции;
- прием «по рекомендации» заключается в том, что одобрение или осуждение идеи, программы, лица или события приписывается какому-либо уважаемому или непопулярному деятелю;
- «простонародность» используется тогда, когда пропагандист пытается убедить аудиторию в том, что он и его идеи хороши, потому что они принадлежат простому народу;

- прием «подтасовка карт» заключается в подборе и подтасовке фактов, использовании фальшивых доводов и иллюстраций, логических и противоречащих логике утверждений, чтобы опорочить программу, идею или деятеля;
- «общая платформа» — пропагандист при помощи этого приема стремится убедить читателя в том, что все члены группы, к которой он принадлежит, принимают предлагаемую идею (программу), и поэтому читателю следует присоединиться к остальным [6, с. 28].

Таким образом, пропаганда, как форма управления сознанием, использует различные приемы и техники. Они обеспечивают необходимое психологическое воздействие, целью которого является достижение определенных целей, что позволяет политическим субъектам использовать их в рамках информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. URL: <http://lib.rus.ec/b/358612/read#t32>.
2. Школин Р. Н. СМИ в февральской информационной войне против Ливии. URL: <http://shcolin.ru/personalnaya-informaciya/smi-v-fevralskoj-informacionnoj-vojne-protiv-livii.html>.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul47.htm>.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul48.htm>.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul49.htm>.
6. Саламатин А. Ю. Политический маркетинг как основа политических технологий и PR-кампаний в постмодернизирующемся обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. Общественные науки. 2009. №2 (10).

Е. Б. Казакова

ПРОБЛЕМА ЕВРОПРО В РОССИЙСКОМ И ЗАПАДНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ

На прошедшем 22 мая саммите НАТО в Чикаго было заявлено о завершении первого этапа развертывания ПРО, которая теперь переходит в стадию «промежуточной готовности». Это не может не привлекать пристального внимания России, где традицион-

но с недоверием относятся к американским противоракетным намерениям и скептически воспринимают заявления США о наличии ракетной угрозы со стороны третьих стран, которым система ПРО призвана противостоять. Ставшая камнем преткновения в российско-американских отношениях система противоракетной обороны усиливает международную напряженность и недоверие между двумя государствами. Российское руководство озабочено возможностью направленности данной системы против своих ядерных сил и отсутствием юридических гарантий, подтверждающих заверения США в обратном.

Тема размещения ПРО и собственно реакции России на это активно обсуждается в прессе, как отечественной, так и зарубежной. Российские СМИ считают беспокойство правительства РФ вполне обоснованным. Однако однозначной оценки правильности принятых ответных мер на развертывание ПРО в Европе, в частности, введения в строй радиолокационной станции системы предупреждения о ракетном нападении в городе Калининграде и разработки мер, обеспечивающих при необходимости разрушение информационных и управляющих средств системы ПРО, нет. Так, газета «Эксперт» пишет, что заявления России о превентивном ударе по ПРО в Европе в случае обострения обстановки могут сыграть на руку Митту Ромни, главному сопернику Барака Обамы на президентских выборах в США, считающему Россию «ключевым узлом оси зла» [1]. А договариваться с ним будет куда сложнее, чем с Обамой. Также отмечается, что Россия подобным образом втягивается в «новую холодную войну».

В большинстве публикаций признается фактом нацеленность системы противоракетной обороны против России. Так, «Московские новости» отмечают, что необходимость строительства ПРО именно там, где она строится, объясняется НАТО задачей защитить Европу от угрозы иранских ракет. Их пока не существует, к тому же совершенно неясно, зачем Ирану, который борется за региональное влияние с соседними странами (Израиль, Саудовская Аравия и пр.), вообще направлять свои пока еще лишь проектируемые ракеты на Европу [2]. Такая дислокация противоракет однозначно указывает на то, что разворачиваемая США система ЕвроПРО направлена и против России, пишет «Независимое военное обозрение» [3]. Оно же отмечает, что нежелание Соединенных Штатов давать какие-либо юридические гарантии относительно направленности ПРО свидетельствует о планах использования американской ПРО против российских стратегических ядерных сил [4]. Кроме того, отказ НАТО создавать ПРО, исходя из «секторального» принципа, т. е. создание сектора ответственности России за прикрытие национальными средствами

ПРО восточных и юго-восточных рубежей Европы, рассматривается российскими СМИ как еще одно доказательство нежелания США идти на сотрудничество с Россией и, как следствие, аргумент в пользу антироссийской направленности ПРО. Юридические гарантии, на которых настаивает Россия, как выход из ситуации вряд ли предвидятся. Федор Лукьянов в своей публикации в газете «Московские новости» выражает мнение, согласно которому отказ Америки от ПРО невозможен, равно как и юридические гарантии, связывающие Вашингтону руки. Решение же, по мнению автора, в таком случае лежит где-то на пересечении военно-технических мер контроля, то есть повышения прозрачности проекта, финансовых трудностей, которые заставят даже США серьезно экономить на военных расходах, и точно сформулированных политических деклараций. «Российская газета» отмечает, что пока не совсем ясно, какую именно роль в ЕвроПРО отводят России США, роль же пассивного наблюдателя Россию не устраивает [5].

В целом, стоит отметить, что действия Америки оцениваются негативно. ПРО называют противоракетным забором, которым огораживают Россию. Общая позиция российских СМИ относительно направленности ПРО совпадает с официальной, а оценка самой ситуации вокруг ПРО лишь варьируется от «напряженной» до «безвыходной». Неоднозначно относятся лишь к ответным мерам, предпринимаемым Россией.

Позиция, выражаемая зарубежными СМИ, конечно, имеет мало общего с только что представленной российской, хотя вариативна. Изученный массив статей можно разделить на 3 категории. К первой следует отнести статью Марка Адоманиса в журнале «Forbes» [6]. По его мнению, российская реакция ошибочно считается радикальной и преувеличенной, ведь США не дают РФ никаких существенных и надежных гарантий. Автор отмечает, что реакция США была бы такой же, если бы китайцы приступили к созданию глобальной системы противоракетной обороны, направленной против гипотетических будущих угроз, огорожив ей территорию США. К этому же направлению относится статья немецкого политолога Александра Рапа в «Deutsche Welle». С его точки зрения, Запад ведет себя с Россией как с потенциальным противником, несмотря на многочисленные проекты сотрудничества, предложенные Россией, в том числе совместную ПРО. Именно такое отношение вызывает у России недоверие и заставляет чувствовать себя отесненной на обочину [7].

Ко второй, самой обширной, группе статей следует отнести относительно нейтральные. Во многих из них подчеркивается, что ПРО направлена против возможной атаки со стороны Ирана и не только. Так, «Front Page Magazine» акцентирует внимание

на Индии и Пакистане, которые, согласно журналу, продолжают развивать новые баллистические ракеты, способные переносить ядерные боеголовки, а Пакистан увеличил свой ядерный арсенал с 90 ядерных боеголовки в 2009 г. до 110 [8]. Также Китай рассматривается как потенциальная угроза, так как он модернизирует свои технологии по доставке ядерных боеголовок. Основываясь на этих данных и возможной угрозе со стороны вышеперечисленных стран, американскими СМИ указывается, что развертывание ЕвроПРО не должно вызывать у России беспокойства. «Deutsche Welle», как и другие многочисленные зарубежные СМИ, считают меры, предпринимаемые Россией в качестве ответных, преувеличенными, усиливающими международную напряженность и заводящими переговоры в тупик.

К третьей категории автором исследования было отнесено наиболее радикальное мнение Джона Кайла, опубликованное в «The Wall Street Journal», которое состоит в том, что США не обязаны предоставлять России никаких гарантий, потому что Россия в свою очередь не предоставляет никаких гарантий, что ее баллистические ракеты на подводных лодках не нацелены на США. Почему Соединенные Штаты и НАТО, с точки зрения автора, должны оправдываться и уверять, что система ПРО не представляет опасности, а предназначена в основном для защиты от Ирана, но — в зависимости от развития событий в будущем — может быть эффективна и против российских ракет? С помощью ПРО США и союзники лишь осуществляют свое право на самооборону [9].

Во многих статьях встречаются прогнозы дальнейшего ухудшения отношений между державами и затухания «перезагрузки», но нигде не заявляется о возможности отказа от развертывания системы ПРО, в чем зарубежные СМИ солидарны с российскими. Российские и зарубежные СМИ сходятся также во мнении, что грядут изменения политики РФ в отношении ПРО в связи со сменой главы России, однако зарубежные подчеркивают, что ситуация может осложниться. В зарубежных СМИ часто фигурируют требования России гарантий ненаправленности ПРО против ее ядерных сил, но нигде не рассматривается возможность их предоставления. Очень многие зарубежные авторы придерживаются мнения, что еще есть пространство для переговоров, которые нужно проводить, чтобы найти выход из сложившейся ситуации, но четкого плана, каким образом проблема будет решаться, нигде не предлагается. В отличие от зарубежных, отечественные СМИ предлагают определенные возможности по выходу из ситуации или хотя бы дают прогнозы относительно того, каким образом это должно случиться (среди прогнозов преобладают довольно пессимистичные).

Российскими СМИ не рассматривается угроза со стороны Ирана, Пакистана, Индии и Китая, которой уделяется большое внимание американскими СМИ. Отечественные печатные издания акцентируют внимание на США, как источнике угрозы российским ядерным силам, и на способах выхода из сложившейся ситуации. В США, в свою очередь, акцент делают на ответных мерах России и растущем потенциале Китая, Ирана, Пакистана и Индии. Мнения, представленные зарубежными СМИ, более разносторонни и разноплановы, в отличие от позиций отечественных авторов, многие из которых солидарны по основным вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонов С. Последний стук в натовскую голову // Эксперт. Май 2012. URL: <http://expert.ru/2012/05/4/poslednij-stuk-v-natovskuyu-golovu>
2. Лукьянов Ф. Остров стратегической стабильности // Московские Новости. 23.05.2012. URL: <http://mn.ru/oped/20120523/318667222.html>
3. Малевич И. С. НАТО от Вашингтона до Чикаго // Независимое военное обозрение. 18.05.2012. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-05-18/1_nato.html
4. Владыкин О. Москва ПРОдавливает Брюссель // Независимое военное обозрение. 18.05.2012. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2012-05-18/1_msk_brussel.html
5. Размещение ПРО в Европе // Российская газета. 2011. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3041/index.html>
6. Adomanis M. Jackson Diehl's Quest for a Hypocritical and Ineffective Russia Policy // Forbes. 14.05.2012. URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2012/05/14/jackson-diehls-quest-for-a-hypocritical-and-ineffective-russia-policy>
7. Pap A. Как будут развиваться дальнейшие отношения России и ЕС? // Deutsche Welle. 19.05.2012. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,15961287,00.html>
8. Obama's Drive to Disarm America // Front Page Magazine. 23.02.2012. URL: <http://frontpagemag.com/2012/02/23/obama%E2%80%99s-drive-to-disarm-america%C2%A0>
9. Kyl J. Missile Defense is Self-Defense // The Wall Street Journal. 14.05.2012. URL: http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304070304577398102608414864.html?mod=googlenews_wsj

А. К. Кузнецов

РАДИОПРОПАГАНДА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Национальное радиовещание, как и другие средства массовой информации Третьего рейха, нацистские власти подчинили интересам политики унификации. Заявив о том, что устное слово оказывает на население более сильное воздействие, чем печатное, Геббельс выбрал радиовещание в качестве основного орудия нацистской пропаганды. «То, чем была пресса в девятнадцатом веке, радиовещание станет в двадцатом», — говорил Геббельс [1]. В период Веймарской республики германское радиовещание, как почти во всей Европе, было государственным. В марте 1933 г. Геббельс переподчинил национальное радиовещание, переведя его из Главного почтового управления в ведение министерства пропаганды. С этого момента и до последних минут Третьего рейха работа германских радиостанций до мельчайших деталей контролировалась лично Геббельсом и его аппаратом.

Были ликвидированы посты региональных радиокомиссаров, власти земель были отстранены от управления местным радио. Контроль над всеми радиостанциями Германии осуществляла Палата радиовещания. Радиовещание при нацистах развилось в исключительно мощную систему. Геббельс добился широчайшего внедрения в Германии дешевого «народного приемника», который был призван заменить репродуктор, так как не принимал иностранные передачи. «Народный приемник» стоил 76 марок. Потом был создан «немецкий мини-приемник», стоивший 35 марок, — в ту пору самый дешевый в мире радиоприемник. По просьбе функционеров нацистского «трудового фронта» был также сконструирован стоивший 295 марок приемник для коллективного прослушивания радиопрограмм. Еще перед войной радиоприемниками располагало 70% немецких семей. Однако трансляции крупных нацистских мероприятий немцы были обязаны прослушивать на оборудованных репродукторами площадях или в больших помещениях. Радио позволило объединять в определенное и самое короткое время миллионы людей в один, напряженно слушающий коллектив. Как показал опыт, психологически наиболее действенной была та форма, в которой передавались особо важные сообщения. Такое оформление заставляло прислушаться к голосу диктора даже тех, кто не проявлял к этому никакого интереса и кто полностью отвергал всякую пропаганду, в какой бы форме она ни распространялась. Сильно театрализованная передача особых сообщений (повторяющиеся позывные с промежутками в несколько минут, прерывание программы маршевой

музыкой, паузы и т. п.) стала основной формой всех пропагандистских передач вплоть до самого конца войны. Кроме того, каждый день, начиная с 5 час. 30 мин. утра и до полуночи, радиослушатель регулярно прослушивал девять передач последних известий.

Что касается иностранного вещания, то если в 1933 г. ему отводилось на немецком радио 45 минут в сутки, то в 1934 г. уже — 21 час 15 минут, а в 1937 г. — 47 часов. В 1940 г. по нацистскому радио передавалось 240 программ на 31 иностранном языке общей продолжительностью 87 часов в сутки. «Наши радиостанции, — публично хвастался Геббельс в марте 1941 г., — вещают ежедневно на столь многих языках, что понадобилось бы три дня только для того, чтобы прочитать тексты, передаваемые в течение одного дня. Каждый день на мой письменный стол ложатся 4 тома стенограмм материала, преподнесенного по радио в течение последних 24 часов» [2, с. 153]. Германская радиовещательная корпорация насчитывала несколько радиостанций (Мюнхен, Кенигсберг, Лейпциг, Дрезден, Гамбург), которые вели вещание на европейские страны, главным образом для «фольксдойче».

Радиостанции Германии повествовали о нацистском фюрере как о национальном достоянии, восхваляли нацистский образ жизни, необычайный патриотизм, национализм и величайшие задачи, стоящие перед немцами. Под девизом «Слово фюрера в каждое учреждение, в каждый дом» нацисты начали массовое распространение радиоприемников. Каждый владелец радиоприемника был обязан платить за него ежемесячно в качестве пошлины 2 рейхсмарки, которые шли на нужды министерства пропаганды. Германское радиовещание также служило инструментом пропаганды на зарубежные страны. Заботой Геббельса стало то, каким образом произвести благоприятное впечатление от нацистского режима на иностранного слушателя. В 1933 г. им была утверждена пятилетняя программа вещания на границу. На коротких волнах из Берлина, Дрездена и Мюнхена велись радиотрансляции оперных спектаклей, передавались симфонические концерты из Лейпцига. В эти передачи искусно вплеталась нацистская пропаганда. Вещание на зарубежные страны осуществляли специально созданные радиостанции: на Эльзас-Лотарингию работала радиостанция во Франкфурте-на-Майне, на Бельгию вещали из Кельна, на Данию — из Гамбурга и Бремена, на Чехословакию — из Бреслау и Глейвица, на Австрию — из Мюнхена. Для германских программ радиовещания за границу были характерны специальные условия, которые инсценировали своего рода «накладки», дабы исподволь уверить слушателя, что он имеет дело с совершенно бесхитростными, трогательно неуклюжими людьми. Эта намеренная попытка создать в представлении иностранной аудитории атмосферу непринужденной веселости и ком-

панейского духа в студии была предпринята нацистами в надежде вызвать у слушателей, еще не вовлеченных в конфликт, любовь к немецким программам и дикторам [3].

После начала Второй мировой войны ведомство Геббельса столкнулось с серьезными проблемами, связанными с радио. Прослушивание зарубежных радиостанций считалось изменой и строго наказывалось: лишь за первый год Второй мировой войны свыше 1500 немцев были отправлены в концлагеря, тюрьмы или на исправительные работы. В 1942 г. бывший шеф управления печати министерства пропаганды Ханс Фриче был отозван с Восточного фронта, чтобы возглавить отдел радиовещания. «Радиовещание должно достичь каждого, или оно не достигнет никого», — говорил Фриче [4, с. 78].

В последние недели войны по плану Геббельса была создана радиостанция «Вервольф», вещавшая от имени «немецкого движения сопротивления», информационные тексты для которой писал сам министр пропаганды. Тем не менее, эффективность немецкой радиопропаганды к концу Второй мировой неуклонно снижалась, и связано это было не только с противоречием, которое порождалось несоответствием между радиосообщениями и реальным положением на фронте, но и с успешностью советской радио-контрпропаганды [5, с. 216].

ЛИТЕРАТУРА

1. Так говорил Геббельс. Избранные речи и статьи министра пропаганды и просвещения Третьего рейха (Joseph Goebbels. Die ausgewählte Reden und Artikel). URL: <http://hedrook.vho.org/goebbels>
2. Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994.
3. Пропаганда в Третьем рейхе. URL: <http://www.historicus.ru/propaganda>
4. Орлов Ю. А. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.
5. Волковский Н. Л. История информационных войн. СПб., 2003. Т. 2.

О. Ю. Курныкин

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

История знает множество примеров и способов идейно-психологического влияния на население как подвластных, так и враждебных стран. Это исправление, а то и уничтожение исторических

хроник, фиксирующих деяния «нежелательных» государственных деятелей или династий; разрушение «чуждых» культовых центров и национальных святынь с целью подрыва морального духа противника или закрепления за собой вновь приобретенных территорий (относительно недавний пример — разрушение православных церквей и монастырей в Косово); принуждение к ношению санкционированных властями «правильных» одеяний и причесок (хрестоматийный пример тому из истории Цинской империи, когда китайцев-мужчин принуждали в знак покорности и лояльности носить характерные маньчжурские прически и т. д.). О понимании значимости деморализации противника посредством информационного воздействия свидетельствуют, в частности, известные стратегемы, разработанные много веков назад китайскими военными и государственными деятелями. От современных информационных войн эти примеры информационного воздействия отличаются скорее методами и масштабами охвата населения, нежели существенными характеристиками.

Заметные подвижки в воздействии на массовое сознание происходят в XIX столетии, что связано как с происходившей постепенной демократизацией общества, так и революционными по своим последствиям изменениями в сфере транспорта и передачи информации. Знаменами новой эпохи становятся газеты, телеграф, информационные агентства. С ростом тиражей газеты становятся дешевле, а значит доступнее, а распространение информации превращается в прибыльную сферу бизнеса. Среди примеров информационного противостояния XIX в. можно упомянуть роль британской и российской прессы в формировании «образа врага» в период Крымской войны и во время других кризисных ситуаций в ходе «большой игры» на Востоке. Не случайно А. Е. Снесарев писал о «нервно-пристрастном» освещении афганской проблемы британскими и российскими авторами. Соперничество двух великих империй на Востоке несло в себе информационный компонент, заметно влиявший на взаимовосприятие российского и британского обществ.

Новыми прорывами в информационной сфере ознаменовался XX в. К прежним каналам распространения информации добавляются радио и телевидение. Показательно, что уже в 20–30-е гг. прошлого века возникает феномен инновещания, т. е. радиопередач на другие страны. Это означало, что информация официально признается в качестве важного компонента внешнеполитической деятельности государства. Происходит институализация информационной деятельности, создаются соответствующие структуры внутри- и внешнеполитической направленности, вплоть до министерств информации в некоторых странах. Показательно, что большее внимание информационному воздействию на массы

как в своей стране, так и за ее пределами уделялось тоталитарными режимами. Кстати, в связи с этим возникает вопрос, является ли информационной войной принудительное распространение информации властями внутри своего государства. Отметим также, что лидирующие позиции на информационном рынке на долгое время захватило телевидение, поставляющее массовому потребителю наиболее привлекательный и легко усваиваемый продукт. С точки зрения потребительских качеств информационного продукта конкурировать с телевидением не в состоянии даже Интернет.

Таким образом, если под информационной войной понимать целенаправленное воздействие на гражданское население или военнослужащих противника с целью нанесения ему ущерба, то это явление отнюдь не новое и уходит своими корнями в далекое прошлое, едва ли не ко временам первых межгосударственных конфликтов.

Хотя сам термин «информационная война» вошел в научный лексикон в начале 1990-х гг. (с подачи американских военных), по сути, первой формой глобального информационного противоборства стал раскол мира в послеоктябрьскую эпоху на две соперничающие социальные системы, претендовавшие на «всечеловеческую» универсальность. Впрочем, тогда использовалось вполне адекватное понятие «пропагандистская война» (а значит, закономерным было появление контрпропаганды и занимающих ею соответствующих структур). Термин «пропагандистская война» концентрировал внимание не на методах воздействия и способах передачи информации (они были, по сути, одинаковыми у противостоящих сторон), а на содержательной, идеологической компоненте (сам термин пропаганда можно определить как распространение пристрастных идей и мнений). Действительно, это было противостояние двух социальных моделей, стремящихся доказать свое превосходство не только в сфере экономики, военных технологий и геополитики, но и с точки зрения привлекательности образа жизни. С учетом масштабности, содержательности и взаимного неприятия это была «великая информационная война». Последняя велась с переменным успехом, но в конечном итоге завершилась распадом и сходом с исторической арены «социалистического лагеря». Парадоксально, но именно после этого в научный оборот вводится понятие «информационной войны», что, очевидно, отражало скорее не сущностные, сколько технологические новшества в информационно-коммуникативной сфере.

Мы не будем касаться внутривнутриполитических аспектов информационного воздействия, основной целью которого является легитимизация и сохранение правящих режимов, а также инфор-

мационных кампаний в сфере корпоративной конкуренции. Эти сюжеты требуют особого рассмотрения. Термин «информационная война» чаще используется применительно к сфере межгосударственных отношений. Информационная война в современной еипостаси пополнила арсенал инструментов для достижения определенных внешнеполитических целей. Показательно, что наиболее активно проблематикой информационных войн занимаются представители военных ведомств, которые противостояние в информационном пространстве воспринимают как новую форму военного противоборства, дополняющую или замещающую традиционные методы военных действий. В литературе даже появилась характеристика информационного оружия как оружия нового, седьмого поколения (хотя в этой характеристике, возможно, и присутствует некоторое преувеличение, неизбежное при осмыслении новых явлений). Соответственно, основное внимание уделяется технологиям информационно-психологического воздействия на противника и защите собственного информационного пространства от нежелательного внешнего воздействия. В качестве особенно направленного военно-технического противоборства выделяются кибервойны (информационно-коммуникативные), призванные нанести ущерб информационно-телекоммуникационным системам противника. Однако упор лишь на технологическую сторону информационных войн (а именно технологию воздействия на массовое сознание, защиту информационных систем от атак хакеров и т. д.), иначе говоря, утилитарно-прагматический подход, не может гарантировать победы в информационном противоборстве, даже при временных, тактических успехах.

Для исторического анализа более важен другой вариант информационных войн — а именно войны информационно-психологической. Эти два варианта отражают различия между технократическим и гуманитарным подходом к феномену информационных войн.

Значимость информационного ресурса как дополнительного фактора совокупной мощи государства, несомненно, будет возрастать. В литературе можно встретить не лишнее пафоса утверждение о том, что информация является главным стратегическим ресурсом человечества. Число пользователей Интернета в мире приблизилось к 2 млрд (кстати, в России этот показатель не так уж высок; по данным на 2010 г., Интернетом пользовались 37% взрослого населения нашей страны, при этом почти 40% российских пользователей Интернета было сконцентрировано в двух городах — Москве и Санкт-Петербурге [1, с. 130]).

Нет необходимости останавливаться на роли социальных сетей в организации современного протестного движения, об этом

уже много сказано и написано, в частности в связи с «оранжевыми» революциями и «арабской весной» 2011 г. Информационное оружие может применяться и в более локальных масштабах. В августе 2012 г. в Индии с помощью фальшивых сообщений, разосланных через социальные сети Интернета, были спровоцированы паника и массовое бегство из Мумбаи и других городов выходцев из северо-восточных провинций страны. Эти люди стали получать послания с угрозами отмщения за убитых в результате межэтнических столкновений в штате Ассам мусульман. Текстовые сообщения дополнялись поддельными фотографиями, изображавшими жертв погромов. Власти Индии усмотрели в этом руку Пакистана (возможно, небезосновательно) и заблокировали 250 веб-сайтов, распространявших подобную провокационную информацию. Эти события можно расценить как довольно результативную информационную диверсию. Данный пример свидетельствует о возможности, используя современные коммуникационные каналы, спровоцировать массовые волнения, особенно если распространяемая информация попадает на подготовленную почву.

Вместе с тем представляется обоснованным призыв Е. С. Крестининой не переоценивать роль и место информационных войн в политической жизни и межгосударственных отношениях [2]. Процессы, разворачивающиеся в глобальном информационном пространстве, помещены в контекст более мощных исторических тенденций.

Есть основания говорить о наметившемся форматировании информационного пространства в соответствии с реальным геополитическим раскладом в мире. Глобальное информационное пространство становится более сегментарным, предпринимаются попытки разделения его национальными и региональными перегородками. В частности, подобная инициатива высказана в рамках Шанхайского организации сотрудничества. Заметно усиление роли государства на информационном поле и попытки государственного регулирования сети Интернет. Еще не ясны до конца последствия для правового регулирования Интернет-пространства событий вокруг известного фильма, оскорбившего чувства мусульман, хотя подавляющее большинство протестующих мусульман этот фильм не видело. Кстати, события, связанные с нападением на дипломатические представительства США в ряде мусульманских стран в сентябре 2012 г., свидетельствуют об эффективности вполне традиционных способов манипулирования толпой, возбуждаемой и направленной муллами, особенно после пятничных молитв.

События «арабских революций» 2011–2012 гг. дают любопытный материал для анализа проблематики современных «информационных войн». Как никогда прежде новейшие технологии

коммуникаций (социальные сети) выявили свои мобилизационные возможности в организации массового протестного движения, сделав неизбежными попытки государства усилить контроль над интернет-пространством. Вместе с тем, в соответствии с неумолимой логикой революционных переворотов, у власти в Египте и Тунисе оказались не те силы, которые инициировали протестные выступления и организовались благодаря новейшим коммуникационным каналам, а исламисты, опиравшиеся на традиционные архетипы массового сознания. Еще одним результатом событий «арабской весны» стала активная и все более значимая роль арабских игроков на ближневосточном информационном поле, что ставит под вопрос тезис об абсолютном доминировании стран Запада в мировом информационном пространстве. Вместе с тем кампания против режима М. Каддафи, солидарно осуществленная усилиями ведущих стран НАТО и монархий Персидского залива, дает пример успешно проведенной информационной войны.

Современные информационные противостояния являются отражением не только геополитического соперничества, но и несут в себе определенный цивилизационный компонент (о чем, кстати, несколько неловко и неуклюже было заявлено официальным представителем российского МИД относительно приговора участницам известной женской панк-группы, но показательное само обращение российской дипломатии к «цивилизационной» аргументации как компенсации слабости политико-правовой позиции). Глобализация не только сокрушает барьеры на пути товарных и финансовых потоков, культурных веяний, массовых миграций, сопоставимых с Великим переселением народов эпохи раннего средневековья. Глобализация вывела на историческую авансцену новых игроков, не только смешав прежние геополитические расклады, но и придав необычайное многоцветие культурно-цивилизационной палитре современного мира. В этих условиях неизбежно возрастает конкуренция социально-культурных моделей, конкурентные преимущества которых определяются, в конечном итоге, экономической эффективностью и качеством жизни населения.

Вопрос заключается в том, где находится грань между «насильственным навязыванием своих духовно-нравственных ценностей» как одним из проявлений информационной войны и естественно-исторической конкуренцией социальных моделей. Как, противодействуя враждебному информационному влиянию, не замкнуться, не окуклиться в рамках национально-культурной «самобытности», утрачивая при этом историческую динамику?

Возникает и другой вопрос: насколько современные информационные войны способны повлиять на общий расклад сил в системе международных отношений? Насколько они являются

значимым и самостоятельным фактором, способным обеспечить выигрыш той или иной стороне? Наконец, можно ли с помощью удачно разработанных и осуществленных информационных кампаний «обмануть» историю путем конструирования и последующего насаждения в общественном сознании тех или иных идеологем? Ответы на эти вопросы может дать только историческая практика. Отметим лишь, что исторический подход располагает к некоторой осторожности в суждениях о каких-либо новациях в социальных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьева Е. С. Развитие информационного общества: проблемы безопасности // Вестник МГИМО — Университета. 2012. № 1.
2. Крестинина Е. С. Феномен информационной войны: попытка определения в научных категориях. URL: <http://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=1591>.

А. В. Сковородников

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЮГОСЛАВИИ

События в бывшей Югославии показали, насколько хрупким может быть мир, когда контроль над политическими событиями переходит из рук рационально мыслящих политиков в руки радикалов, имеющих поддержку извне. В Югославии это неминуемо привело к гражданской войне. Эскалация насилия и резни по этническому принципу санкционировались авторитетными деятелями, стоявшими во главе национальных правительств. Кроме этого в 1990-е гг. в этой балканской стране были опробованы и успешно реализованы методы и приемы информационной войны. Конечно, это не являлось изобретением данного периода, но последовательность и определенная направленность этих элементов противостояния позволяет более тщательно проанализировать аспекты такого явления, как информационная война, в том числе в контексте современных реалий.

В 1991 г. Югославия вступила в полосу войн, кризисов и потрясений. Крайними в этой ситуации оказались сербы. Они проживали во всех республиках бывшей Югославии, и в новых национальных государствах оставались в меньшинстве. Будучи государствообразующим этносом еще даже в рамках социалистической Югославии, этот народ, исходя из национальной политики, проводимой руко-

водством И. Тито, находился в весьма незавидном положении. После распада единого государства надеяться на мирное разрешение национальных конфликтов вряд ли было возможно.

Причины крушения Югославии своими корнями уходят в 1940-е гг. Несмотря на то, что страна на протяжении десятилетий строила социализм, западные государства активно спонсировали Тито, таким образом противопоставляя югославский вариант развития советскому. После распада СССР и прекращения «холодной войны» югославский проект фактически себя исчерпал. Для Запада более приемлемым оказался вариант распада государства на нескольких мелких образований, которые было бы проще контролировать. Именно с этой целью поддерживались лидеры, выступавшие с националистическими заявлениями и стремившиеся к национальной независимости. Запад, особенно в лице США, стремившихся закрепить свое уникальное положение в постбиполярном мире, и ФРГ, желавшей обозначить усиление своего влияния на международную политику, подтолкнул югославские народы к войне, обвиняя сербов в кровожадности, а сербское руководство в амбициозности. В этих условиях сербы, сначала попытавшиеся с оружием в руках и применением всех доступных на тот момент средств удержать страну от развала, а затем выступившие за консолидацию своего народа в Великой Сербии, оказались главными военными и идеологическими противниками. Долгие годы олицетворением такой политики был С. Милошевич, с именем которого еще с конца 1980-х гг. сербы связывали свое национальное возрождение. Отношение к этой персоне в самой Югославии противоречивое: от восприятия его как спасителя сербского народа и Отечества до признания предателем национальных интересов. Немаловажную роль в формировании таких крайних оценок сыграли пропагандистские кампании — с одной стороны команда самого югославского президента, с другой — западные политтехнологи.

Цель информационной войны — опорочить и запугать противника так, чтобы он сам поверил в свою униженность и понял, что сопротивление «цивилизованному» оппоненту бесполезно и даже губительно с точки зрения дальнейших перспектив. Дезинформация подается под видом новостей, события искажаются, и в общественное сознание поступают сведения не о конкретных фактах, а субъективное мнение, сформулированное в выгодном свете. Под любую теорию можно подобрать аргументы, важно лишь то, как их преподнести.

С точки зрения западных СМИ и официальных заявлений политиков, именно сербы были повинны во всех жертвах войны. Такая позиция сводится к тому, что сербы воевали против всех

остальных и чуть ли ни против всего мира: сербы спровоцировали начало крупномасштабных боевых действий на постюгославском пространстве, инициировали этнические чистки, разрушали города, культурные памятники, уничтожали гражданское население, пренебрегали всеми нормами международного права.

В бывшей Югославии был отработан и доведен до совершенства сценарий развития событий, который мы наблюдаем сейчас во многих регионах мира. Провозглашение гуманитарной катастрофы, защита этнических, религиозных интересов малых народов, обеспечение соблюдения демократических прав и свобод. Так было в Боснии, Хорватии, Косово. Цель западных государств была очевидна — поставить под контроль стратегически важный регион Балканского полуострова, благо, что геополитическая ситуация для этого сложилась благоприятная. И очень удобно в этих условиях возник общий враг, которого обязательно надо победить. Чтобы оправдать свои действия на международной арене, навязать свой образ жизни и мировоззрение, обязательно нужен противник, который станет олицетворением всего дурного и порочного. В этом контексте важно не только победить врага военным путем, но и сформировать его негативный образ в общественном сознании. По этой причине в информационную составляющую конфликта ведущими державами вкладывается не меньше средств, чем в разработку новейшего оружия.

Конечно, ни в коем случае нельзя идеализировать и сербское руководство, которое, безусловно, принимало решения, приводившие к эскалации конфликтов. Гражданская война в Югославии отличалась крайней степенью жесточечности и непримиримости. Все воевали против всех, но при этом сербы воевали в одиночку.

Правительство Милошевича в сложившихся условиях пыталось сыграть на чувствах национальной гордости и уникальности положения сербов. Подчеркивалось богатство исторического пути, пройденного Сербией, а в основу информационной политики во многом были положены этнические стереотипы. Положение, в котором оказалась Сербия, воспринималось населением как повторение великой Косовской битвы средневековья. С Косова поля начался трудный многовековой процесс самоопределения, а затем и самоорганизации балканских народов. Как и в далеком XIV в., сербы оказались один на один с превосходящими силами противника. Неслучайно, что восхождение самого Милошевича на олимп власти началось во время празднования 600-летия битвы в 1989 г. На государственном уровне провозглашалось, что скоро у сербов не останется места для жизни на земле, и только в одной лишь Небесной Сербии всегда найдется для них место. Сплочение всего народа стало краеугольным камнем общественного сознания

населения страны. Пока Милошевич продолжал культивировать эти идеи, общество готово было прощать ему все, включая международную изоляцию, санкции, падение уровня жизни и бомбардировки городов.

Не имея серьезных рычагов ни в военном, ни в информационном плане, руководство Югославии оказалось в практически безвыходной ситуации. Страна была истощена многолетней войной, по этой причине Милошевич принял решения подписать Дейтонские соглашения. При этом главным фактором являлась особая позиция Запада в югославско-сербском вопросе. Соглашения подвели итог первой фазе гражданской войны, но не разрешили глубинных проблем. С точки зрения Запада это был первый шаг к осуществлению контроля над большинством республик бывшей Югославии. Ко всему прочему, к этому моменту уже был сформирован образ врага, которого при любом удобном случае вновь можно будет покарать в угоду «общечеловеческим и демократическим интересам».

Подобная пропаганда шла на всех уровнях: в новостных программах и киноиндустрии сербы изображались душителями прав и свобод других народов. В таком контексте, конечно, речь не могла идти о том, что именно сербский народ претерпел все возможные беды и лишения до конца. Тысячи убитых, сотни тысяч беженцев, разрушенные православные храмы и монастыри — всего этого не было и не могло быть показано ни в западных фильмах, которые воспринимались как вести с передовой югославской войны, ни в новостях, которые подчас выглядели как кино.

Победа в информационной войне осталась полностью за Западом. Огромные финансовые вложения в обеспечение нужного ореола западной модели образа жизни начали приносить свои плоды уже в 1990-е гг. Пример бывшей Югославии в этом отношении показателен. Методы психологического воздействия привели к тому, что подобные идеи глубоко въелись в мировоззрение, в том числе и части сербского населения. Поэтому вовсе не случайно Милошевич не только потерял власть, но и был передан новыми властями государства Международному трибуналу. Многими в Сербии это было воспринято как символ унижения и попрания национальных ценностей. С другой стороны, это стало показателем достаточно серьезных изменений, произошедших в сербском обществе, и именно поэтому данный шаг властей стал возможен. Надо признать, что сербский народ оказался наиболее пострадавшим в ходе кровопролитного противостояния гражданской войны, в том числе усугубленного внешним вмешательством. И, возможно, более важно то, что сербы пережили нравственную катастрофу ломки сознания. Запад же, триумфально опробовав средства

ведения информационной войны, превосходным образом подготовился к реалиям XXI в., где победа достигается не на полях сражений, как раньше, а формируется еще до начала активных боевых действий в рамках информационного поля.

П. В. Ульянов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Война между государствами происходит не только в форме вооруженного противоборства, но и с помощью целенаправленного информационного воздействия. Основным методом в такой войне является применение оружия, содержащего не смертельную дозу пороха, а определенную информацию для воздействия на человеческое сознание с целью получения необходимого результата.

Одним из аспектов информационного противоборства является формирование в сознании одного человека, группы людей или целого общества «образа врага». Человек, посредством информационного воздействия, формирует в своем сознании представление об объекте, в котором видит опасность. Для того чтобы сформировалась некая «картинка», рисующая «врага» с той или иной стороны, необходима информация, благодаря которой в человеческом сознании формируется представление о «враге». Таким образом, информация становится необходимым ресурсом деятельности человека для нападения и защиты.

«Образ врага» в информационной войне используется часто, при этом процесс его создания всегда был однообразным. Информация является ресурсом, а работа над его данными — деятельностью человека. Так, один человек-носитель информации передает ее с помощью языка, литературы или изобразительного искусства другому человеку или целой группе. Последние, выступающие зрителями, слушателями или читателями, анализируют данные из средств массовой информации и формируют в сознании представление или «образ врага» по отношению к враждебной стороне.

Поскольку в современной науке существует довольно много определений «образа врага», мы выделим несколько его значений. Во-первых, «образ врага» играет роль социально-политического мифа [1, с. 13]. Во-вторых, это идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение

в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом [2, с. 253]. В-третьих, следует отметить в «образе врага» качественную характеристику объекта, сформированную в общественном сознании не одного человека, а всей массы [3, с. 4].

Исходя из названных определений «образа врага», можно выявить два пути его формирования в сознании человека — в качестве защитного рефлекса [3, с. 2] и в качестве выражения общественного антагонизма. Зная, с кем воевать, человек начинает воспринимать и представлять себе «врага», чтобы искать решения для защиты собственной жизни. Особую роль здесь играет психологический стереотип. Что касается второго пути, то это создание символа враждебных государству сил, которые используются как инструмент политики [4, с. 115]. В этом случае объектом, символизирующим «врага», является армия враждебной страны.

«Образ врага» можно трактовать как качественную характеристику объекта, то есть «врага», символизирующую враждебную силу, которая формируется в сознании субъекта. С одной стороны, «образ другого» формирует реальное представление в сознании общества о «чужаках» за счет определенной информации [5], но с другой — создается «визуальный внешний враг» посредством пропаганды.

Если обобщить все вышеизложенное, то методы формирования «образа врага» могут быть разнообразны, особенно на современном этапе. Однако продумывание действий и сам процесс формирования представления о «враге» можно обнаружить и в прошлом. Так, например, в России в XIX в. информационное противоборство происходило наравне с ведением боевых действий в Крыму.

Для того чтобы рассмотреть информационное противоборство в России, мы в качестве примера проанализируем основные пути формирования и развития «образа врага» как один из аспектов противоборства на примере Крымской войны.

Итак, если говорить об «образе врага» в России, необходимо выделить две основные исторические тенденции его формирования в сознании русского человека тех времен. При этом необходимо разделять представления по объектам восприятия. С одной стороны, сохранялось представление об Османской империи как о «враге религиозном», но с другой — прослеживалось негативное отношение к Западу. Рассмотрим это подробнее.

Первую тенденцию формирования «образа врага» в России назовем традиционной, в которой ключевую позицию занимала Оттоманская Порта. Еще с XVI в. в России формировался и развивался «образ извечного врага» в лице Крымского ханства и Османской империи. С того времени негативное отношение к врагу проявлялось во всех русско-турецких войнах.

Во второй четверти XIX в., когда появилась «теория официальной народности», в сознании русского человека закрепился и «образ религиозного врага» в лице той же самой Османской империи. Следовательно, на протяжении XVI–XIX вв. происходило воздействие на религиозное сознание.

Представление о Западе в России имело разные оценки. Если говорить о западниках, то представители этого направления видели в нем прогресс и надежду на лучшее будущее. Но совсем другой позиции придерживались славянофилы, видевшие в Западе лишь отрицательные черты и определявшие Россию как страну с собственным историческим путем.

Во время Отечественной войны 1812 г. негативное отношение прослеживалось по отношению к французам, которые проявили себя как нападающие, и к императору Франции Наполеону Бонапарту в среде знати. В последние месяцы этой войны в России разгорелась настоящая народная или партизанская война. Отодвинув в сторону правила ведения имперской войны, не только регулярная армия, но и весь народ встали на защиту родной земли. Так проявился народный характер в партизанском движении.

Таким образом, отношение к Западу формировалось по-разному. Нельзя сказать о том, что в Западе видели только негативные стороны.

Рассмотрев первую тенденцию, обратимся ко второй. Но прежде чем анализировать ее в деталях, необходимо выделить две особенности. Во-первых, вторая тенденция имеет сходство с первой, так как огромную роль сыграла «теория официальной народности». Во-вторых, она отличается тем, что не только проявлялось негативное отношение к Западу, но Россия возвеличивала себя над ним. Вторая тенденция формирования «образа врага» шла по пути просвещения и пропаганды. Если на момент начала Крымской войны «образ врага» рождался в просвещении и документах государственного характера [6, с. 74], то с высадкой союзников его объект меняется. «Извечный враг» Османская империя сменяется «образом вражеского Запада», то есть появляется «враг» в лице англо-французского союза.

Перейдем к анализу путей формирования «образа врага», составляющих вторую тенденцию.

Во-первых, следует отметить значительное влияние на сознание путем просвещения. Так, «теория официальной народности», одним из элементов которой является утверждение, что русский народ верит в Царя-батюшку, не относится к Западу или к Востоку, и предопределяет некий исконно-русский путь развития для страны. Отгородившись от Запада и выбрав консервативный путь развития, Россия не только замкнулась, но и настроила против себя

западные державы. Политика николаевского правительства сформировала в представлении западных держав «образ жандарма Европы». Это представление о России Запад сохранит до вступления в войну против нее в черноморском регионе.

Во-вторых, с высадкой союзников и завязыванием боевых действий начинается широкая антизападная, патриотическая и урапатриотическая пропаганда в России, которая поддерживалась как официальными, так и спонтанными выступлениями патриотически-настроенной части общества [7, с. 23]. «Образ врага» принимает яркий характер, особенно в среде славянофилов, которые верили в победу, однако впоследствии ушли в оппозицию.

Здесь необходимо отметить влияние литературы, которая не только рисует «портрет врага», но и пропагандирует противостояние Западу. Представление о «враге» создается за счет первой и второй тенденций, то есть формируется «образ врага» как «предателя христианской веры».

В-третьих, немаловажную роль играли письма и донесения с фронта, воспоминания очевидцев, газеты и материалы военной корреспонденции. В них как раз и рисовалось определенное представление о «враге» как «захватчике», «нападающем», «недоброжелателе», «военном противнике». При всем этом у «врага» отмечают превосходящие силы [8], молниеносную тактику [9] и хорошую подготовку [10] к ведению боевых действий, характерно положительное отношение к французам, но крайне негативное — к туркам.

В четвертых, необходимо отметить произведения изобразительного искусства, в частности, карикатуры, на которых изображались не только лидеры антирусской коалиции, но и политическая обстановка того времени. Так, например, одна карикатура изображает русских в Константинополе, к которым француз и англичанин ведут турка [9], а в центре нарисован воз, под которым лебедь, рак и щука, герои басни И. А. Крылова.

Итак, рассмотрев и проанализировав основные тенденции формирования «образа врага», можно сказать, что в целом в России уже во время Крымской войны шла не только физическая, но и информационная война. Информация о «враге» формировала в сознании русского человека «образ врага», который ориентировал индивида в той или иной обстановке. Вторая тенденция еще не раз будет играть ключевую роль в формировании «образа врага», то есть представлений о «враждебной стороне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дукельский В., Юренева Т. К истории «образа врага» в новой России. М., 1998.
2. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.

3. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. М., 2007.
4. Фатеев А. В. «Образ врага» в советской пропаганде 1945–1954 гг. М., 1999.
5. Денисов П. В. Образ врага, как ведущий принцип, как индивидуального, так и социального развития. URL: <http://www.b17.ru/article/obrazvraga>
6. Всеподданнейшее письмо князя М. Д. Горчакова. 13 декабря 1853 // Зайончковский А. М. Восточная война. 1853–1856. Т. 2. Ч. 1. СПб., 2002.
7. Тарле Е. В. Крымская война. М., 1941.
8. Письмо Михаила Константину Николаевичу 16.09.1854 // Максимова Э. Уникальные документы Крымской войны. URL: <http://ricolor.org/history/voen/bitv/xix/krym/1>
9. Известия из Крыма. 17.09.1854 // Официальная сводка из газет «Известия». URL: <http://ricolor.org/history/voen/bitv/xix/krym/1>
10. Письмо из Севастополя. 01.10.1854. URL: <http://ricolor.org/history/voen/bitv/xix/krym/1>.

Ю. Г. Чернышов

О РЕЗУЛЬТАТАХ «ВОЙНЫ ПРОРОЧЕСТВ» В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Тема «информационных войн» относительно новая, и эта новизна связана во многом с использованием современных информационных технологий. Бесспорно, появление Интернета, компьютеризация, развитие мобильной связи и т. д. способствуют переходу информационных противоборств на качественно новый технический уровень. Однако вместе с тем полезно учитывать и то, что по своему содержанию такие противоборства на протяжении многих веков несли в себе много сходных черт.

Обычно считается, что внешние информационные воздействия изменяли оценку окружающей действительности в таком направлении, чтобы обеспечить «деморализацию» населения и переход его на «вражескую сторону». Однако, по-видимому, иногда результатом был отнюдь не «переход на сторону», а конструктивное переосмысление самим населением кризисного состояния действительности. Было бы интересно и полезно рассмотреть данную тему на примере малоизученного материала о «войнах оракулов» в Древнем Риме [подробнее об этом материале см.: 1, ч. 1, с. 68 и сл., ч. 2, с. 81 и сл.].

Римскую историю можно условно разделить на три периода: 1) период царей и Республики (до конца II в. до н.э.), 2) кризис и падение Республики (до конца I в. до н.э.), 3) Империя (до V в.). Разного рода предсказания играли довольно существенную роль во все эти периоды, зачастую отражая актуальные политические и межгосударственные противоречия.

1. В отличие от греческих полисов, в римской *civitas* довольно значительную роль играли жрецы, в функции которых входило, в частности, обоснование «божественной миссии» Рима и выяснение воли богов, например, по поводу победы над врагами. Для этого использовались ауспиции, авгурии, Сивиллины книги, толкования различных знамений. В исключительных случаях по решению сената обращались к услугам иноземных предсказателей — в особенности этрусков. После поражения римлян при Каннах был даже послан запрос в Грецию, к оракулу в Дельфах [2, р. 130 ff.]. Частным лицам было запрещено без разрешения сената читать Сивиллины книги. Рабам не разрешалось «советаться с гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем». Этот запрет становится особенно понятным, если учесть, что почти все вожди двух восстаний рабов на Сицилии — по происхождению сирийцы и киликийцы — были магами, прорицателями и астрологами, пытавшимися использовать веру в «волю богов» для развертывания антиримской борьбы.
2. Кризис Республики сопровождался падением авторитета авгуров и одновременно небывалым ростом популярности восточных эсхатологических пророчеств. Так, большой резонанс приобретает в это время учение о смене мировых держав, наиболее ярко представленное в книге пророка Даниила. Вслед за «золотым» царством Навуходоносора должно прийти «серебряное» царство, за ним — «медное» и, наконец, самое большое, прочное и жестокое — «железное», которое в конце концов будет тоже разрушено, когда с неба будет послан Сын Человеческий, счастливое владычество которого будет вечным. Уже в древности это предсказание получило различные толкования: «последним царством» в разные времена считались и держава Александра, и царство Селевкидов, и даже разросшаяся Римская держава. Утопические мечты о «мессианском царстве» нашли отражение не только в канонических книгах Ветхого завета, но и в апокрифах. Многие из них, написанные накануне и вскоре после римского завоевания, предсказывали поражение римлян, гибель Рима и счастливое царствование божественного помазанника (IV книга Ездры, Апокалипсис

Варуха, книга Еноха и др.). Сходные ожидания выражались и в основывавшемся на зороастрийских и халдейских источниках пророчестве, которое приписывалось иранскому магу Гистаспу. В нем предсказывалось уничтожение Рима посланным с неба великим царем (возможно, имелся в виду Митридат VI Евпатор), который одержит победу с помощью огня, после чего установится господство Востока над Западом. Один из «псевдосивиллиных» оракулов, подобно пророчеству Гистаспа, рассказывал о том, как Азия отомстит Риму за все причиненные беды. Она возьмет с него в три раза больше богатств, чем он взял из Азии, обратив в рабство в двадцать раз больше италиков, чем они забалили людей из Азии, и только после этого наступит всеобщее счастье и согласие. Итак, ожидания гибели Рима, уничтожения его посланным с неба царем и последующего наступления счастливых времен становятся достаточно характерным элементом «картины будущего» в различных регионах Восточного Средиземноморья во II–I вв. до н.э. Эти религиозно-утопические ожидания отражали вполне закономерную негативную реакцию на безудержную экспансию Рима, сопровождавшуюся угнетением, грабежами и убийствами. Однако в это же самое время во многом сходные ожидания гибели Рима начинают распространяться и в среде самих римлян. Эсхатологические пророчества не могли не усилить и без того обостренные ожидания «конца времен», и источники неоднократно говорят о взрывах панического ужаса, охватывавшего именно в эти годы римлян при разнообразных неблагоприятных знаменьях. Лидеры римских враждующих группировок, напротив, стремились распространить в обществе убеждение, что именно они с божественной помощью принесут спасение от надвигающейся гибели. Особенно ярко такое пропагандистское использование оракулов проявилось в заключительный период противоборства Антония (находившегося вместе с Клеопатрой в Александрии) и Октавиана. Дошедший до нас корпус Сивиллиных книг содержит предсказание о некоей восточной госпоже, которая, одержав победу, положит начало благоденствию как в Европе, так и в Азии. Здесь подразумевалась, как справедливо предполагал еще В. Тарн, Клеопатра [3, р. 141]. В 33 г. до н.э. из Рима были изгнаны маги и астрологи, среди которых многие, по-видимому, сочувствовали противникам Октавиана. Последний же, напротив, пытался олицетворять собою «римский Запад» и его грядущую победу над «Востоком». Астрологи предсказали ему власть над всем

миром; его знак гороскопа изображался на монетах и геммах вместе с Фортуной и рогом изобилия. Широко использовали с помощью Мецената и творчество некоторых римских поэтов. Особенно характерен пример Вергилия. Начав с туманного «ориентализированного» пророчества о наступлении счастливой эпохи в «Буколиках» (IV эклога), он затем (в «Георгиках» и особенно в «Энеиде») связывает эту эпоху с персоной Октавиана Августа, который призван принести второе «Сатурново царство» не только Италии, но и всему известному миру.

3. С началом Империи власть всячески пыталась распространять «официозный презентизм» (восхваление настоящего) с идеей возвращенного «золотого века». Такие «возвращения» штампованно провозглашались, по меньшей мере, 16-ю императорами [4, S. 138]. Одновременно был сильно ограничен анархический «разгул оракулов». По свидетельству Светония, уже Август «велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч». С 33 г. до н.э. по 93 г. из Италии по меньшей мере 10 раз изгоняли пророков. Однако ужесточение мер не привело к излечению общества от «пророческой болезни». В период Империи распространилось довольно много «псевдосивиллиных» оракулов, проповедовавших единобожие и предсказывавших испламенение греховного мира. Сохраняло популярность и пророчество Гистаспа. Сходные мотивы можно найти и в документах Кумранской общины — секты, существовавшей в районе Мертвого моря. Ожидание «конца времен», по словам церковного историка Ипполита, связывалось членами секты ессеев не только с Божьим судом, но и с мировым пожаром. Очень характерно, что и первые христианские апокалипсисы звучали вполне в унисон с более ранними восточными пророчествами, предсказывавшими гибель Рима (ср. картину испепеления Рима как «вавилонской блудницы» в «Откровении Иоанна»). «Сивилла не лжет», — говорили о таких пророчествах некоторые апологеты. Однако после победы христианства ситуация изменилась в сторону установления монополии на дивинацию: уже в конце IV — начале V в. были сожжены хранившиеся в Риме Сивиллины книги, тогда же прекратило существование святилище Аполлона в Дельфах.

Итак, начало «пророческого бума» пришлось в Риме на эпоху кризиса *civitas*, когда римское общество во многом утратило традиционные ценности и ориентиры, когда государство было кор-

румпировано и расколото противоборствующими группировками, а в Восточном Средиземноморье довольно сильны были антиримские настроения.

Эсхатологические пророчества того времени нередко были «восточными» и по происхождению, и по своей направленности, однако они довольно органично вписались в общественные настроения Рима кризисной эпохи. Своеобразной контрверсией идее гибели Рима стала оптимистическая идея наступающего «золотого века». Эту идею в период Империи широко использовала официальная пропаганда, вписавшая ее, в частности, в идеологию культа императоров. Однако в обществе продолжали иметь хождение предсказания о грядущем очищении и обновлении мира — они будили мысль и заставляли искать выход из кризиса. По сути, христианская апокалиптика выросла во многом именно на этой почве. Церковь по-разному оценила предназначение и судьбу «града земного» и «града Божьего». Что же касается «официозного презентизма», рассчитанного на то, что народу достаточно лишь «хлеба и зрелищ», то он потерпел тогда полное поражение.

Итак, «информационное воздействие» антиримских восточных оракулов о предстоящей гибели Рима в какой-то момент действительно способствовало деморализации части римского общества. Однако вскоре само это общество сумело трансформировать эсхатологические пророчества в идею о необходимости очищения, освобождения от грехов, выстраивания более справедливой жизни. Из этого комплекса идей вырастает новая христианская философия истории, разделяющая судьбы земных государств и вечного «града Божьего». Таким образом, информационное воздействие восточных эсхатологических пророчеств отнюдь не привело к переходу населения на «антиримскую» сторону. Напротив, оно во многом стало катализатором глубокого конструктивного переосмысления кризисной действительности, открывшего новые перспективы для общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1–2. Новосибирск, 1994. URL: <http://ancientrome.ru/publik/tchernyc/tcher04f.htm> и <http://ancientrome.ru/publik/tchernyc/tcher05f.htm>.
2. Parke H. W. *Greek Oracles*. L., 1972.
3. Tarn W. W. Alexander Helios and the Golden Age // *Journal of Roman Studies*. Vol. 22. 1932.
4. Gatz B. *Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen*. Hildesheim, 1967.

Секция 3

**ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОТИБОБОРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Я. А. Амелина

«ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ «АВГУСТОВСКОЙ ВОЙНЫ» В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Освещение в западных СМИ причин и хода августовской войны 2008 г. и категорическое непризнание Западом не только независимости Южной Осетии и Абхазии, но и самого факта выхода этих республик из-под грузинской юрисдикции свидетельствуют, что Россия и Запад занимают принципиально разные геополитические позиции, и этот факт еще неоднократно проявится в ходе нынешних и будущих информационных войн.

Следует отметить, что позиция Запада в отношении Абхазии и РЮО всегда отличалась последовательностью. Безоговорочное признание «территориальной целостности Грузии» было общим местом западной публицистики и политологии с момента возникновения грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов в начале 90-х гг. XX в. Главной причиной подобного отношения к Цхинвалу и Сухуму является их пророссийская ориентация.

В ходе «пятидневной войны» западные СМИ, за редким исключением, однозначно встали на сторону Грузии, активно поддержав сконструированную Тбилиси мифологему, согласно которой войну, за которой последовала «оккупация» части территории Грузии (имеется в виду признание независимости Южной Осетии и Абхазии и создание там российских военных баз), начала именно Россия, а не наоборот. Поскольку многочисленные факты не соответствовали этой политтехнологической выдумке, их пришлось подтасовывать.

Освещение конфликта в иностранных масс-медиа велось с откровенно антироссийских позиций. Развенчивая миф об объективности и высоком качестве западной прессы, российский исследователь Татьяна Михайленко отмечает, что «анализ информационных заметок и сюжетов в (западных — прим. авт.) СМИ показывает высокую степень корреляции между характером освещения конфликта Россия-Грузия и привычной тональностью публикаций о России в медиа каждого отдельно взятого государства» [1]. Наиболее «обличительные» по отношению к России публикации и сюжеты вышли в британских и американских СМИ, тогда как самыми лояльно настроенными оказались итальянские и немецкие масс-медиа.

Как отмечает автор аналитического материала о методах ведения информационной войны западными средствами массовой

информации Сергей Старцев, в первые сутки после начала конфликта «главной задачей международных СМИ было обойти факт грузинской агрессии, переложить ответственность за развязывание войны на Москву, затушевать факт массового истребления осетин» [2]. Эти задачи были выполнены с циничным блеском, констатирует он. Утверждение, согласно которому Россия проиграла или даже вовсе не вела информационную войну, стало общим местом. Западные же СМИ активно использовали три основных приема: медиа-противопоставление огромной России и маленькой Грузии, педалирование энергозависимости Европы от РФ в качестве «фактора страха», а главное — раздувание негативных антироссийских стереотипов, сложившихся и закреплённых в западном общественном сознании во времена «холодной войны». Все это в полной мере проявилось в материалах статусных иностранных журналистов и особенно — политических деятелей.

Вступление России в войну на стороне Южной Осетии стало для западных СМИ хорошим поводом не только для решения тактической задачи попытки переноса ответственности за вооруженную агрессию с больной головы на здоровую, но и выдачи новой порции рассуждений об извечной «имперскости», «отсталости» и «агрессивности» России. «Вид российских танков, идущих по Грузии, был шокирующим, но знакомым, — пишет член редколлегии Wall Street Journal Мэтью Камински. — Это живо напомнило Чечню в 1994-м и 1999-м, Вильнюс в 91-м, Афганистан в 79-м, Прагу в 68-м, Венгрию в 56-м гг.». По мнению Камински, в отличие от Британии и Франции, в конечном счете примирившихся с потерей колониальных владений, «сама сущность России гораздо больше связана с абсолютизмом». Война в Грузии, считает он, «ознаменовала собой легкий возврат ко временам территориальной экспансии (Москва забрала себе участки грузинской территории) и к попыткам установления регионального господства» [3].

Подобная статья оказалась далеко не единственной, что говорит как о скоординированности западной медиа-атаки на Россию, так и о живучести глубинных негативных стереотипов в ее отношении. По мнению редактора зарубежного отдела британской The Times Ричарда Бистона, «несмотря на все свое великодержавное бахвальство, Россия слаба и уязвима», и «война скорее ослабит, чем усилит позицию России за рубежом, где Кремлю все больше угрожает изоляция». Бистон сочувственно называет Грузию государством, «бросающим вызов Москве у нее под боком» (о вероломном нападении на Цхинвал не говорится ни слова). «Когда-то Путин назвал распад Советского Союза величайшей трагедией двадцатого века, — завершает свой опус Ричард Бистон. — Попытки его возродить были бы величайшей глупостью

века двадцать первого» [4]. Эта фраза российского президента постоянно цитируется самыми разными западными политиками и общественными деятелями, что отражает иррациональные страхи США и Европы перед неизбежным восстановлением российского могущества и Россией как таковой.

Особый интерес представляет публично высказанная в те дни в СМИ позиция западных официальных лиц. «Вторжение в Грузию было совершенно необоснованным — и мы усилим поддержку ее стремления в НАТО», — пишет в статье с говорящим названием «Россия не извлечет выгоды из агрессии» министр иностранных дел Великобритании Дэвид Миллибэнд. «Речь здесь идет о том, как Россия видит свое прошлое и будущее; прежде всего, признает ли она, что старые границы Советского Союза — это уже история, и считает ли Россия, что ее будущее — в рамках международной системы, основанной на правилах», — переживает британский министр, ясно говоря, что единственным предметом опасений Лондона являются попытки восстановления РФ былой геополитической мощи [5].

Не менее показательное название и другого материала, написанного политическим деятелем — «Запад не может больше безучастно наблюдать за тем, как бесчинствует бандит-Россия». Автор, бывший советник правительства Великобритании, председатель Фонда «Россия» Дэвид Кларк, убежден, что, защищая осетин и абхазов, «Кремль пытается восстановить сферу влияния, которую считает «правом России по рождению», утерянным ею в связи с распадом Советского Союза», и ни ЕС, ни его союзники «не должны терпеть» поведение России [6].

«Кто первым начал стрелять на этой неделе? Этот вопрос уже неактуален», — присоединяются к британским политикам французские «философы-интеллектуалы» Андре Глюксман и Бернар-Анри Леви. На глазах формируется новый мир, в котором Россия больше не боится применить силу для защиты своих национальных интересов, бьют тревогу философы. Глюксман и Леви призывают Запад «спасти демократию, которой угрожает смерть», называя агрессором «Россию Владимира Путина и Дмитрия Медведева». Сравнивая происходящее вокруг Тбилиси с осадой Сараева и «трагедией Грозного», Глюксман и Леви призывают к единству Европы перед лицом «укрепления Москвы» и «олимпийских игр террора, разворачивающегося в настоящее время на Кавказе» [7].

Все процитированные материалы (далеко не единственные в своем роде) выглядят грубой пропагандой, к тому же распространяемой из единого центра. В действительности они просто отражают базовые, можно сказать, архетипичные представления европейского и американского коллективного (бес) сознательно-

го относительно России и ее роли в мировой истории. Совершенно разные авторы из разных уголков земного шара приводят одни и те же, вплоть до текстуальных совпадений, аргументы, призванные подтвердить главную мысль: Россия пытается восстановить былое могущество, и Запад любой ценой обязан этому помешать. Судьба Грузии, не говоря уже о Южной Осетии, не представляется для Вашингтона, Лондона и Парижа ни малейшего интереса и упоминается исключительно в контексте геополитического противостояния России и Запада.

Отдельные публикации компетентных специалистов [см., например: 8] тонут в море антироссийских материалов, исполненных на очень низком профессиональном уровне и демонстрирующих полное непонимание реальной ситуации на Кавказе. Дело, однако, не только и не столько в недостаточной квалификации журналистов, а также политических и общественных деятелей США и ЕС. Главной движущей силой информационных войн, бушующих между РФ и Западом, является, как считал Н. Я. Данилевский, метафизический «дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения» [9], а это значит, что для них по-прежнему будут отыскиваться все новые и новые поводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайленко Т. А. Особенности информационной войны в современном мире (на примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 19. Июнь 2009 г. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2009/19/Mikhaylenko.pdf>
2. Старцев С. Глобальные СМИ в информационной войне против России // Limes (Италия). 10 сентября 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080910/243918.html>
3. Камински М. Россия — это по-прежнему голодная империя // The Wall Street Journal (США). 21 августа 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080819/243375.html>
4. Бистон Р. Россия в своем самодовольстве движется к падению // The Times (Великобритания), 13 августа 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080813/243216.html>
5. Миллибэнд Д. Россия не извлечет выгоды из агрессии // The Times (Великобритания). 19 августа 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080819/243394.html>
6. Кларк Д. Запад не может больше безучастно наблюдать за тем, как бесчинствует бандит-Россия // The Guardian (Великобритания). 11 августа 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080811/243115.html>

7. Глюксман А, Леви Б-А. Защитим Тбилиси! // *Corriere Della Sera* (Италия). 14 августа 2008 г. URL: <http://www.charter97.org/ru/news/2008/8/14/9057>
8. Пирчнер Г. Геополитическая идея России // *The American Spectator* (США), 8 января 2011 г. URL: <http://spectator.org/archives/2010/12/04/the-russian-mind-today-a-geop>
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1895. Гл. II. Почему Европа враждебна России?

О. А. Аршинцева

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ: ОБЗОР АМЕРИКАНСКИХ ПОДХОДОВ

В понятном словаре современного международного анализа есть термины, значение которых не вызывает сколь-нибудь серьезных разночтений. Наиболее универсальные понятия, с помощью которых исследователи описывают давно сложившиеся формы международных отношений, используются в конфликтологии, если ее рассматривать как самостоятельную предметную область. Ее основной словарь, объединенный логикой понимания конфликтов как основной угрозы безопасности, включает следующие термины: противоборство, война, операции, оружие, безопасность, сдерживание, ресурсы, потенциал, стратегия, пространство, экспансия, угрозы.

Ситуация кардинальным образом меняется, когда мы переходим в новую предметную область и прибавляем к указанным терминам определение «информационный». Это простое действие сразу влечет за собой дискуссии по поводу смысла, содержания и степени корректности определения возникших новых понятий. За примерами нет нужды далеко ходить: появившиеся в ходе данной интернет-конференции статьи уважаемых специалистов наглядно это подтверждают. Масштабы и накал дискуссий объясняются несколькими, довольно разнородными, причинами. Одна из них, на наш взгляд, очевидна: новая сфера современной мировой практики — взаимодействия в информационной сфере — как некий новый объект диктует необходимость «самоопределения» соответствующей проблематики в качестве самостоятельной предметной области. Сложившаяся ситуация выводит дискуссию далеко за пределы терминологических споров. Как только мы начинаем оперировать понятиями «информационная война», «инфор-

мационная безопасность» и т. д., правомерно возникает проблема контекста, а точнее, различий между его военно-стратегическим, политическим, идеологическим, культурным, психологическим и другими определениями.

Не претендуя на сколько-нибудь полное сопоставление этих подходов, отметим, что на фоне продолжительных дискуссий по поводу информационного общества раньше других сформировались представители военно-стратегической сферы. Показателен в этом отношении американский опыт стратегических (доктринальных) разработок 1990–2000-х гг., поводом для которых стал опыт первой иракской кампании начала 90-х гг. Претерпев на протяжении двух последних десятилетий заметную эволюцию под воздействием комплекса разнородных факторов, эти разработки к настоящему времени более или менее органично включены в комплексную стратегию кибербезопасности.

Для понимания ее основных положений важно подчеркнуть особый смысл, который вкладывают разработчики военных доктрин в определение информационных войн, противоборства, сдерживания и информационного оружия. С точки зрения американских военных специалистов, в современной практике возможны информационные войны двух типов (поколений). Первые характеризуются использованием информационного оружия (ресурса) в рамках традиционного стратегического противоборства наряду с другими компонентами. Информационные войны второго поколения представляют собой новый тип противоборства в условиях информационной революции, результатом и содержанием которой является формирование информационного пространства, качественно отличного от традиционных видов пространства и сфер стратегического противоборства. По мнению М. Либицки, крупнейшего специалиста в указанной области (профессора Университета национальной обороны), суть стратегии информационного противоборства — в сдерживании противника, которое достигается путем воздействия на все его позиции, которые являются решающими для сохранения или достижения информационного превосходства. К таковым могут быть отнесены практически все основные элементы современной информационной инфраструктуры [1].

Таким образом, логика военно-стратегического подхода к информационному противоборству по необходимости требует более универсального определения информационного пространства, и в качестве важнейшего параметра международной среды, и в связи с информационной составляющей национальной и международной безопасности. Действия нынешней администрации США осуществляются в русле провозглашенного Б. Оба-

мой еще в 2009 г. определения кибербезопасности в качестве высшего приоритета национальной безопасности страны в XXI столетии. Все последующие разработки в этой области подчеркивают, что в целях безопасности необходимо в первую очередь обеспечить жизнедеятельность национальной информационной инфраструктуры, защитить все сегменты национального информационного пространства от проникновения, от всех вероятных киберугроз. В «Инициативе всеобъемлющей национальной кибербезопасности», с которой в 2010 г. выступил Совет национальной безопасности, основные действия в этой сфере были сгруппированы по двенадцати направлениям, что потребовало бы расходов на сумму от 40 до 100 млрд. долл.

Главная идея, которая объединяет все конкретные проекты и официальную позицию американского руководства, состоит в том, что информация и национальная информационная инфраструктура расценивается в качестве самостоятельного, если не ведущего, стратегического ресурса. Однако для его эффективного использования необходимы совместные международные усилия, поскольку при современном состоянии киберпространства возможности государства как института вообще и отдельно взятых государств, даже таких информационно продвинутых, как США, в смысле управления и контроля над ним ограничены. Поскольку государство оказывается более уязвимым перед лицом современных и разнообразных киберугроз (в отличие от традиционных), то необходимо межгосударственное взаимодействие. В результате официального признания этого факта появилась предложенная Б. Обамой в 2011 г. «Международная стратегия для киберпространства». Собственно, для этой позиции характерна попытка соединить коллективные усилия по обеспечению безопасности глобального киберпространства с перспективой сохранения глобального информационного превосходства США, а сама проблема приобретает не столько военно-стратегическое, сколько более масштабное политическое измерение [2, с. 43–44].

Еще более примечательно выглядит официальная концепция информационной безопасности в сопоставлении с точкой зрения современного гуру в области международного анализа Дж. Наея. Ядро наевской концепции на протяжении двух последних десятилетий остается практически неизменным — это проблема ресурсного потенциала в международных отношениях и внешней политике государств — через призму американских интересов и возможностей. Поэтому нынешнее и будущее состояние информационных ресурсов США не могло остаться незамеченным со стороны автора концепции и самого термина «мягкой силы», ставшего в последние годы столь популярным, что он ши-

роко используется и в официальной риторике, и в публицистике, и даже теми, кто не вполне понимает его изначальный авторский смысл. Что происходит сейчас и будет происходить с ресурсным потенциалом международного влияния в условиях глобализации и информационной революции? «Хотите получить блестящий и оригинальный анализ кибермогущества, читайте 5 главу книги Ная «Будущее сильь», — советует еще один известный американский исследователь Р. Кеохейн в рецензии на одну из последних его работ [3].

Против этой оценки трудно возразить, поскольку в этой книге и ряде статей Най попытался осмыслить роль информации в комплексной характеристике ресурсного потенциала государства с учетом новых внутренних и международных тенденций. В складывающемся информационном мире, учитывая особый характер киберпространства, при котором участники глобального информационного обмена получили практически неограниченные возможности анализировать, использовать и создавать новую информацию, новые угрозы для государства скорее связаны с распространением силы, а не с ее перемещением из одного центра к другому. Эту тенденцию можно определить как формирование качественно новой полицентричности. Нынешнее доминирование США основано на преобладающем ресурсном потенциале «жесткой силы» (экономическом и военно-стратегическом) и более значительных, чем у других стран, культурных и образовательных ресурсах «мягкой силы». Рассматривая информационный ресурс как элемент «мягкого могущества» и сходство его с другими в ориентации на человеческий капитал, Най подчеркивает и принципиальное его отличие от них. Именно в информационной сфере возможности государств и негосударственных акторов все более уравниваются: первые все более ограничиваются, вторые — возрастают.

Естественно, Най не сомневается, должны ли США в этих условиях стремиться к сохранению лидерства. Вопрос заключается в том, как обеспечить эффективное наращивание технологического и интеллектуального ресурсов в информационной сфере? Выход, с точки зрения Ная, в объединении усилий государства, общества и бизнеса, используя имеющийся уникальный опыт государственно-частного партнерства [4]. Изложенная точка зрения вновь подтверждает репутацию Дж. Ная в качестве идеолога внешнеполитической стратегии демократов и может служить примером взвешенного сочетания неолиберальных и реалистских подходов к анализу глобальных тенденций.

Косвенную, но примечательную оппозицию идее поддержания информационного лидерства США (и Запада), которую отстаива-

ют узко профильные разработчики стратегий информационной безопасности, можно усмотреть в точке зрения известного философа Ф. Фукуямы. Феномен интереса к его концепциям, часто парадоксальным, кроется в том неоспоримом влиянии, которое оказывают его работы на состояние интеллектуальной среды, в которой, собственно, и происходит смена парадигм общественно-политического сознания. По его мнению, первенство Запада (США) в сфере информационных технологий подрывает традиционные основы социальной стабильности, т. к. в силу особенностей современной технологической революции чрезвычайно возрастает неравенство в доступе к ее результатам между экономически господствующей элитой и большинством среднего класса [5]. Таким образом, наращивая информационные ресурсы, в том числе, и для сдерживания потенциального противника в информационном противоборстве, Запад столкнется с критическими для себя последствиями этого процесса.

В заключении отметим, что за пределами предложенного обзора остались конкретные официальные разработки и многочисленные работы американских авторов, опубликованные по теме в последние годы. Однако представленная картина, на наш взгляд, дает основания для сопоставления с другими вариантами национальных стратегий, включая российскую версию, имеющимися экспертными оценками, что, в свою очередь, должно способствовать выработке универсального инструментария для анализа информационной сферы мировой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Libicki M. Cyberdeterrence and Cyberwar. URL: http://ebookstore.sony.com/ebook/martin-c-libicki/cyberdeterrence-and-cyberwar/_/R-4000000000000000185
2. Корсаков Г. Б. Роль информационного оружия в военно-политической стратегии США // США и Канада. Экономика — политика — культура. 2012. № 1. с. 39–60.
3. Joseph S. Nye's The Future of Power. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publicator/20690/Josef_s_nyes_the_future_of_power.html
4. Nye J. The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective. URL: <http://www.foreignaffaires.com/issues/2010/89/6>
5. Фукуяма Ф. Будущее истории/Пер. с англ. //Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. Январь — февраль. с. 8–21.

Е. А. Горбелева

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА 2010 г. В РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА СТОРОН

Конец XX в. знаменовал новый этап в развитии человеческого общества: произошел переход от индустриального общества к постиндустриальному, информационному. Развитые страны, столкнувшись с характерным для этого периода феноменом «сжатия времени», начинают осознавать ценность получения быстрой и качественной информации в стремительно меняющемся мире, наращивать свой информационный потенциал. Противостояние интересов и идеологий перемещается из военной сферы в информационно-коммуникативное пространство: характерной чертой нового общества становятся «информационные войны» в межгосударственных отношениях.

Период с 2007 по 2010 гг. в российско-белорусских отношениях прошел под знаком системного кризиса двустороннего сотрудничества: проект Союзного государства *de facto* оказался аннулированным, в июне 2009 г. между сторонами началась «молочная война», а в преддверии президентских выборов в Белоруссии российской стороной была инициирована кампания против А. Г. Лукашенко. Информационная война, разразившаяся между Россией и Белоруссией в июле-октябре 2010 г., стала первым серьезным конфликтом такого рода на постсоветском пространстве.

Особенностью информационной войны, происходившей между Россией и Белоруссией, было многообразие используемых сторонами информационных каналов и методов. Непосредственными участниками противостояния стали СМИ, оппозиционные силы, административный аппарат. Масштабность действий российской и белорусского руководств в отношении «очернения» друг друга и обмена взаимными обвинениями заставляет задуматься о причинах разразившегося кризиса в российско-белорусских отношениях. В нашей статье мы остановимся на российских мотивах, так как именно российской стороне принадлежала инициатива развязывания информационной войны.

Рассматривая данную ситуацию с позиций политологического подхода, в качестве основной причины информационного столкновения России и Белоруссии можно было бы считать стремление Кремля не допустить победы А. Г. Лукашенко на президентских выборах 2010 г. Действительно, к тому моменту у российского руководства накопилось довольно много претензий к белорусскому президенту: во-первых, Москву не устраивало состояние «союзнических отноше-

ний» России и Белоруссии. Предоставляя белорусскому политическому режиму экономическую поддержку в виде кредитов и льготных цен на энергоносители, российская сторона хотела бы видеть в Белоруссии союзника по геополитическим планам не на словах, а на деле. Позиция белорусского правительства по вопросу признания независимости Южной Осетии и Абхазии, предоставление белорусской стороной политического укрытия экс-президенту Киргизии К. Бакиеву — все эти шаги Белоруссии идут вразрез с внешней политикой России. Во-вторых, вплоть до августа 2011 г. оставалась нерешенной главная проблема российско-белорусских отношений — вопрос о продаже полного пакета акций «Белтрансгаза» российской стороне. С 2002 г. между российской и белорусской сторонами шли переговоры об оценочной стоимости «Белтрансгаза», и к 2008 г. российской стороне принадлежало около 25% акций [3, с. 296]. Белорусская сторона стремилась не допустить окончательной продажи государственного газотранспортного предприятия, что вело к затягиванию процесса переговоров, и не устраивало российскую сторону. В 2011 г., в условиях тяжелого финансового положения, Белоруссия продала «Газпрому» контрольный пакет акций предприятия. И, наконец, в-третьих, российскую сторону перестала устраивать политика «заигрывания» А. Г. Лукашенко с Россией и Западом, которую он проводил с целью получения выгодных условий как для белорусской экономики, так и исходя из своих личных потребностей, а именно, обеспечения стабильности и безопасности своего президентства.

Однако, несмотря на достаточно веские причины сменить власть в Белоруссии, вряд ли можно признать данную задачу главной в реализации целей информационной войны. В первую очередь потому, что у России в Белоруссии нет альтернативной кандидатуры на пост президента Белоруссии. Этой же точки зрения придерживается и политолог Денис Мельянцов: «Российское руководство разочаровалось за эти годы в тех обещаниях, которые Лукашенко дает, а потом не выполняет. То есть можно сказать, что в Кремле задумали все-таки поменять белорусского лидера, но на сегодняшний день не знают, на кого, и не знают, как» [4].

Оппозиционные силы, существующие в настоящее время в Белоруссии, не отвечают интересам российской стороны ввиду своей политической ориентации, выраженной националистическими или проевропейскими лозунгами, нацеленной на сохранение суверенитета Белоруссии и вступление ее в Европейский Союз.

Одной из возможных причин развязывания информационной войны России против белорусского государства является попытка Москвы ускорить вступление Белоруссии в ЕвразЭС. Косвенным подтверждением данной версии является тот факт, что на протяжении всего 2010 г. между российской, белорусской и казахской сторо-

нами шли переговоры о подписании очередного пакета документов, регулирующих договорно-правовые основы формирования единого экономического пространства. Белорусская сторона выступала своеобразным «тормозом» для развития интеграционных процессов, настаивая на поставках недорогой беспопылинной нефти в Белоруссию. Накануне президентских выборов в Белоруссии, 9 декабря 2010 г., в Москве лидерами России, Белоруссии и Казахстана были подписаны 17 документов, регулирующих отношения стран в рамках единого экономического пространства по вопросам внешней торговли, ветеринарного и санитарного контроля, взимании косвенных налогов и т. д. [2]. Таким образом, «информационную войну» в российско-белорусских отношениях можно рассматривать как инструмент давления и устрашения Белоруссии. Большинство политологов, останавливаясь на причинах травли белорусского президента российским политическим истеблишментом, отмечают стремление российских властей снять с себя ответственность за провал проекта Союзного государства и замораживание темпов интеграции, возложить вину на белорусскую сторону. В частности, данной точки зрения придерживаются политологи Валерия Костюгова и Анатолий Паньковский, Николай Кирмель [2; 1]. По мнению В. Костюговой и А. Паньковского, информационная кампания, развернувшаяся в российских СМИ, была направлена на легитимацию дезинтеграционных трендов последних лет, а сам посыл был адресован сторонникам восстановления «большой России» или СССР [2].

Рассматривая причины информационной войны с российской стороны, необходимо учитывать интересы РФ не только во внешнеполитической деятельности, но и во внутренней политике государства. Занимавший в 2010 г. пост президента РФ Д. А. Медведев нуждался в формировании имиджа сильного и бескомпромиссного политика как на международной арене, так и внутри страны. Позиция, занятая им в отношении Белоруссии и озвученная в обращении к российскому и белорусскому народам, содержащая резко критичные оценки как самого А. Г. Лукашенко, так и его политики, была призвана поднять престиж российского лидера в глазах своего народа и мировой общественности, стать свидетельством силы России, с которой необходимо считаться.

В целом можно говорить о том, что обострению российско-белорусских отношений в июле-октябре 2010 г. способствовал комплекс причин, подспудно присутствующих в российско-белорусских отношениях на протяжении последнего десятилетия. Недовольство политикой А. Г. Лукашенко, рост экономической заинтересованности российских и белорусских политических элит друг в друге, стремление Москвы координировать политические процессы на постсоветском пространстве, политические амбиции А. Г. Лу-

кашенко — все эти и многие другие факторы формируют основы российско-белорусских отношений.

Информационные конфликты сопровождали отношения Российской Федерации и Республики Беларусь с начала XXI в. и являлись органической частью «газовых», «нефтяных», «молочных» войн. «Информационная война», разразившаяся в 2010 г., была первым идеологическим противостоянием сторон в информационной сфере. Произошедшее столкновение сторон в информационном поле показало неготовность белорусских СМИ к информационным атакам подобного рода, что связано с малотиражностью и подконтрольностью белорусских СМИ. Информационная уязвимость Белоруссии, выявленная российской стороной в этой «войне», позволяет говорить о возможности повторения подобного сценария давления на Белоруссию. Особенно это актуально в связи с решением «газового вопроса» в отношениях с Белоруссией: фактически, у российской стороны теперь остаются экономические и информационные рычаги воздействия на Белоруссию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирмель Н. Сетевая война против союза Белоруссии и России. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/17/setevaja-vojna-protiv-sojuza-belorussii-i-rossii.html>
2. Костюгова В., Паньковский А. Российско-белорусские отношения: предел зависимости. URL: http://nmbny.eu/by-2010ru/kostugova_pank-ru.html
3. Ракова Е. Энергетический сектор // Белорусский ежегодник. 2008. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2008 г./сост. Паньковский А., Костюгова В. Минск, 2009. с. 291–302.
4. Россия-Беларусь: неоконченная пьеса для Союзного государства // портал «Новая Европа». URL: <http://n-europe.eu/node/13111>

А. В. Ильин

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И СРЫВ САММИТА СОЮЗА ДЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В 2010 г.

В современной мировой политике соотношение средств информационного противостояния нередко принимает большее значение, чем баланс экономических или военных возможностей.

Ни один конфликт XXI в. не обходится без применения информационного давления противоборствующих сторон на общественность и друг на друга. Арабо-израильский конфликт не является исключением. В общей сложности, противостояние еврейского и арабского населения Палестины длится около века. За это время обе стороны успели выработать значительный арсенал средств информационной войны, начиная с тенденциозных СМИ и заканчивая спланированными хакерскими атаками. В то же время, Израиль и ряд арабских государств являются участниками программ мирного урегулирования под эгидой ООН, Европейского Союза и других международных организаций. Добиться своих целей, не допустить чрезмерного усиления оппонента, не отступив при этом от своих международных обязательств — такие задачи сейчас ставят перед собой правительства Израиля, Египта, Сирии и других заинтересованных акторов Ближневосточной системы.

Израиль и его арабские соседи являются участниками Союза для Средиземноморья — региональной межправительственной организации, основанной 13 июля 2008 г. Среди множества задач данного объединения были обозначены: развитие сотрудничества на многосторонней основе, укрепление мира, безопасности и принципа равноправия государств, урегулирование конфликтов. основополагающий саммит в Париже стал большим дипломатическим прорывом в ближневосточном мирном урегулировании. Впервые за много лет за одним столом встретились президент Сирии Башар Асад и премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт. Разумеется, Н. Саркози, главный архитектор Средиземноморского Союза, планировал дальнейшее продолжение диалога в рамках нового объединения.

Саммиты лидеров государств (всего — 43) должны были проводиться раз в два года. В соответствии с принципом двойного президентства, первыми лидерами Союза были выбраны Франция и Египет, а следующий саммит должен был состояться в неевропейской стране. Несмотря на это правило, средиземноморские страны согласились провести встречу 7 июля 2010 г. в Барселоне, приурочив это событие к президентству Испании в Евросоюзе. Однако 20 мая Франция, Испания и Египет приняли решение перенести саммит, чтобы предоставить Израилю и Палестине больше времени для продолжения переговоров [1]. В прессу поступила информация о том, что арабские страны собираются бойкотировать саммит, если глава МИДа Израиля Авигдор Либерман будет присутствовать на предшествующей ему конференции министров иностранных дел. Особенно жесткой оказалась позиция Египта, и на то были веские причины. В 2008 г. А. Либерман в ответ на отказ президента Египта Хосни Мубарака приехать на пере-

говору в Израиль заявил, что «израильские дипломаты регулярно посещают Египет, и если Мубарак хочет приехать в Израиль, то пусть приезжает, а если не хочет — пусть катится ко всем чертям» [2]. Либерман также угрожал разбомбить Асуанскую плотину, а в 2003 г. в ответ на предложение премьер-министра Ариэля Шарона освободить 350 палестинских заключенных, заявил, что «лучше было бы утопить их в Мертвом море».

Негативная оценка Либермана-дипломата встречается не только в арабских СМИ. Германский журнал «Spiegel» 25 марта 2009 г., накануне назначения последнего министром иностранных дел Израйля, выпустил статью «Israel's Pragmatic Thug», название которой можно перевести как «Расчетливый израильский головорез». Заглавие и содержание раскрывают Либермана как ультраправого политика, неспособного к ведению конструктивных переговоров [3]. Такая позиция вполне обоснованна, поскольку содержит отсылки к заявлениям самого израильского министра, а также цитаты других известных политиков, в частности, Хавьера Солана. Верховный представитель Европейского Союза по общей внешней политике и политике безопасности в 1999–2009 гг., утверждал, что Либерман всегда был для него нежелательным лицом.

Так или иначе, несмотря на неприятие нового израильского министра иностранных дел, ни арабские, ни европейские страны не могли добиться его замены другой фигурой. Президент Израиля Шимон Перес и премьер-министр Эхуд Ольмерт принесли извинения президенту Египта Хосни Мубараку за высказывания А. Либермана, однако отказ последнего извиняться лично привел к тому, что «пострадавшая сторона» не стала засчитывать конфликт как исчерпанный. С мая по ноябрь 2010 г. у Египта и Израиля было почти полгода, чтобы уладить имевшиеся разногласия и подготовиться ко Второму саммиту Союза для Средиземноморья. Однако переговоры велись не напрямую, и главным посредником выступала Франция, поскольку президент Николя Саркози всеми силами стремился сохранить свое детище от распада.

Следует заметить, что на саммите Союза для Средиземноморья решения принимаются единогласно, и отсутствие представителя какой-либо страны автоматически приводит к остановке всей работы.

Мирные переговоры занимали ключевую позицию в программе саммита, к участию был также приглашен президент США Барак Обама. Тем не менее выйти из дипломатического тупика так и не удалось. Масла в огонь подлил инцидент с турецкой «Флотилией свободы», атакованной израильскими вооруженными силами в мае 2010 г. [4]. Вопрос о том, что же именно перевозили в трюмах турецкие корабли, остается открытым. Как бы то ни было,

Турция также отказалась от участия в саммите в ответ на агрессивные действия Израиля. Все это привело к тому, что в ноябре 2010 г. саммит был отложен на неопределенный срок.

По законам информационной войны Израиль не мог признать такой итог результатом собственных просчетов во внешней политике. В израильских СМИ бойкот Египта был представлен как шантаж и попытка заблокировать работу Союза в собственных интересах. Акцент делался также на том, что президент и премьер-министр уже принесли свои извинения, а израильская сторона готова в любой момент сесть за стол переговоров [5]. В ходе встреч со своими французскими коллегами израильские дипломаты не раз выражали обеспокоенность, что вина за срыв саммита будет возложена на их правительство.

По всей вероятности, деятельность А. Либермана сначала в Кнессете, а затем во главе МИДа Израиля — не единственная причина непреодолимых дипломатических разногласий между Израилем и арабским миром. Очевидно, что на сегодняшний день нет такого решения конфликта, которое удовлетворяло бы внешние интересы обеих сторон. Давление мирового сообщества на Израиль и арабские государства нередко является для них обременительным, и поэтому предпочтительным решением представляется сохранение *status quo*, то есть временное прекращение переговоров и отказ от посредничества ООН и великих держав. В то же время такая стратегия противоречит международным обязательствам мирного урегулирования, которые возложили на себя обе стороны. Поэтому главной целью информационной войны становится дискредитация противника и перекладывание на него вины за саботаж мирного процесса.

Именно такую картину мы и могли наблюдать в 2010 г. Израиль обвинял Египет в неконструктивности и подрыве работы региональной межправительственной организации. Египет, в свою очередь, справедливо протестовал против оскорбления собственного президента, и в соответствии с принципами дипломатической этики имел полное право объявить Либермана *persona non grata*.

Вполне возможно, что остановка работы основных органов Союза для Средиземноморья соответствовала национальным интересам Израиля, поскольку условия достижения мира, выдвигаемые в резолюциях Конференций министров иностранных дела и рекомендациях Евро-Средиземноморской Парламентской Ассамблеи могут оказаться для него навязанными и неприемлемыми. Так, в итоговом заявлении 9-й Конференции министров иностранных дел в Лиссабоне 5–6 ноября 2007 г. утверждалась необходимость скорейшего достижения мира в соответствии с принципами и договоренностями Мадридской конференции (1991 г.) и Соглашений в Осло

(1993 г.), а также исполнения Израилем решений Совета Безопасности ООН по арабо-израильскому конфликту [6]. Следующая конференция министров иностранных дел в 2009 г. так и не состоялась, потому что Израиль не желал уступать Египту в том же вопросе об оскорбительном поведении Либермана, и последний сохранил пост. Срыв саммита Союза для Средиземноморья стал очередным шагом, а общее замедление переговорного процесса на Ближнем Востоке — отличительной чертой региональной политики.

В заключение следует отметить, что последствия арабо-израильского информационного противоборства в 2008–2010 гг. негативно отразились на общем развитии Средиземноморской системы международных отношений. Ответственность за срыв саммита лежит как на стороне Египта и Сирии, не пожелавших вести прямые переговоры, ссылаясь на инцидент двухлетней давности, так и на стороне Израиля, правительство которого осуществляло неразумную кадровую политику, назначив на ключевую внешнеполитическую должность человека, склонного к некорректному поведению. Если бы мотивация участников конфликта к его разрешению была выше, правительства Израиля и Египта старались бы изменить реальную ситуацию вместо того чтобы манипулировать существующими фактами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Euro-Mediterranean Summit in Barcelona Postponed until November // Catalan News Agency. 21.05.2010. URL: <http://www.catalannewsagency.com/news/politics/euromediterranean-summit-in-barcelona-postponed-until-november>
2. Либерман: «Если Магомед не идет к горе, то пусть идет к черту» // Israeli uncensored news. 03.11.2008. URL: <http://samsonblinded.org/newsru/4227>.
3. Israel's Pragmatic Thug // SpiegelOnline. 25.03.2009. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/avigdor-lieberman-israel-s-pragmatic-thug-a-615392.html>
4. Israel Attacks Gaza Aid Fleet // Aljazeera. 31.05.2010. URL: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2010/05/201053133047995359.html>
5. Arab Leaders: We'll Boycott Summit if Lieberman Attends // Jewish Times. 20.05.2010. URL: http://www.jewishtimes.com/index.php/jewishtimes/news/jt/international_news/arab_leaders_well_boycott_summit_if_lieberman_attends
6. Council of the European Union. Agreed Conclusions of the 9th Euro-Mediterranean Meeting of Ministers of Foreign Affairs. Lisbon, 5–6 November 2007, 14743/07 (Presse 255).

Б. Н. Кагиров, Г. В. Кагирова

ВЗРЫВООПАСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ — КАТАЛИЗАТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Говоря об информационных войнах, необходимо отметить, что основной ареной этих битв является Интернет. Моментальность и беспрепятственность распространения информации в Сети поражает даже пользователей с определенным стажем.

Часто в войнах участвуют различные информационные агентства, сообщества киберпреступников. Зачастую истинных авторов этих войн обнаружить непросто. Цели первых — обладать правом на распространение «горячей» информации, цель вторых — экономические преступления. Зачастую эти цели переплетаются весьма запутанным образом. Киберпреступность проявляет себя по-разному: от добывания сведений о персональных счетах и данных, до продажи виртуальных несуществующих услуг.

В Интернете появились даже специфические термины: «троллинг» и «кибербуллинг». Троллинг — «ловля рыбы на блесну» — это размещение в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать неприязнь, конфликт. Кибербуллинг — это виртуальный террор. Часто в Сети выставляют провокационные высказывания с целью добиться какого-либо результата. На сегодня многие виды кибер-преступлений не нашли еще широкого освещения в современной научной литературе. При новой концепции формирования информационного общества вопросы психического и морального воздействия через Интернет будут все больше и больше тревожить потребителей услуг Интернета.

Работа с компьютером затрудняется и с помощью использования вирусов, вмешивающихся в работу компьютеров. Первые случаи массового заражения ПК вирусами были отмечены в 1987 г., когда появился так называемый «пакистанский вирус», созданный братьями Амджатом и Базитом Алви. Они решили таким образом наказать американцев, покупавших дешевые незаконные копии программного обеспечения в Пакистане [1, с. 186].

Разрешение конфликтов через Интернет — также новая форма взаимоотношений. Комиссией по вопросам альтернативного разрешения гражданско-правовых и коммерческих споров, в Зеленой книге, представленной 19 апреля 2002 г. в Брюсселе, подчеркнута значимость рассматриваемых механизмов как средства разрешения трансграничных споров [2].

Электронное разрешение споров — это альтернатива всем процедурам, не использующим возможности информационно-коммуникационных технологий при урегулировании разногласий.

В Российской Федерации при издании Распоряжения Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2004 г. № 1244-р. был учтен сложившийся опыт международной деятельности и соответственные наработки. Данное распоряжение утвердило «Концепцию использования информационных технологий в деятельности Федеральных органов государственной власти до 2010 г.». В соответствии с настоящей Концепцией действует план мероприятий по ее реализации [3].

Подсчитано, что ущерб, нанесенный преступностью, связанной с высокими технологиями, составляет миллиарды долларов. В 2000 г. Комиссия ООН по преступности и уголовному правосудию, опросившая 3000 респондентов в Канаде, Европе и США, выявила, что 72% из них стали жертвами подобных преступлений. По данным исследований, 90% преступлений в сфере компьютерной информации остаются не обнаруженными. Из зарегистрированных преступлений они выявлены:

- в 31% — в результате регулярных проверок;
- в 28% — с помощью агентурной работы и по заявлениям граждан;
- в 19% — случайно;
- в 12% — в ходе ревизий;
- в 10% — другое [1, с. 169, 239].

Совершение преступлений, не имеющих географических границ, затрудняет ведение борьбы с ними, а безнаказанность провоцирует к совершению других преступлений.

В Интернете 13 июня 2011 г. была размещена статья «Китай и Вьетнам: конфликт переносится в Интернет». Суть атаки была проста: пользователям подсовывались поддельные страницы Google. Даже межнациональные конфликты стали переносить на Интернет-сайты. Автор установлен не был. В последнее время производители электроники все чаще посматривают в сторону Вьетнама. Именно во Вьетнам Intel вложил миллиард долларов, построив там завод по производству и тестированию чипов.

Обычно выделяют 3 цели защиты информации:

- целостность данных;
- конфиденциальность данных;
- доступность данных.

Основные проблемы компьютерной преступности связаны с «человеческим фактором»:

- уволенные или недовольные сотрудники;
- промышленный шпионаж;

- халатность;
- низкая квалификация.

Особый резонанс недавно вызвал фильм «Невинность мусульман», который был выставлен на You Tube и до сих пор обсуждается в различных государствах. Фильм в нелицеприятном виде отобразил пророка Мухаммеда, что вызвало возмущение верующих в Индии, Пакистане, Бахрейне, Алжире, Тунисе, Судане, Ливии, Йемене. По данным американского издания Gawker, режиссер ранее снимал фильмы для взрослых. Актеры, снимавшиеся в фильме, заявили, что снимались не в этом фильме, а в фильме «Воин пустыни». Американцы же выяснили, что один из режиссеров был египтянин, проживающий в США [4].

До сих пор идут горячие дебаты по этому поводу. Страшно, что из-за этого фильма, снятого частными лицами, погибли люди, в том числе американский посол и 3 дипломата. Конфликтные ситуации во многих странах мира были спровоцированы «всего лишь фильмом».

Это повод и урок человечеству — необходимо обратить внимание на «безопасность» информации в целом и на предмет ее будущего негативного воздействия на страны с различными религиозно-этическими и государственными традициями. Необходимо искать решения, предохраняющие от повторения данных ситуаций в будущем.

Таким образом, информационные конфликты, войны — это реальная действительность сегодняшнего дня, и ее надо учитывать в любом виде деятельности. Необходимо также улучшать информированность международного сообщества об истинных авторах провокационных материалов с повышением их ответственности в случае разжигания террора и международных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правовое обеспечение информационной безопасности. М., 2007.
2. Медиация в интернет. URL: http://mosmediator.narod.ru/status_mediatora/mediatsiya_v_internet/
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.09.2004 г № 1244-р (ред.от 29.07.2005) «О концепции использования технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г. и плане мероприятий по ее реализации».
4. НТВ, новости, 15.09.2012, «Невинность мусульман снимал порнорежиссер». URL: <http://www.ntv.ru/novosti/334436>

Л. Г. Коваленко

ИНФОРМАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОПАСНОСТИ

XXI в. называют эпохой глобализации, но необходимо отметить, что в своем развитии глобализация проходит несколько этапов, различающихся движущими силами этого процесса и масштабами. Т. Фридман, автор концепции плоского мира, считает, что первоначально движущей силой были страны, затем — компании, а в последнее время — отдельные личности; средством, позволяющим выходить на глобальный уровень отдельным людям и небольшим группам, является волоконно-оптическая связь [1, с. 16]. В результате мир как бы миниатюризируется и выравнивается, что открывает возможности перед каждым человеком и компаниями, новые перспективы развития, что обусловлено прежде всего принципиально иной системой распространения информации — компьютерные технологии (особенно Интернет), — более склонной к трансляции иррациональности, так как последняя более эмоционально заряжена, требует меньше знаний, больше объясняет для широкого круга людей и легче усваивается.

Активно внедряясь в сферу политики, новые информационные технологии качественно видоизменили и сломали старые стереотипы и установки поведения, модели взаимоотношений. Р. Даль отмечает, например, что они стали играть ключевую роль в создании предпосылок демократического общества, опирающегося на мнения и суждения народа. Появился и новый термин «теледемократия». Возможно поэтому важным идеологическим компонентом политической жизни арабо-мусульманского мира стали теории заговоров, распространяющиеся и на западный мир. Сегодня именно Интернет, являясь мировой компьютерной сетью, действует на основе стандартных соглашений о способах обмена информацией и единой системы адресации. Фридман подчеркивает, что «Интернет — это игла, орудие ввода», происходит «загрузка мировоззрением, которое соответствует собственным склонностям», и новый плоский мир этому способствует, «упрощая этот процесс» [1, с. 548].

Исследования показывают, что, например, террористические организации используют Интернет-средства для вербовки новых членов, сбора денежных средств, проведения устрашающих кампаний, запуск дезинформации, люди начинают чувствовать свою беспомощность, незащищенность, а правительства вынуждены принимать решения, не всегда адекватные ситуации (США, Россия, Израиль и др.). Опасность и в том, что даже в обанкротившихся, отсталых странах сегодня есть широкополосный доступ

в Интернет, спутниковые антенны. В этих странах могут найти приют террористы, и их могущество, таким образом, возрастает, заставляя развитые державы «ввязываться» в проблемы данных государств. Можно согласиться с утверждением, что в современном «плоском мире становится все сложнее спрятаться, в нем гораздо проще оставаться на связи», и «не так страшен черт, как террорист со спутниковой тарелкой и интерактивным веб-сайтом» [1, с. 552].

Но информационное воздействие существовало всегда — например, распространялись мифы, рассказы о жестокости правителей и т. п., что подрывало моральные устои, дух противника. Психологические установки на сопротивление, защиту отечества поддерживались соответствующей системой воспитания, идеологией, а развитие информационных сетей усиливает мощь информационного оружия, увеличивает общий объем информационных потоков, оказывая влияние на мировоззрение людей, формируя оценки «свой — чужой», «тиран — освободитель». Сегодня активно используется термин «информационная война» (ИВ), введенный в политический язык после операции США 1991 г. «Буря в пустыне», когда впервые новые информационные технологии использовались как средство ведения боевых действий. Само понятие ИВ многопланово.

Информационная война — это действия, принимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации; это активные методы трансляции информационного пространства; это определенная система (концепция) навязывания модели мира, которая обеспечивает желаемые типы поведения. Основные формы ведения ИВ: радиоэлектронная борьба, средства электронной разведки и наведения, нанесения удаленных точечных ударов с воздуха, психотронная война, борьба с хакерами и др. Поле действия ИВ: 1) инфраструктура систем жизнеобеспечения государств (телекоммуникационные сети, банковская система, электронные сети); 2) промышленные шпионаж; 3) электронное вмешательство в командование и управление военными объектами; 4) всемирная компьютерная сеть Интернет. Таким образом, ИВ — это такая специфическая форма конфликта, в которой происходят прямые атаки на информационные системы для воздействия на знания или предположения противника. И главная задача в настоящее время — не уничтожение живой силы, а подрыв целей, взглядов и мировоззрения населения, разоружение социума и создание новой модели мира, а также расстановки сил как внутри государств, так и в системе международных отношений. Поэтому важной является работа на опережение противника, обеспечение информационного превосходства.

Активная ИВ длительное время ведется против России, миф о «русской оккупации» используется для потенциальной и желаемой для некоторых политических сил агрессии против государства. Русофобия заменила антикоммунизм и антисоветизм, что в настоящее время более опасно, т. к. создан более негативный образ страны, чем в годы «холодной войны», очень ярко это проявилось в августе 2008 г. Геополитику русофобии разработал еще А. Даллес, и она реализуется до сих пор, дополняясь новыми разработками. Цель этой политики — уничтожение российской государственности, средства реализации разнообразны: информационные, идеологические, финансово-экономические, возможно, сегодня и религиозные [2, с. 158].

Интересен еще один аспект проблемы — как влияет информация на действия власти. Как уже отмечалось, развитие информационного пространства и его главного института — СМИ — способствует распространению терроризма и других крайне опасных явлений. В свою очередь, СМИ используют такие механизмы, как «эффект заражения», «спираль насилия», «эффект CNN», которые корректируют процесс принятия решений властью. «Эффект заражения» — это привлечение внимания огромной аудитории; «спираль насилия» повышает уровень общественной толерантности к насилию. Погоня за сенсацией, характерная для СМИ, повышает внимание в террористам, происходит даже их определенная героизация и общество привыкает к насилию, что в свою очередь и вызывает «спираль насилия». Череда так называемых революций в Северной Африке демонстрирует эти механизмы в действии, именно масштабное использование развитыми державами СМИ, Интернета, воздействуя на массовое сознание, сформировало отношение к властям, объявляя их нелегитимными (что не соответствовало действительности) и создало огромное геополитическое нестабильное пространство, разпользование оружия и угрозу для других регионов мира.

«Эффект CNN» отражает взаимодействие СМИ и власти, т. е. СМИ не только формируют общественное мнение, но и становятся, как уже отмечалось, «политическим двигателем», освещая события и лишая правительства маневра и времени, т. к. формируют в общественном сознании ожидаемую линию поведения. В результате власть вынуждена принимать решения в ограниченные сроки и без опоры на комплексный анализ информации (ситуация в Сирии и других странах). То есть СМИ лишают правительства таких факторов в острых ситуациях, как: время (они действуют быстрее, но поверхностно), конфиденциальность информации (передают ее по всему миру), пространство для маневра (формируют ожидаемую линию поведения). Одним из главных инструментов стал американский новостной канал CNN. С его помощью формируется мировоззрение и том числе элит различных государств, оппозиционное

мировоззрение. И порой оппозиция, находясь за рубежом, используя СМИ, Интернет, готовит почву для государственного переворота (Ливия) [3, с. 71, 76]. Отсюда, правительства, стремясь «успеть» за СМИ, принимают поспешные решения, наносящие ущерб обществу и взаимоотношениям с другими государствами. «Новые» (Интернет) и «традиционные» (ТВ, радио, пресса) СМИ объединяют общие черты и способы передачи информации, например, навешивание ярлыков, создающих определенные рамки восприятия событий (страны-террористы, страны-агрессоры, правитель-тиран).

Автор, исходя из вышеизложенного, считает, что современный мир без информационных технологий не может существовать, и все заявления и попытки властей ввести цензуру в интернет-пространстве нереальны, поэтому огромное значение приобретают новые-старые механизмы взаимодействия между государствами: умение и желание вести переговоры, обсуждая в этом процессе возникающие проблемы, поиск компромиссов, формирование нетерпимости к насилию в различных его проявлениях, ответственность СМИ, а также через научное, культурное, экономическое сотрудничество. Хотя следует признать, что ряд глобальных проблем — экологическая, водных, продовольственных и энергоресурсов — являются объектом борьбы за выживание, а также властвования, и, следовательно, угроза военных действий реальна, но информационные сети могут либо снизить уровень агрессии, либо создать более благоприятные условия для мирного разрешения возникающих проблем, то есть информация — очень действенный механизм, который используется политиками, но и сам он может манипулировать их сознанием и действиями, что очень опасно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI в. М., 2007.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2007.
3. Журавлев Д. А. СМИ и терроризм // Общественные науки и современность. 2009. № 5.

Д. М. Кошлаков

МЕСТО ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ В СОБЫТИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

События, получившие название «арабской весны», кардинально поменяли международную панораму на Ближнем Востоке, да и вообще многое изменили в мире. Острые споры вызывает вопрос о естественном или искусственном характере этих событий (т. е.

стихийны они или рукотворны?). На самом деле, союз «или» здесь излишен. В такого рода событиях, как правило, имеет место суперпозиция (наложение) рукотворного и технологического на стихийное и вообще — естественное наложение внешних вынуждающих воздействий на собственные колебания системы. Такова природа управления системами, причем любыми: хоть техническими, хоть социальными. Вознамерившийся управлять каким-либо процессом субъект должен не противостоять естественным закономерностям, наиболее принципиальные (сущностные) из которых он изменить не может, а использовать их действие в своих интересах.

Наблюдатели спорят о том, какова истинная роль США и других стран мира (Франции, Великобритании, Турции, Катара, Саудовской Аравии и др.) в арабских событиях и на различных этапах соответствующих им процессов. Не погружаясь в этот вопрос досконально, отметим, что, как показывают уже имеющиеся аналитические исследования [1], в реальности имеет место распространение на Ближний Восток и Северную Африку технологической смены власти в странах мира, уже опробованных, к примеру, на постсоветском пространстве в ходе так называемых «оранжевых революций». Вместе с тем нельзя утверждать, что «арабская весна» точно скопировала «оранжевые революции». Скорее мы имеем дело с еще более развитой технологией смены власти в странах мира, включая страны с существенно авторитарными режимами.

Если на Украине, в Грузии и Киргизии «оранжевые революции» произошли по схеме, когда оппозиция ухватилась за нарушения, допущенные в ходе выборного процесса, и после этого ситуация была переведена в режим открытого политического противостояния и давила до «нужного» результата, выгодно местным «оранжевым» силам и странам Запада, то в арабском мире в качестве повода, «зацепки», выводящей политический процесс из фазы нормального течения в точку бифуркации, выступали не нарушения, допущенные в ходе выборов, а массовые протесты, координировавшиеся через социальные интернет-сети и блогосферу («Facebook», «Twitter» и т. п.).

На постсоветском пространстве «оранжевые» технологии оказались эффективны при свержении достаточно слабых, или существенно неустойчивых режимов. К числу стран с неустойчивой общественно-политической жизнью, в первую очередь, может быть отнесена Киргизия. В частности, в этой стране наблюдаются процессы политической дестабилизации, исходящие из Ферганской долины, которая, в свою очередь, является одной из важнейших точек этноконфессионального и религиозного радикализма в среднеазиатском регионе, выступающем зоной особой уязвимости как для России, так и для Китая, что привлекает внимание к данному региону

самых разнообразных геополитических сил, а также вызывает высокий интерес террористических организаций и транснациональных криминальных структур, занятых производством и транспортировкой наркотиков. Кроме того, «оранжевый» переворот, можно сказать, случился дважды: сначала был свергнут режим А. Акаева, а несколько лет спустя — пришедший ему на смену режим К. Бакиева. Вместе с тем попытки революций в странах с достаточно сильными и устойчивыми политическими режимами и довольно авторитетными главами государств (Беларусь, Узбекистан, Казахстан) провалились. Отчасти они провалились по причине решительных действий властей, единства властной элиты и авторитета глав государств в элите и обществе, достаточных для удержания контроля над ситуацией.

Технологии «арабской весны», являясь продолжением и развитием технологий «бархатных революций» и используя в качестве важных средств решения соответствующих задач социальные Интернет-сети, оказались способны, во-первых, из накопившегося в арабских странах недовольства и социальной усталости создать социально-групповые субъекты, открыто выступившие против правящего режима, и, во-вторых, сделать это без всякой привязки к выборному процессу, как это часто было на постсоветском пространстве. Накопившиеся в странах арабского мира политическое недовольство и социальная усталость под воздействием интернет-коммуникации и при помощи тех или иных поводов были канализированы в протестные выступления. Это все подтвердило, сколь мощным политическим оружием являются интернет-сети. В частности, они оказались важным инструментом в решении сразу нескольких значимых задач. Во-первых, оказались способны формировать своего рода виртуальные политизированные сообщества по интересам, которые смогли быть весьма активны в странах с авторитарными общественно-политическими системами, с ограниченным пространством способов участия в общественно-политической жизни. Будучи подкреплены деятельностью неправительственных организаций и протестной активностью местных (автохтонных) либеральных (и часто совсем не либеральных) сил, интернет-сети оказались способны «раскупорить» существенно закрытые и авторитарные режимы.

Во-вторых, интернет-сети стали фактором повышения уровня нестабильности в социальных системах, их политической жизни (вспомнить хотя бы крупный международный скандал, разгоревшийся вокруг интернет-ресурса WikiLeaks). В-третьих, интернет-сети эффективно диссоциируют консервативное мировоззрение [2]. Блогосфера и интернет-среда все в большей мере начинают заменять традиционные системы социальных связей, трансляции смыслов и передачи информации (семья, школа, вуз, государство и т. д.) на сетевые; и таким образом эта среда способна трансформировать

любой режим, как бы навязать ему свою волю. В-четвертых, в обществе сегодня в условиях падения доверия к телевидению доминирует стереотип, согласно которому Интернет рассматривается как пространство свободного самовыражения, лишенное каких бы то ни было способов организованной манипуляции сознанием, применение которых исходило бы от государственной власти и политических элит. В реальности это далеко не так. И дело тут и в том, что Интернет является ареной игр политически заинтересованных элит, и в том, что Интернет нередко поощряет пользователя к поведению, внешне независимому, «смелому», мало сдерживаемому традиционными общественными регуляторами (традиция, мораль, право и т. д.), хотя, надо сказать подверженному серьезному влиянию со стороны общественно-политических стереотипов. Это делает интернет-среду очень подвижной (обладающей большим количеством степеней свободы) и крайне пластичной, что открывает просторы для манипуляции общественным сознанием, ведения информационно-психологических войн.

Однако не до конца четкое понимание подобной специфики интернет-коммуникации рождает завышенный уровень доверия к ней, который в виду своей необоснованности играет с не критично воспринимающим информацию пользователем злую шутку. Иногда этого не понимают даже, казалось бы, продвинутые пользователи Интернета — студенты информационно-технологических специальностей вузов (наверное, не все, но некоторые — точно), полагая, что интернет-пользователь, самостоятельно выбирающий, что ему читать и смотреть, свободен от навязывания ему определенного контента.

В-пятых, Интернет способствует глобализации сообществ и аксиологических (ценностных) систем, что серьезно раскачивает ситуацию в странах. Благодаря Интернету подросток в арабском провинциальном поселении видит то, как живут люди на богатом Западе, пропитывается теми специфическими ценностными установками, которые свойственны западным обществам, но в целом не свойственны странам арабского мира. В арабских поселениях многие благодаря Интернету видят ту, другую, «потустороннюю», внешне очень притягательную (особенно для неокрепшего сознания молодых людей) жизнь и начинают влечься к ней, к высоким стандартам потребления, которые ей свойственны.

Тем самым западная культура, западный стиль мысли и образ жизни, распространяемые через голливудские фильмы, всемирно известные телевизионные каналы и Интернет, вся американская массовая культура, о чем как о недооцененном факторе американского гегемонизма пишет З. Бжезинский, меняют стереотипы людей и особенно молодого поколения, их личные вкусы, поведенческие нормы, материальные и потребительские запросы, раскрепощая

личность, опрокидывая существующие традиции, вызывая чаще всего неосуществимые социальные амбиции и сначала эволюционно, а потом революционно (как в ходе «арабского пробуждения»), подрывая основы существующего в конкретном обществе порядка. Из этого глобального превосходства Запада в информационно-психологической и социально-культурной сфере во многом и проистекает нынешняя революция в арабском мире, ведь естественно, что при столь специфическом (глобализированном, обеспеченном «мировой паутиной» в виде сети Интернет) социально-культурном сопряжении противоположных по своему уровню жизни метрополии и периферии, осуществляемом через Интернет, периферийная экономика и периферийная социальность становятся особо неустойчивыми.

Суперпозиция множества подобных факторов и возможностей (возможности интернет-коммуникации, деятельность неправительственных организаций, технологии информационно-психологического противоборства, технологии эскалации политической нестабильности и т. п.) приводит к тому, что многие страны мира полностью или частично теряют свой суверенитет и часто вынуждены мириться с ослаблением уровня национальной безопасности и ее различных компонентов (военная безопасность, информационная, экономическая и т. п.) перед натиском государств и международных элит, обладающих высоким потенциалом в сфере информационно-психологического противоборства, социально-гуманитарных технологий и современной геополитической игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке/под ред. С. Кургияна. М., 2011. URL. <http://www.kurginyan.ru/books/polittsunami.pdf>.
2. Фурсов А. ЕГЭ и другие. Ч. 3 // Завтра. 2011. № 52. 28 декабря.

А. В. Кротов

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (в контексте «цветных революций»)

Информационная война — понятие, которое вошло в научный и журналистско-публицистический оборот сравнительно недавно. Этого не скажешь об описываемом этим термином явлении. По всей видимости, начиная с эпохи строительства государства, за-

рождения международных отношений и начала территориальных приобретений возникает необходимость обоснования действий, как во внешней, так и во внутренней политике страны. Но пиком развития информационных войн, конечно, стоит признать XXI в. Как раз сейчас есть все условия для расширенной трактовки информационных войн, так как применяются самые совершенные новые методики коммуникационного воздействия на действующих игроков политического и прочих процессов.

Современная эпоха в информационном плане значительно отличается от всех предыдущих. Огромные объемы информации по самым различным аспектам жизни общества не позволяют подавляющему большинству населения правильно ее усвоить и систематизировать. Иногда только самые узкие специалисты (включенные в события ученые и практики) в состоянии составить квалифицированное мнение по тем или иным вопросам. Таким образом, возникает постоянная возможность для различных манипуляционных операций, тем более в области политики. В последнее десятилетие произошло довольно много событий в мировом международном пространстве, в которых информационным войнам отводилось первостепенное место.

На наш взгляд, было бы продуктивно подумать на тему генезиса информационных войн на примере так называемых «цветных революций», произошедших в пространстве бывшего СССР. Хотя стоит сделать оговорку, что практически весь выявленный нами комплекс предпосылок и причин, стимулирующих названные общественно-политические феномены, характерен и для других известных событий в мире («арабская весна» и некоторые аналогичные менее явные и освещаемые внутривосточные кризисы в разных частях планеты).

Выделенные предпосылки возникновения информационных войн с целью осуществления смены власти в странах СНГ можно подразделить на 2 категории. Первая группа касается внешних условий, а вторая — внутренней ситуации в этих регионах.

На рис.1 показан главный комплекс предпосылок. К первой группе относятся следующие составляющие: 1) на сегодняшний момент разработаны высокоэффективные PR-технологии вмешательства во внутренние дела иностранных государств без объявления войны, да и без предъявления явного противника (современные PR-технологии и возможности сетевой коммуникации способствуют эскалации скрытых конфликтов; на сегодня не составляет большой проблемы мобилизация недовольных, в особенности молодежи); 2) информационная война гораздо дешевле в экономическом и тем более человеческом плане, чем военное противостояние; 3) в результате информационных войн не уничтожаются

Рисунок 1. Предпосылки возникновения информационных войн, стимулирующие «цветные революции»

ценные физические активы; 4) в связи с общей демократизацией общества (в особенности западного мира) крайне сложно добиться одобрения военного вмешательства, чего не скажешь о вполне «приемлемых» информационных атаках; 5) есть опыт подобного вмешательства, окончившегося сменой режима в приграничных регионах или близких в культурно-исторически-этническом плане, который можно использовать и улучшать.

Во второй группе предпосылок стоит отметить такие важные моменты, как: 1) «цветные революции» возможны только в странах, где гражданское общество еще не сформировалось; 2) в странах, где преобладают традиционализм, патриархальность, этнократия, клановость и трайбализм в той или иной степени выраженности, всегда есть многочисленные элитные группировки, которые, безусловно, выигрывают от вмешательства извне (они сами часто способствуют формированию коалиции зарубежных коопониров революционных событий); 3) власть здесь часто передается по «наследству» явно или не явно (в любом случае остается в одном и том же клане), иногда это власть геронтократии; 4) там, где относительно быстро произошла полная и бесповоротная десакрализация власти, повышается вероятность поддержки населе-

нием информационных выпадов против существующего режима; 5) отсутствие явных, признаваемых всеми, «духовных» лидеров нации (которые, как правило, выступают за эволюционное развитие общества) приводит к быстрому ответу на призывы к смене правящего режима; 6) в обществе витает «дух свободы», то есть значительные категории граждан или целые слои считают приемлемым отказ от существующей властной модели; 7) здесь относительно невелик процент среднего класса высокоинтеллектуальной прослойки, которая была аффилирована с существующей властью (именно эти представители могли бы в ином случае выступить неким демпфером власти в случае кризисных явлений).

Именно такими были основные предпосылки информационного вмешательства извне (сразу была видна большая доля вероятности успеха) в Киргизии, Украине и Грузии. Такие же предпосылки (в той или иной степени завершенности) наблюдаются сейчас в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане. Непосредственно же информационная война стимулируется определенными причинами, которые показаны на рис. 2. Во всех странах бывшего СССР, где «цветные революции» были осуществлены, был выявлен в общем-то стандартный комплекс причин, которые стимулировали возникновение информационных войн. Эти причины также имеют внешний и внутренний характер. Хотя основными все-таки являются внутренние условия, вследствие которых и возникает или формируется смысл информационных атак.

Главными причинами внутреннего характера являются: 1) социально-экономическая неэффективность управления государством, что может проявляться в высоких показателях безработицы, индексов коррупции, длительном отсутствии роста ВВП или его снижении, долговом кризисе правительства и т. п. (нужно только отметить, что уровень социально-экономического развития в стране воспринимается населением с определенной долей субъективности, одни и те же показатели могут совершенно противоположно восприниматься представителями разных государств и даже регионов одного национального образования, здесь тоже есть неограниченные возможности для манипуляций и различных подходов к трактовке явных количественных показателей); 2) в стране четко выделяется «семейная» группа предпринимателей, для которых открываются неограниченные возможности, самые выгодные контракты, прибыльные бизнесы и целые отрасли закрыты для конкурентов со стороны; 3) за период существования действующей власти усилилась поляризация населения или, что встречается практически повсеместно, появились группы, явно выигравшие (как правило, их не так много) и многочисленные проигравшие (чем больше это соотношение, тем вероятнее выступления против такого положения дел, иногда

Рисунок 2. Причины возникновения информационных войн, стимулирующие «цветные революции».

меняются местами вчерашние хозяева жизни с их подчиненными, что, конечно, не устраивает первых, стремящихся как минимум к сохранению статус кво); 4) политическая оппозиция фактически не имеет шансов легитимно посредством выборов прийти к власти или даже легально предлагать альтернативы социально-экономического и политического развития; 5) в результате работы действующих политиков возникло большое количество самых различных широко представленных социальных групп населения, резко негативно относящихся к нынешней власти (хотя лозунги и стремления у них могут различаться прямо противоположным образом); 6) в стране представлена авторитетная оппозиция (поддерживаемая широкими слоями населения), которая ради возможности получения власти готова к самым жестким способам борьбы; 7) в стране наблюдается раскол в рядах элиты или руководства страны, который может проявляться не открыто и быть связан как с переделом собственности, так и с вопросом о передаче власти в будущем и т. п.

Основных причин внешней заинтересованности в информационных войнах с целью смены режимов в действительности не много,

это: 1) никуда не девшаяся геополитическая конкуренция, которая сейчас иногда принимает форму геоэкономического соперничества (также конечной целью может быть не столь явная, но очевидная работа на ослабление ведущих держав мира, имеющих мощные интересы и являющихся патронами данных «неспокойных» территорий); 2) во время жестких внутривнутриполитических и экономических кризисов в самых сильных государствах мира отдельные политические силы остро нуждаются в «маленькой победоносной войне» (которая позиционируется в СМИ как борьба за демократию и общечеловеческие ценности), либо нужна заместительная или отвлекающая от главных событий жертва (новость); 3) такое явное вмешательство извне даже в форме информационной войны с целью смены действующего режима возможно в связи с относительно недавним этапом развития современной государственности, когда в сообществе политиков, экспертов и тем более граждан не сформировались устоявшиеся принципы внутренней и внешней политики.

Проанализировав весь комплекс перечисленных предпосылок и причин возникновения информационных войн, можно с полной уверенностью утверждать, что основная масса населения государства, против которого направлена коммуникационная атака, легко становится реципиентом информационных потоков, целенаправленно направляемых более профессиональными и заинтересованными участниками. Те, кто манипулируют, как правило, обладают более или менее ясной картиной, и им легко обыгрывать рядовых участников процесса. Поэтому правящий режим вынужден теми же методами вести оборону. Что сложнее и менее эффективно.

В конечном итоге в войне «всех против всех» теряется смысл социально-экономических и политических изменений. Парадоксальный вывод, который напрашивается в связи с завершением «цветных революций» в рассматриваемых странах и подведением итогов, звучит совсем не утешительно. А стоило ли все это затевать?

Т. Н. Литвинова

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДЖИХАД» ПРОТИВ РОССИИ: МЕТОДЫ ВРАЖДЕБНОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Серьезную угрозу информационной безопасности России представляет интернет-пропаганда отделения Северного Кавказа и создания на его территории исламского государства. Основные черты глобальной сети — доступность и отсутствие цензуры размещаемой

информации — предоставляют широкие возможности для беспрепятственной пропаганды сепаратизма и религиозного экстремизма. Все подобные интернет-ресурсы ведут свою работу из-за рубежа и имеют международные домены «.com», «.org», «.info» и др. Наиболее известные среди них сайты «Ичкерия», «Чеченпресс», «Кавказ-центр», «Кавказ-монитор», «Джамаат «Шариат»», «Kavkazan Naamash», «Шамильонлайн». Экстремисты называют свою деятельность в Интернете «информационным джихадом», и, если верить материалу, размещенному на сайте «Кавказ-центр», объектом их пропаганды являются более 3 млн пользователей сети [1].

Цель доклада — проанализировать стилистику и методы пропаганды экстремистов, и осветить проблемы, стоящие на пути противодействия «информационному джихаду» против России.

Практически все анализируемые Интернет-ресурсы имеют следующие разделы: «Умма» (новости исламского мира), «Кавказ», «новости», «аналитика». Хотя большинство подобных сайтов имеет раздел новостей, основной их задачей является скорее идеологическая корректировка информации. При этом экстремисты пытаются популяризировать принятые в их среде географические названия, имеющие выраженную идеологическую окраску. Этот прием активно используется в сводках новостей из Северо-Кавказских республик РФ, которые в среде сепаратистов называются «вилаяятами» (провинциями), например, вилайят Нохчийчоь (Чечня), вилайят Г1ай1айче (Ингушетия), объединенный вилайят Кабарды, Балкарии и Карачая.

Важным является также анализ символов и способов самопрезентации, используемых войнами «информационного джихада». На сайтах экстремистов размещены фотографии амиров (командиров боевиков) и шейхов (духовных лидеров), их воззвания и обращения. В день трагедии в московском метро 29 марта 2010 г. на сайте «Джамаат «Шариат»» появилось воззвание всем мусульманам Кавказа подчиниться власти Доку Умарова. В его видеообращении говорилось, что террористический акт в московском метро является актом возмездия «русским оккупантам».

Отличительной чертой размещаемых текстов является то, что некоторым словам и символам приписывается неконвенциональное значение. В качестве агентов зачастую выступают исламские термины, такие как «джихад» («усердие» на пути Всевышнего), «моджахеды» («борцы»), «муртады» («отступники»), «кафиры» («неверные»). Их новые подразумеваемые значения явно не соответствуют традиционным: джихадом сепаратисты называют войну, которую они объявили России и западному миру, моджахедами именуют боевиков, муртадами — мусульман, работников правоохранительных органов Северо-Кавказских республик. Они

придают соответствующую идеологическую оценку деятельности сепаратистов, как мучеников и поборников веры, а их противников, как неверующих и «национал-предателей». Агенты, обозначающие враждебную сепаратистам сторону, снабжаются крайне негативными и даже уничижительными характеристиками, например, в отношении России используются следующие наименования: «оккупанты», «империя», «евразийский каганат», «Русня».

Один из часто используемых приемов пропаганды сепаратистов — заведомо ложное истолкование истории. Распространяется миф о многовековой и непрекращающейся войне кавказских народов с Россией.

Также часто используется прием гиперболизации негативных черт и неудач противника. Намеренно рисуется неприглядный образ России. Действия правоохранительных органов на Северном Кавказе преподносятся как террор против мирного населения, распространяется информация об исчезновении людей, вина за это возлагается на «марионеточных милиционеров».

Теракт в Дагестане 3 мая 2012 г. на сайтах «Кавказ-центр» и «Шамилонлайн» комментировался в крайне враждебных выражениях, с применением всех вышеперечисленных методов «информационного джихада»: «Уничтожение такого крупного блок-поста с таким большим количеством живой силы еще раз показало, что многочисленные рассказы про расстрелянных «боевиков» на постах, у которых хотели «проверить документь», на самом деле насквозь лживы. Уничтожение блок-поста «Аляска 30» в Шамилъкале (бывшая Махчкала) продемонстрировало, как моджахеда на самом деле отвечают на попытку «проверки документов»» [2].

Вследствие «информационного джихада» в Интернете создается новая реальность. Искажение новостей и фактов, популяризация принятых в среде сепаратистов географических названий, использование агентов «языка вражды» формируют виртуальный мир Имарата Кавказ, находящийся вне правового, культурного и информационного поля Российской Федерации.

Риторика сепаратистов, безусловно, представляет серьезную опасность, так как вышеперечисленные интернет-сайты доступны для молодежи Северного Кавказа. На наш взгляд, можно выделить следующие трудности в борьбе с «информационным джихадом».

В первую очередь, это трудности правового характера. Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает ответственность за экстремистскую деятельность для юридических лиц и СМИ, предусматривает возможность приостановления деятельности экстремистской организации, путем подачи судебного иска о ее запрете и ликвидации. Однако в силу одной из особенностей Интернета — бесконтроль-

ности подачи информации — данные нормы в отношении распространителей экстремистских материалов в сети являются практически «беззубыми». На практике привлечь к ответственности автора статьи экстремистского содержания довольно трудно: нужно определить авторство, найти этого человека, провести экспертизу статьи и, наконец, рассмотреть дело в суде.

Статья 13 новой редакции Федерального закона № 114 (24 июля 2007 г.) предусматривала создание и размещение в Интернете на сайтах органов юстиции и в СМИ Федерального списка экстремистских материалов, находящихся под запретом [3]. В апреле 2008 г. Генеральная прокуратура РФ выступила с инициативой в законодательном порядке ограничить доступ российских пользователей к сайтам экстремистского характера, то есть ввести для Интернет-ресурсов те же правила, которые уже существуют в отношении СМИ. После опубликования списка экстремистских сайтов на официальном сайте федеральной службы в сфере юстиции, все российские провайдеры будут обязаны заблокировать доступ к таким сайтам в течение месяца.

Однако, большая часть нежелательных материалов размещается на серверах, географически находящихся вне России, то есть не относящихся к российской юрисдикции. Попытки каким-то образом повлиять на зарубежных провайдеров через их правительства по линии сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, как правило, ни к чему не приводят.

Вторая проблема противодействия пропаганде сепаратизма и экстремизма в Интернете — техническая. В ряде государств (Иране, КНР, Беларуси) используются различные технические средства блокировки поступления нежелательной информации к пользователям сети. В России пока существует неформальная практика взлома нежелательных сайтов. Например, kavkaz.org несколько раз взламывался хакерами, и существует мнение, что это делалось с одобрения российских властей. У российских пользователей нет никаких законодательных и технических препятствий для просмотра подрывных материалов у себя дома или на рабочем месте (если работодатель не установил собственные фильтры на рабочую сеть, правда, под запрет работодателя чаще попадают социальные сайты, а не сайты экстремистской направленности).

В связи с этим особую актуальность приобретает не столько введение запретов, сколько необходимость критического прочтения содержания этих сайтов, а значит, третья проблема противодействия экстремистской пропаганде — идеологическая. В своих материалах сторонники отделения Северного Кавказа от России используют историческую связь этнического и религиозного, манипулируют национальным самосознанием. К сожалению, мы вынуж-

ждены констатировать, что на государственном уровне до сих пор не создано достойной альтернативы подобному влиянию на людей, нет объединяющей всех россиян надэтнической и надрелигиозной идеологии. В связи с этим важной составляющей борьбы с этносепаратизмом и религиозным экстремизмом должно стать формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности, культуры согласия и мира, пропаганда социальной справедливости, равенства и братства народов.

На наш взгляд, действенным механизмом противодействия «информационному джихаду» может стать грамотная и последовательная критика методов и приемов враждебной пропаганды в СМИ с подробным разбором противоречий и лжи, которыми изобилуют подобные сайты. В этой связи хотелось бы отметить серию статей Висхана Халидова, публикуемых в региональной газете «Северный Кавказ» [см.: 4–10].

Таким образом, противодействие пропаганде этносепаратизма и религиозного экстремизма в глобальной сети связано с трудностями правового, технического, идеологического и социально-экономического характера. Мы считаем, что действенными мерами в борьбе с «информационным джихадом» может стать разоблачение лживой риторики экстремистов, активная национальная государственная политика, направленная на выравнивание социально-экономических показателей северо-кавказских республик. Кроме того, особую актуальность приобретает более активное использование и разумное сочетание законодательных и технических ограничений распространения нежелательной информации через Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный джихад: более 3 миллионов. Время публикации 23 августа 2009 г., 10:54. URL: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/08/23/67558.shtml>
2. Дагестан: Кафиры занялись любимым делом — математикой!... URL: <http://www.shamilonline.org/ru/2009-08-18-08-08-27/10242-2012-05-04-09-42-54.html>
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 29.04.2008). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=76617>
4. Халидов В. Наживка для легковых // Северный Кавказ. 14 декабря 2010 г.
5. Уроки краеведения из палаты № 6 // Северный Кавказ. 20 июля 2011 г.
6. Кто вправе называться шахидом? // Северный Кавказ. 30 октября 2011 г.

7. По ту сторону правды // Северный Кавказ. 17 февраля 2012 г.
8. Одержимые духом разрушения // Северный Кавказ. 28 февраля 2012 г.
9. Терроризм есть сумма агрессивности и невежества // Северный Кавказ. 5 апреля 2012 г.
10. Кто пытается управлять варварством? // Северный Кавказ. 2 мая 2012 г.

Ю. А. Митяева

ТЕЛЕКАНАЛ «RUSSIA TODAY» И СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И БЛОГАХ

Довольно непросто оценить успехи отечественных СМИ в формировании позитивного имиджа России за рубежом. Государствами тратятся немалые средства на эти цели, в частности, ежегодный бюджет российского телеканала Russia Today составляет примерно 30 млн. долл. в год [1]. С развитием новых каналов коммуникации информационное противостояние все больше смещается в интернет-пространство. При этом социальные сети и блоги становятся новым полем, где происходит борьба за информационное влияние.

Одним из наиболее влиятельных СМИ, ориентированных на формирование имиджа России за рубежом, является телеканал «Russia Today». Главным редактором телеканала является известная журналистка, в прошлом — сотрудник «кремлевского пула» Маргарита Симоньян.

Специфика информационного противостояния по сравнению, например, с информационными войнами, заключается в смещении акцента в сторону использования средств и методов так называемой «мягкой силы». Внешне это выражается в информационной экспансии противоборствующей стороны. Такая экспансия в отношении США идет в первую очередь от российского телеканала «Russia Today».

Согласно результатам исследования компании Nielsen, аудитория телеканала «Russia Today» в Нью-Йорке за 2011 г. выросла в 3 раза, а в Вашингтоне — более чем на 60%. В пяти крупнейших городах США: Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Чикаго телеканал «Russia Today» обогнал другие международные информационные каналы [2].

У «Russia Today» довольно разветвленная сеть информационно-коммуникационных каналов в сети Интернет. «Russia Today»

имеет основной сайт на английском языке, версию на арабском и испанском языках. Есть отдельный интернет-ресурс — ИноТВ, где можно узнать, что говорят о России, и какой показывают нашу страну зарубежные телекомпании, есть собственный канал на сервисе YouTube. Туда выкладываются наиболее интересные сюжеты, и количество просмотров уже перевалило за полмиллиарда. «Russia Today» стал первым телеканалом в истории YouTube, который достиг такой высокой отметки [1].

Телеканал активно наращивает свое присутствие и в социальных сетях и блогах. У «Russia Today» есть страницы основных подразделений в Facebook, несколько аккаунтов в популярном микроблоге Twitter. Как справедливо замечают многие западные эксперты, «Russia Today» в основном освещает события, происходящие в других странах, мало рассказывая о самой России и ее проблемах [3]. Очень смело телеканалом освещалось движение «Occupy Wall Street» («Захвати Уолл-стрит»), при этом тема массовых митингов в самой России освещается очень слабо.

Первые лица телеканала, например, главный редактор Маргарита Симоньян, активно используют популярные социальные сети и блоги: Facebook, LiveJournal и Twitter. При этом информационное противостояние государств выражается не столько в конкретных сюжетах национальных СМИ и применяемых ими методах пропаганды и контрпропаганды, сколько в умении первых лиц «держать удар» в социальных сетях и блогах.

Информационное противостояние главного редактора Маргариты Симоньян и посла США в России Майкла Макфола в социальных сетях и блогах неоднократно становилось информационным поводом для российской и американской прессы. Одним из недавних поводов стало выступление Макфола перед студентами Высшей школы экономики, когда он допустил несколько резких высказываний, в частности, рассказал о том, как представители России и США давали взятки киргизскому руководству. Очень резкоотреагировал МИД России. В микроблоге МИДа в Twitter [4] появились следующие записи: «В МИД с крайним недоумением восприняли высказывания Посла США М. Макфола в ходе его выступления перед студентами ВШЭ», «Оценки М. Макфола — преднамеренное искажение ряда аспектов российско-американского диалога», «Трудно понять, почему приверженец свободы слова М. Макфол решил бросить тень на деятельность в США телеканала», «Казалось бы, он должен быть доволен появлением у американских граждан дополнительных источников информации», «Это уже не первый случай, когда заявления и действия г-на Макфола вызывают оторопь», «Задача послов, как мы понимаем, в развитии двусторонних связей, а не в раздраженном тиражировании небылиц в медиасфере».

Маргарита Симоньян, у которой 38,5 тыс. фолловеров в Twitter, процитировала эти высказывания МИДа в своем микроблоге. Сам Майкл Макфол довольно быстро прокомментировал ситуацию в своем блоге в Живом Журнале: «Будучи сторонником улучшения российско-американских отношений, я был удивлен официальной реакцией на мое выступление в Высшей школе экономики в Москве. Главная мысль моего выступления заключалась в том, как много мы достигли за последние четыре года в «перезагрузке» наших отношений...» [5]. Макфол тоже является активным пользователем социальных сетей и блогов, у него более 27 тыс. фолловеров в Twitter и около 5 тыс. в Facebook.

При использовании блогов и социальных сетей срабатывает эффект интерактивности, поскольку человек больше склонен доверять таким источникам информации, с которыми он может вступить в контакт. У аудитории возникает эффект сопричастности к обсуждаемым событиям, что делает социальные сети и блоги одним из наиболее эффективных средств формирования имиджа. Теоретически, пользователь имеет возможность лично ознакомиться с записями и составить собственное мнение. Но на практике срабатывает эффект рупора, когда одни и те же факты большинством СМИ транслируются в одном стиле, что снижает уровень критичности и заставляет конечного потребителя поверить в объективность информации. Информационная борьба начинает вестись по всем подконтрольным каналам: в случае с Макфолом в российских СМИ широко транслировались резкие заявления МИДа с акцентом на нарушение дипломатической этики и непрофессионализм американского посла. Это дало повод некоторым западным изданиям написать о том, что Макфол стал жертвой преследования в Twitter [6].

Методы пропаганды и контрпропаганды активно используются в социальных сетях и блогах. Если раньше политическая игра велась за кулисами и несколько в стороне от широкой общественности, то с помощью социальных сетей и блогов переписка противоборствующих сторон фактически становится публичной. Как справедливо отмечает Карл Блиндт, министр иностранных дел Швеции, это новый мир, в котором на смену ядерному оружию приходит количество фолловеров [6]. При этом стороны используют социальные сети и блоги не столько как канал связи со своими подписчиками, сколько в качестве полит-технологического ресурса, который направлен на формирование общественного мнения и может влиять на формирование имиджа противника.

Эта игра очень похожа на перекидывание мячиков в пинг-понге, при этом в роли игроков выступают посол США Майкл Макфол и главред «Russia Today» Маргарита Симоньян, а в роли

мячиков – реплики в социальных сетях. Через несколько дней после конфликта в связи с выступлением Макфолла в Высшей школе экономики, Маргарита Симоньян возвращается к теме в своем Twitter-аккаунте: «Макфол считает RT антиамериканским. А мы вот не считаем Голос Америки антироссийским. Хотя ни разу не слышали там доброго слова о России» [7]. Далее Макфол уже не может сдержаться и отвечает несколькими твиттами [8]: «Я отметил, что некоторые Ваши новости недостоверны или имеют антиамериканскую направленность», «Например, когда RT развернул большую компанию, спрашивая, какой президент представляет большую ядерную угрозу — американский или иранский, мы подумали, что это — антиамериканизм», «Или когда на RT появилась статья, в которой утверждалось, будто бы я отправил Навального в Йель. Я сообщил, что это неправда».

В своем Twitter-аккаунте Макфол кратко обозначил те информационные поводы, вокруг которых велась информационная борьба. Не останавливаясь подробно на каждой ситуации, отметим, что Макфол в основном разыгрывает роль жертвы в данном противостоянии. При этом в роли преследователей выступают российский телеканал «Russia Today», журналисты НТВ и МИД РФ. Эта тема охотно подхватывается и активно развивается некоторыми западными изданиями. В несколько ином свете конфликт выглядит с позиции российских участников: Макфол предстает некомпетентным и непрофессиональным дипломатом, у которого отсутствуют соответствующее образование и дипломатический опыт. Подразумевается, что своими неосторожными репликами и неуместными высказываниями он ставит под угрозу российско-американские отношения.

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что информационное противостояние все больше перемещается в Интернет, а социальные сети и блоги становятся новым каналом влияния на общественное сознание. Ключевую роль в борьбе начинают играть вполне конкретные люди — лидеры общественного мнения, которые определяют повестку дня и задают тон дискуссии. Специфика информационного противостояния выражена в первую очередь в публичности конфликта, со всеми подробностями и конкретными репликами сторон можно свободно ознакомиться в Сети. Возможность быстро поставить «лайк», сделать перепост или ретвит втягивает в зону конфликта довольно значительное количество пользователей, которые следят за ходом развития событий, хотя это не всегда связано с их непосредственными интересами. Пользователи бывают ограничены во времени и у них не всегда есть желание и возможность вникать в детали конфликта, именно это используется лидерами мнений в процессе формирования желаемого имиджа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Horn S. Russia Today and the New Cultural Cold War. URL: <http://www.nationofchange.org/russia-today-and-new-cultural-cold-war-1337002874>.
2. Аудитория телеканала RT в Нью-Йорке за 2011 г. выросла в 3 раза, а в Вашингтоне — более чем на 60% — исследования компании Nielsen. URL: <http://tasstelecom.ru/news/one/10533>.
3. Стивен Мак-Нил (Оксфорд, Великобритания) комментирует вещание российского телеканала Russia Today. URL: <http://eurussiacentre.ru/eu-russiacentre-news/stiven-mak-nil-oksford-velikobritaniya-kommentiruet-veshhanie-rossijskogo-telekanala-russia-today.html>
4. Официальный Twitter-аккаунт Министерства иностранных дел Российской Федерации @MID_RF. URL: https://twitter.com/#!/MID_RF
5. Макфол М. Несколько мыслей по поводу моего выступления в Высшей школе экономики. URL: <http://mmcfaul.livejournal.com/8389.html>
6. Michael McFaul, US Ambassador to Moscow, Victim of Kremlin «Twitter War». URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/may/29/michael-mcfaul-twitter-attack-russia>
7. Twitter-аккаунт главного редактора «Russia Today» Маргариты Симоньян. URL: https://twitter.com/#!/M_Simonyan
8. Twitter-аккаунт посла США в России Майкла Макфола. URL: <https://twitter.com/#!/McFaul>

Обсуждение в Интернете

Комментарий от happy_badger

14 июня 2012 г., 01:30

Очень интересная тема. Регулярно смотрела Russia Today в 2011 г., и мое главное впечатление — это скорее антиамериканский канал, нежели пророссийский. Там показывают все беды США: от проблем бездомных, до клопов в Нью-Йоркских квартирах и ужасов тюрьмы Абу Грейб. В общем, создатели канала пытаются сказать Западу «Не зазнавайся» и «сам дурак».

Комментарий от Ю.А. Митяева

20 июня 2012 г., 19:31

Именно этим фактом активно возмущается посол США М. Макфол. У BBC Russian тактика несколько иная: освещаются все события, акцента на Россию нет. Определенная риторика, конечно, прослеживается в сюжетах о России, но картина в целом более широкая.

Комментарий от happy_badger

20 июня 2012 г., 19:34

Я бы скорее сравнила РТ с какой-нибудь Аль-Джазирой, чем с вполне себе уважаемым западным Би-би-си. У катарцев тоже критика Запада. Может быть, в какой-то мере, российский канал делался по тем же лекалам.

А. Н. Плющ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ МОЛОДЕЖЬЮ УКРАИНЫ

Вместе с этапами развития мирового сообщества и изменением форм его организации преобразуются и базовые предпосылки достижения успеха в современном мире. Конкуренция за территории (природные ресурсы) в аграрном обществе сменилась конкуренцией технологий (гонкой вооружений) в индустриальном обществе, которая сегодня трансформировалась в конкуренцию идей, прежде всего, моделей общественного устройства. Современная информационная парадигма означает, что в XXI в. место государства в мировой таблице о рангах не в последнюю очередь обусловлено его присутствием в информационном пространстве (на всех его уровнях: текстов, источников, смыслов).

Информационную войну можно квалифицировать не столько как открытое противостояние, сколько как коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с определенными для ее авторов целями [1]. Основная идея информационного противостояния — это неафишируемая возможность управления дискурсом другого социума, что позволяет изменять в нужном направлении морально-психологическое состояние людей, культуру и национальный менталитет. Тем самым вопрос о роли символического капитала культуры в информационном пространстве перестает быть абстрактно-теоретическим и приобретает стратегическое политическое значение, подразумевая создание структур по контролю и управлению общественным сознанием.

На сегодняшний день для большинства обывателей в мире есть один образец модели успешного общественного устройства — «либеральный демократизм». Делается все, чтобы оставить его как единственно возможный вариант и навязать устройство всех обществ по единому образцу «западного мира». Структуры, предлагающие альтернативные пути социального развития, подвергаются не только шельмованию, но и экономическим санкциям, вплоть до военного уничтожения. Активная информационная война ведет-

ся и против России, претендующей на собственный путь развития. Русофобия заменила антикоммунизм и антисоветизм, создавая неприглядный образ страны. И нельзя не признать, что в глобальном масштабе Россия не может этому противостоять [2].

Вместе с тем, образ России демонизируется и в соседних с ней странах, так, например, все больше украинцев дистанцируется как от нее, так и от ее пути развития. Россия в своей публичной украинской политике опирается почти исключительно на тему общих корней, взаимосвязи двух стран, однако для поколения, рожденного в независимой Украине, близость украинского и русского народов не так уж самоочевидна. Как указывают отдельные украинские эксперты, предлагаемая системой образования трактовка истории страны как, прежде всего, истории борьбы за независимость от России, приводит к тому, что с каждым годом все для большего числа украинской учащейся молодежи Россия ассоциируется с агрессивным и враждебным государством [3].

Чтобы проверить состоятельность этих утверждений, нами было проведено эмпирическое исследование среди студенческой молодежи г. Чернигова по изучению восприятия образов стран [4]. Исследование было проведено в марте 2011 г., в нем приняли участие 243 студента. Использовалась психосемантическая методика, позволяющая реконструировать категориальную структуру семантического пространства. В список оцениваемых стран были включены страны-соседи Украины — Белоруссия, Польша, Россия, Румыния, Турция, плюс крупнейшие мировые страны, различной ориентации — Китай, США, представители Европы (Германия, Франция, Швейцария) и НАТО. Образы оценивались по 18 признакам. Факторно-аналитическая обработка данных проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом varimax. На основе факторной структуры конструировалась категориальная структура семантического пространства, которую можно интерпретировать как призму, позволяющую оценивать образы заданных стран. На основе сходства и различия оценок образы стран размещались в полученном семантическом пространстве.

В соответствии со своими внешнеполитическими ориентациями были выделены три подгруппы, для каждой из которых была проведена раздельная факторизация: сторонники НАТО (33 студента), противники НАТО (92 студента), группа не определившихся со своим выбором (118 студентов). В результате было выявлено, что категориальную структуру восприятия образов стран составляют классические осгудовские факторы — сила, активность, оценка. У студентов, не определившихся по поводу вступления в НАТО, наблюдается трехфакторная структура, а в группах сторонников и противников НАТО — двухфакторная (факторы: сила и актив-

ность). Это согласуется с данными других исследований, утверждающих, что наличие субъективного отношения к объекту может вести к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более примитивным формам категоризации, отражающим личностные смыслы индивидов.

В данном случае нас интересовало позиционирование России в полученных семантических пространствах. В результате иерархического кластерного анализа были выявлены три типа классификации стран (соответствующих различным типам дискурса). У сторонников НАТО особняком от «цивилизованного» мира стоит Россия, которая составляет отдельный кластер, располагаясь на негативном полюсе фактора «активность». Оставшиеся страны разделяются на группы «успешных» и «малоуспешных» стран. К «малоуспешным» отнесена группа беднейших стран-аутсайдеров: Белоруссия, Румыния и Украина. Остальные делятся на «среднеобеспеченные»: Польша и Турция, «богатые»: Германия, Китай, Франция, Швейцария, и «богатые и агрессивные»: НАТО и США. Можно предположить, что в основе такой классификации лежит видение России как страны близкой к «малоуспешным», беднейшим странам, при этом несущей угрозу своей «конфликтностью» всему «цивилизованному» миру. С этой точки зрения, вполне логично для Украины стремление искать покровительство и защиту в «цивилизованном» мире, под эгидой организации, могущей предоставить помощь.

Противники НАТО видят мир по-другому. Они выделяют группу «агрессивных» стран: НАТО, Россия и США, и весь остальной мир, который подразделяется на две группы: «более обеспеченные» страны (Германия, Китай, Франция, Швейцария), и «менее обеспеченные» страны (Белоруссия, Польша, Румыния, Турция, Украина). Можно предположить, что для них основную угрозу представляет столкновение НАТО и России, как наиболее «конфликтных» структур, между которыми географически расположена Украина. При этом основную опасность для себя они видят именно в действиях НАТО как более «агрессивной» структуры.

Третий тип дискурса присущ группе «не определившихся». У этих студентов уже Украина выпадает из всего мирового сообщества, которое делится на две подгруппы — «конфликтные» и «неконфликтные» страны, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы «обеспеченных» и «малообеспеченных» стран. Россия составляет подгруппу «малообеспеченных и конфликтных». Отметим, что студенты всех групп позиционируют Россию как «агрессивное и конфликтное» государство, только сторонники вступления в НАТО видят в этом качестве исключительно Россию,

а другие студенты добавляют ей в компанию США и НАТО. В другом подобном исследовании было выявлено, что, чем моложе респондент, тем более «агрессивной» и «бедной» он представляет себе Россию [5]. Остается констатировать, что на сегодняшний день Россия проигрывает борьбу за умы молодежи в соседних с нею странах. Она не способна достойно представлять себя в мировом информационном пространстве, ее имидж формируется в основном СМИ других стран, не всегда дружественных и не заинтересованных в позитивной подаче ее образа, и системами образования, закладывающими опять же ее негативный образ.

Создание позитивного образа в мире предполагает возможность не столько транслировать информацию, подающую в позитивном ключе образ страны, сколько завоевание части сегмента мирового информационного пространства, артикулирующего необходимый дискурс в конкуренции с его противниками. Это подкрепляется созданием успешного государства, привлекательного для жителей других стран, динамически развивающегося на фоне остальных государств и могущего позволить себе необходимые траты на информационные технологии. В основе такого общества должна лежать теоретическая состоятельность предложенной модели общественного устройства. Теория современного российского «капитализма» копирована с теории западного потребительского общества и обречена всегда быть вторичной по отношению к ней. Соответственно, претензии на лидерство в современном мире, не дополненные собственной парадигмой общественного развития, лишь укрепляют существующий мировой порядок, где роли уже расписаны и решения принимаются ограниченным кругом лиц. С потенциалом России вынуждены считаться, но учитывают ее интересы в последнюю очередь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеева Л. Н. О национальной безопасности как пульсирующем процессе и когнитивной сфере // Проблемы современного государственного управления в России. М., 2009.
2. Из Нигерии с любовью. Социологи узнали, каково общественное мнение о России за рубежом. URL: <http://vz.ru/politics/2012/5/12/512276.html>
3. Михаил Погребинский награжден российским орденом Дружбы. URL: <http://news2000.com.ua/news/sobytija/v-ukraine/177995>
4. Плющ А. Н. Технологии конструирования позитивного образа политических субъектов // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Т. 2. Вип. 94. Чернігів, 2011. с. 83–90.

5. Лісневська А. О. Образи країн у свідомості представників різних вікових груп // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Т. 1. Вип. 94. Чернігів, 2011. с. 257–263.

А. Ю. Полтораков

«КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ»: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ

*Тот враг опаснее, который
притворяется твоим другом?*
Григорий Сковорода (1722–1794)

Первая и Вторая мировые войны стали последними «классическими войнами», где военно-«силовой» (технико-технологический) компонент был столь же значимым (если не более), чем все остальные вместе взятые.

Значимы были также идеологический и смежный с ним информационный компоненты. Так, Первая мировая война была силовым противоборством, с одной стороны, великих держав, занимавших очередным переделом мира, а с другой — «воинствующих национализмов» ключевых государств и народов (начиная с Сербии).

Эдвард Л. Бернайс (его книга «Формирование общественного мнения», вышедшая в 1923 г., стала первым и наиболее влиятельным изданием в истории связей с общественностью) в конце 1920-х гг. приобрел известность благодаря своей книге «Пропаганда» [1]. В ней он выражал озабоченность «групповым сознанием»: «...оно не думало, но вместо этого имело инстинкты, привычки и эмоции. Ключевым моментом была необходимость в какой-то силе, чтобы обуздать их. Этой силой была пропаганда или сознательное и интеллектуальное манипулирование организованными привычками и мнением масс.

Очень ярко проявились информационный и идеологический компоненты во Второй мировой войне — «войне с фашизмом». Информационно-коммуникационный ее компонент — в противостояниях разведки и контрразведки или шифровки и дешифровки, а информационно-идеологический — в противостояниях пропаганды и контрпропаганды. Для сравнения, во время Первой мировой войны правительство Японии, поддерживая Антанту, старалось

не давать японской общественности слишком много информации о войне. Британский офицер М. Кеннеди, посетивший японскую глубинку, был поражен тем, что беседовавшие с ним крестьяне даже не подозревали, что их страна ведет войну.

Норвежский исследователь Р. Оттосен в работе «Журналистика и Новый мировой порядок» привел две показательные цитаты: в 1917 г. американский сенатор Х. Джонсон заявил: «Первой жертвой войны всегда становится Правда»; в 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр, будущий президент США, резюмировал: «Войны выигрывает общественное мнение».

В контексте соотношения роли, места и значимости таких ключевых компонент, как военно-«силовая» (технико-технологическая) и информационно-идеологическая, затяжную «холодную войну» можно считать прежде всего периодом перехода от доминирования первой к доминированию второй (поначалу — доминированию относительному, но со временем — приближающемуся к абсолютному).

«Карибский кризис» (октябрь 1962 г.) можно считать переломным этапом в переходе от доминирования военно-«силового» компонента к преобладанию компонента информационно-идеологического. Подойдя вплотную к «точке невозвращения» — грани глобального ядерного кризиса — мировой политикум четко осознал и остро прочувствовал изнанку избытка технико-технологической мощи военно-«силовой» компоненты. «Железный занавес» стал основной линией фронта глобальной информационно-идеологической войны, а «классические» военно-«силовые» противостояния отошли на международную периферию (в Африку, Индокитай, Афганистан).

Конец Холодной войны и блокового противостояния отнюдь не привел к окончанию глобального противостояния. Радужные надежды таких либеральных оптимистов, как Фр. Фукуяма, на «конец истории» отнюдь не оправдались. Скорее наоборот — конфликтогенная палитра современного «пост-модерна» обогатилась такой составляющей, как геокультурная. «Конфликт цивилизаций», осмысленный С. Хантингтоном, во многих аспектах перешел из латентной стадии (в которой во времена «холодной войны» его сдерживало глобальное действие политико-экономических систем) в открытую.

В 1993 г. вышла работа американских футурологов супругов Тоффлеров «Война и антивоина» [2]. В работе была подмечена характерная особенность современной ситуации: «В этой системе мутирует все, от основных ее компонентов и видов их взаимосвязи, от скорости их взаимодействия и интересов каждой страны — до вида войн, которые могут из-за этого произойти и которые необходимо предотвратить» [3, с. 351].

В рамках этой тенденции именно информационная составляющая стала ключевым элементом геостратегических противостояний современности. Классическая военно-«силовая» компонента выполняет скорее вспомогательную функцию, выступая в роли отнюдь не приоритетного этапа реализации стратегий и контр-стратегий. При этом все более активными участниками глобальных противостояний являются акторы негосударственного характера. Это прежде всего ТНК (начиная с небезызвестной United Fruit, организовавшей не один переворот в Латинской Америке, и заканчивая скандально известной Enron), радикально переосмыслившие классическую формулу «реклама — двигатель торговли».

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, стимулированное научно-технической революцией, постепенно не только переводит глобальную проблематику противостояния в принципиально новую «виртуальную реальность», но и стимулирует развитие и имплементацию новой, характерной именно для «постмодерна» парадигмы противостояний — когнитивной.

Нынче сознание и разум как ключевые измерения «внутренне-го континуума» существования человека и общества стали полноценным «полем боя» — плацдармом когнитивной войны. «Войны разума», развившиеся еще в контексте информационной парадигмы, ведутся посредством высоких информационно-коммуникационных и социально-гуманитарных технологий, учебников и книг, телевизионных передач и медиа-технологий Интернет.

Принципиальная разница между информационной и когнитивной парадигмами — в подходах к использованию основного «оружия» — информации.

В рамках информационной парадигмы целевым группам («потребителям» — потенциальным жертвам) предлагали преимущественно интеллектуальное «сырье» (информацию для дальнейшего осмысления).

Вспомним, что накануне американо-испанской войны 1898 г. американский медиа-магнат У. Р. Херст [см.: 4] телеграфировал на Кубу художнику своей газеты, сообщавшему, что войны пока нет: «Вы организуйте иллюстрации, а я организую войну». Схема, предложенная Херстом больше века назад, с тех пор многократно отработывалась, отшлифовывалась и корректировалась (начиная с провокаций в Гляйвице [см.: 5] или в Майниле 1939 г. [см.: 6] и заканчивая Косово 1999 г. или Ираком 2003 г. [см.: 7–8]). Газетные «картинки» (и листовки — как своеобразные мини-«газеты») сначала были дополнены радиопередачами, затем исподволь вытеснены сначала оперативными и зрелищными телевизионными «картинками», а потом — создающими полноценный «эффект присутствия» каналами Интернет.

В рамках когнитивной парадигмы предлагают (а порой — навязывают) уже вполне готовый продукт информационно-аналитического характера. Таким образом, когнитивная парадигма задает особую систему координат для интерпретации и осмысливания событий. В ее рамках информация зачастую «подгоняется» под необходимый, востребованный или «заказанный» социальный сценарий, а события могут не только подбираться (выхватываться из контекста, интерпретироваться и трактоваться), но и конструироваться.

Академик А. Д. Сахаров в статье «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (июнь 1968 г.) предупреждал, что нашей цивилизации грозят, с одной стороны, «оглушение в дурмане «массовой культуры» и в тисках бюрократизированного догматизма», а с другой — «распространение массовых мифов, бросающих целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов».

В современном контексте поднятой А. Сахаровым проблематики стоит обратить внимание на понимание безопасности культурного пространства страны, предложенное современным французским социальным философом П. Бурдьё. Французский исследователь существенно расширил классическое понимание геоэкономики как государственной экономической политики в масштабе мира. Одно из самых главных понятий в аппарате Бурдьё — это понятие «символ-капитала» или «культуркапитала», параллельное понятию «экономического капитала» [см.: 9]. В отличие от экономического капитала (недвижимость, деньги, технологии), «культуркапитал» определяется труднее — ведь исконно «капитал» представляется материально осязаемым как «вещь», а «культура» — это нечто вроде «эфира» (фреймы, рамки, ментальные модели). Но на стыке этих двух срезов социального бытия и находится «культуркапитал» — в первом приближении его можно определить как авторитет общества (народа, нации, государства) в сфере культуры; престиж, статус и, следовательно, власть [см.: 10–11].

В контексте когнитивной парадигмы «культуркапитал» видится одной из основных целей ведения глобальных войн. Ведь, подчинив себе ключевые «узлы» культуркапитала народа, нации и/или государства, можно не просто получать вполне осязаемые бонусы и прибыли, но направлять развитие целых социальных общностей в свою пользу.

М. Прайс завершил свою книгу «Медиа и суверенитет» [12] таким проблемным пассажем: «Слова и идеи в сравнении с пулями и бомбами выглядят чем-то эфемерным, однако эти разные образы влияния людей друг на друга становятся все более взаимосвязан-

ными. События XX в. так же, как начало XXI в., свидетельствуют о самых разнообразных формах борьбы за влияние в политической и религиозной сферах, а также об отчаяннейшей борьбе в споре о ценностях и идеях, которые неразрывно связываются между собой этой борьбой. Проблемы перехода к иному состоянию общества, стабильности и контролю имеют в ней такое же всеохватывающее значение, как принципы свободы личности и творчества. Новые медийные гиганты, новые религиозные союзы, новые геополитические доктрины — все они совместно перекраивают информационное пространство. Взаимодействие образов, тиражированных СМИ, и общества, которое эти образы воспринимает, возможно, определяется технологическими новациями, однако проблемы, которые определяют это взаимодействие, никуда не исчезают».

Выводы

В рамках современной когнитивной парадигмы цель — навязать не отдельному собеседнику, а целому обществу новую систему координат, в которой жертва становится легким объектом манипуляций, использования, а порой и эксплуатации. Это наиболее глубоко аккумулируется в так называемых «цветных революциях» — «добровольно-принудительных» заменах целых моделей социально-политического развития в государственном и даже, как свидетельствуют нынешние процессы на Ближнем Востоке, региональном масштабе.

В силу этого перед каждым развивающимся государством и обществом стоит крайне непростая задача — адекватного реагирования на вызовы и минимизации угроз превращения в «поле боя» когнитивных войн.

Остро данная проблема стоит и перед Украиной и Россией, вот уже около двух десятков лет находящихся в состоянии постоянного поиска роли и места в мировой системе координат «глокального» развития. Все еще богатые ценными ресурсами и все еще обладающие мощным потенциалом развития, наши страны вольно или невольно являются объектом особо пристального внимания и интереса. Так, активно муссирующийся нынче виток развития событий в треугольнике Россия — Украина — Европа (в контексте проблемных отношений Восток — Запад и Север — Юг) является ключевым, но отнюдь не единственным срезом общей картины нашего участия в описанной еще Т. Гоббсом «войны всех против всех», которую очень напоминает «глокальная» современность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bernays E. Propaganda. Horace Liveright, 1928.
2. Toffler A., Toffler H. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. Little, Brown & Co., 1993.

3. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI в. М., 2005.
4. White K. The Uncrowned King: the Sensational Rise of William Randolph Hearst. Counterpoint, 2009.
5. Grzelak Cz., Stańczyk H. Kampania Polska w 1939 roku. Warszawa, 2005.
6. Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000.
7. Михайлов А. Иракский капкан. М., 2004.
8. Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение. В 2-х частях. Ч. II. Иракский кризис. Благовещенск, 2009.
9. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М., 2004.
10. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М. — СПб., 2007.
11. Бурдые П. Заангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).
12. Price M. E. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power. The MIT Press, 2002.

К. И. Тасиц

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУЗИЕЙ «ЧЕРКЕССКОГО ВОПРОСА» В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ

В современной политической публицистике выражение «черкесский вопрос» используется для условного обозначения широкого круга проблем, актуальных для адыгского (черкесского) националистического движения (АНД). Одним из основных требований националистов является юридическое признание характера и последствий военных действий Российской империи в ходе Кавказской войны XIX в. как геноцида по отношению к черкесским народам [1].

В последние годы Грузия стала главным внешним актором, использующим «черкесский вопрос» в целях дестабилизации ситуации и ослабления позиций России на Северном Кавказе. Интерес к данной теме обозначился через некоторое время после вооруженного конфликта 2008 г. в Южной Осетии, когда грузинское руководство пришло к мысли о целесообразности использования АНД в своих политических целях.

Вероятнее всего, такой поворот в политике Тбилиси произошел с подачи западных экспертов, консультирующих руководство страны, в частности, Джеймстаунского фонда (Jamestown Foundation) — американской исследовательской структуры, известной своими историческими связями со спецслужбами США [2].

Также следует заметить, что все практические шаги Грузии по использованию черкесской темы осуществлялись в тесном взаимодействии с такими американскими СМИ, как «Радио Свобода» и, в меньшей степени, «Голос Америки».

Ярким примером сотрудничества стали два крупных мероприятия, с помощью которых Тбилиси заявил о начале своей активности в «черкесском направлении». Первой такой акцией стала конференция «Сокрытые нации, продолжающиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», прошедшая в грузинской столице 20–21 марта 2010 г. По итогам этой конференции черкесские организации обратились к грузинскому руководству с просьбой признать «геноцид черкесов, совершенный Российской империей в XIX в.». В ноябре того же года прошла вторая конференция с тем же названием, целью которой стала попытка научного обоснования данной интерпретации исторических событий.

Итогом этого этапа пропагандистской кампании стала резолюция «О признании геноцида черкесов, осуществленного Российской империей», которая была принята парламентом Грузии 20 мая 2011 г., в канун годовщины окончания Кавказской войны [3].

После принятия резолюции Грузия начала работу над реализацией ее положений с целью дальнейшего раскручивания «черкесского вопроса». 12 октября 2011 г. президентом страны был подписан специальный указ об открытии Центра черкесской культуры, а уже через неделю состоялась его презентация. Таким образом, подразумевается, что данная структура имеет государственную поддержку, в отличие от функционирующих в других странах мира черкесских центров, которые носят статус общественных организаций.

Руководителем организации был назначен профессор Тбилисского государственного университета Мераб Чухуа, член комиссии, готовившей историческое обоснование и заключение по признанию геноцида в комитете грузинского парламента.

Одним из основных направлений деятельности Центра должно стать изучение и популяризация черкесской культуры. Организация будет проводить исследования в сфере истории, искусства, ремесел и т. п. народов Кавказа и организовывать различные выставки и мероприятия.

Выбор культуры в качестве приоритетного направления исследований ставит вполне конкретную цель. Занимаясь популяризацией черкесской культуры и замалчивая негативные стороны жизни черкесов в XVIII–XIX вв. (такие как работорговля, грабежи, набеги, угон скота), грузинские исследователи намеренно их идеализируют, представляют исключительно цивилизованным, культурным, единым народом, уничтоженным деспотической Россией. Тем самым они создают дополнительные аргументы для обоснования концепции геноцида.

Другим важным направлением работы Центра станет улучшение имиджа Грузии в глазах российских черкесов. Целый ряд тем, намеченных в программе Центра на 2012 г. [4], призван создать исторический миф о вековой дружбе грузинского и черкесского народов, а также обосновать тезис об их этнической и языковой близости.

В Центре уже прошли творческие и памятные вечера черкесских писателей. В мае 2012 г. были проведены дни черкесского языка и культуры. В четвертом квартале 2012 г. должен состояться грузино-черкесский бизнес-форум, а также презентация нового интернет-проекта — социальной сети «Я черкес/друг черкесов». Также будет подготовлено издание сравнительной грамматики кавказских языков. Рабочее название монографии «Сравнительная грамматика картвельских и абхазо-адыгских языков»; в ней будет предпринята попытка доказательства родства двух данных групп.

Кроме того, важным направлением деятельности Центра является обеспечение информационной и экспертной поддержки антироссийским пропагандистским акциям, проводимым грузинским руководством. Помимо конференций, важным проектом являются дебаты и семинары, предназначенные для информирования грузинского общества об острых проблемах как Черкесии, так и всего Кавказа. Примерно в конце года они завершатся конференцией о геостратегическом устройстве Кавказа.

Кроме того, сотрудниками черкесского культурного Центра приняли участие в разработке стратегии Грузии в отношении народов Северного Кавказа, обсуждение которой прошло в парламентском комитете по диаспоре и кавказским вопросам в начале мая 2012 г.

18-страничный документ представляет собой черновой вариант, где выделяются приоритетные области, с помощью которых Тбилиси намерен усилить свое влияние в северокавказском регионе. В проекте стратегии есть отдельная глава под названием «Содействие созданию исторической правды», в которой говорится, что в царской России, а также в советское время люди на Северном Кавказе стали жертвами «этнических чисток, депортации и геноцида», и это должно стать предметом тщательного «исторического и юридического исследования» [5].

Данные инициативы направлены на придание легитимности экстремистским и сепаратистским движениям на Кавказе в глазах мирового сообщества, конечной целью чего является их открытая поддержка, оказание финансовой или иной помощи. По словам А. Квахадзе, сотрудника Центра, принимавшего участие в разработке концепции, «если данное политическое решение будет признано не только Грузией, но и Европарламентом и другими авторитетными структурами, думаю, у Лаврова и других лидеров России не будет больше оснований, чтобы обвинять эти организации в провокации или содействии международному терроризму» [6].

Наконец, есть основания полагать, что Центр в Тбилиси также будет использоваться грузинскими пропагандистами для проведения консультаций и инструктажа черкесских и других северокавказских националистов. Среди них Центр неофициально называется посольством Черкесии в Грузии.

В частности, Центр посетил один из лидеров радикального крыла АНД, председатель общественного движения «Хасе» Кабардино-Балкарии Ибрагим Яганов.

В последнее время посредством ряда провокационных заявлений он инициировал дискуссию в сети Интернет о грузино-абхазских и грузино-черкесских отношениях, которая была активно поддержана грузинскими СМИ и аналитиками, работающими на черкесском направлении. Целью ее являлось оказание давления на абхазов, чтобы добиться уступок по их позиции в переговорах с Грузией.

В частности, 19 января 2012 г. в газете «Юг» он высказал мнение, что Абхазия должна поставить точку в войне, нормализовав отношения с Грузией. Сегодняшняя политика Абхазии препятствует попыткам черкесов выстроить взаимоотношения с грузинами и другими соседями. Это в свою очередь не дает ни абхазам, ни черкесам возможности интегрироваться в европейское пространство. Как пишет Яганов, «через Россию этот путь очень узкий и контролируемый. Предполагалось, что Абхазия станет для черкесского этноса свободным окном в мир. Но не стала. Мало того: она перекрывает черкесам другое окно — через Грузию» [7, с. 2].

На последний абзац следует обратить особое внимание, поскольку Яганов начал воспроизводить фразеологию и идеологические штампы грузинской пропаганды.

Напомним, что президент Грузии М. Саакашвили, объявляя о начале новой политики в отношении Северного Кавказа, в своей речи 23 сентября 2010 г. на 64-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что не существует Северного и Южного Кавказа, но есть один Кавказ, который принадлежит Европе [8].

Таким образом, «черкесский вопрос» становится одним из главных направлений в информационно-пропагандистской кампании, организованной Грузией для ослабления позиций России в регионе. Основной структурой, созданной для реализации данной задачи, стал Центр черкесской культуры. Проведенный анализ показал, что это учреждение используется как аналитический центр для выработки стратегии Грузии в отношении народов Северного Кавказа, а также как площадка для проведения информационного воздействия и инструктажа грузинскими пропагандистами активистов АНД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефляшева Н. Черкесское национальное движение — российский и международный контекст. URL: <http://georgiamonitor.org/detail.php?ID=255>
2. The Jamestown Foundation: A News Agency Made to Measure. URL: <http://www.voltairenet.org/article30194.html>
3. Резолюция Парламента Грузии «О признании геноцида черкесов, осуществленного Российской Империей». Тбилиси, 20 мая 2011 г. № 4701-Іс. URL: http://www.parliament.ge/files/63_31728_600761_Resolution.doc
4. Программа «Черкесского Культурного Центра» на 2012 г. URL: <http://circassiancenter.org/projects/4066–2012.html>
5. Проект государственной Стратегии Грузии отношений с народами Северного Кавказа — Полный текст: URL: <http://shimerli.livejournal.com/874027.html>
6. Квахадзе А. О стратегии Грузии в отношении Северного Кавказа. URL: <http://pik.tv/ru/news/story/36274-aleksandr-kvaxadze-ostrategiigruzii-v-otnoshenii-severnogo-kavkaza>
7. Газета Юга (Нальчик). 19 января 2012 г. №. 3 (932).
8. Тасиц К. «Берлинская стена» на Кавказе: анализ языка грузинской пропаганды. URL: http://catu.su/index.php?option=com_content&view=article&id=222:lr&catid=38:slideshow.

Обсуждение в Интернете

Комментарий от old_al

15 июня 2012 г., 23:28

Ну, на фоне обильных, лживых и вонючих помоев, льющихся из наших СМИ в адрес Грузии, эти ребята — просто ангелочки в белых рубашоночках.

Д. Н. Чуваткин

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА КАК СПОСОБ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (семиотический подход)

Всякая политическая власть может быть рассмотрена как коммуникативное взаимодействие субъектов политики, при котором воздействие субъекта власти на объект осуществляется посредством использования неких символов и знаков, призванных вызвать определенную адекватную реакцию объекта воздействия. При этом всякое взаимодействие в политической сфере основано на том, что субъекты политики вкладывают в ключевые категории одинаковое содержание. Данные категории и являются средством структурирования социальной реальности. Сложившаяся система номинации в военно-политическом дискурсе функционирует по законам семиотически упорядоченной совокупности текстов и сообщений и в таком виде распространяет себя на социальное пространство.

Адресантами военной политики выступают высшие органы законодательной и исполнительной власти, органы военного руководства данного государства, военно-политические союзы. Адресатами военной политики являются все области жизнедеятельности общества, которые формируют военный потенциал, военную мощь государства — экономика, наука и техника, социально-политические отношения и социальные структуры, общественное сознание.

В семиотической структуре военной политики можно выделить ряд относительно самостоятельных элементов (совокупность идей и принципов). Идеальный стержень военной политики — военная доктрина государства. Она вырабатывается высшими органами политического и военного руководства. Это один из самых сложных и ответственных элементов военной политики. Здесь начинается область военно-политического искусства, умение формировать стратегию и тактику, проводить их в соответствие друг с другом.

Как система взглядов на войну и военное строительство военная доктрина представляет собой совокупность идей, идеальных образований в виде теоретических установок, концепций, оценок, прогнозов, отражающих закономерности функционирования общества, государства, политики, войны, вооруженной борьбы, армии, военного строительства. «Идейная» часть военной доктрины соединяет в себе разнородные идеальные образования — идеи, знания, концептуальные и прогностические положения, установки

и оценки. Решающее воздействие на формирование военной доктрины оказывает политика, определяющая главное, — для каких целей, в каком направлении и в каких масштабах должны развиваться вооруженные силы. Иными словами, в военной доктрине государств содержатся следующие сообщения:

- во-первых, о целях и характере возможной войны;
- во-вторых, о том, каким образом готовить к ней страну и ее вооруженные силы;
- в-третьих, какими способами и средствами вести военные действия.

Один из базовых «смысловых» противоречий современных военных доктрин заключается в том, что ныне полностью изменилось знаковое содержание главных аспектов военной доктрины — не какими силовыми средствами достигать поставленных целей, а как сделать невозможным использование таких насильственных средств; не какие цели преследует война, а каких целей не могут достигнуть война и применение военной силы; не каким образом вести подготовку государств и вооруженных сил к войне, а каким образом вести подготовку для того, чтобы не допустить такую войну; наконец, не какие средства и способы разрабатывать для успешного ведения военных действий, а какие средства попытаться сократить или исключить из арсенала государств. Иными словами, произошло изменение в тексте сообщения военной доктрины, целью которого стало как бы отрицание самой себя. Практически все военные доктрины современных государств содержат послания, долженствующие убедить внешних адресатов в оборонительном характере их военной политики. Задачи, которые стоят перед вооруженными силами, в первую очередь, носят защитный характер: обеспечение безопасности в мирное время, обеспечение безопасности иностранных территорий, обеспечение дипломатических мер в оборонной области, поддержание мира и проведение гуманитарных операций (Великобритания); защита территории, воздушного пространства и прибрежных вод (Германия); обеспечение существования государства и безопасности своих граждан (Израиль) и т. д. [1, с. 18].

Однако при анализе основополагающих военно-политических установок и тенденций становится очевидным, что военные доктрины носят не только оборонительный характер, но и нацелены на широкое применение военной силы в качестве решающего внешнеполитического инструмента. Ибо в тех же текстах содержатся послания — предостережения.

Любая доктрина — это способ мышления, действия и управления процессами и отношениями в перспективном масштабе времени и пространства. Современная информационная парадигма

означает, что в XXI в. результат пространственных отношений между государствами определяется, прежде всего, информационным превосходством в виртуальном пространстве. И в этом смысле разработка военной доктрины — это создание оперативной концепции, базирующейся на информационном превосходстве и позволяющей достичь роста боевой мощи государства, обеспечения выгодных стратегических позиций, глобального контроля над пространством, управления над информационными и ресурсными потоками.

Основная идея информационного воздействия — навязать потенциальному противнику программируемый (т. е. управляемый) информационный образ мира, образ мышления. Стало очевидным, что именно информационные воздействия способны изменить главный военно-политический ресурс государства — национальный менталитет, культуру и морально-волевое состояние людей. Тем самым вопрос о роли символического капитала культуры в информационном пространстве перестает быть абстрактно-теоретическим и приобретает стратегическое политическое значение.

Итак, для кого предназначены и что содержат тексты-предостережения, тексты-распоряжения и прочее, какие же символичные, знаковые послания делают военную доктрину современного государства оружием в информационной войне? [см.: 2, с. 48].

Военная доктрина — документ политический и общенациональный, предназначенный как «вовне», так и «вовнутрь» — для системы национальной обороны, для всего общества. Военная доктрина государства является концептуальными и идеологическими основами развития нации и ее военной организации, она определяет фундаментальные цели, основные задачи и базовые алгоритмы национального развития на ближайшую историческую перспективу. Военная доктрина готовит армию, население и эконо­мику к победе в возможной войне. Военная доктрина является составной частью национальной стратегии. Она определяет:

- официальную точку зрения государства на существо базовых проблем войны и мира;
- стратегическую оценку обстановке в военно-политической сфере в глобальном и региональном масштабах;
- существо угроз, вызовов, опасностей военно-политической безопасности развития страны;
- позицию в отношении существующих военно-политических реалий современного мира;
- прямых и потенциальных противников, а также союзников;
- содержание ответов государства на существующие и потенциальные угрозы, вызовы его военно-политической безопасности;

- роль и место военной силы в мире, а армии — в государстве и обществе;
- концептуальные основы и базовые направления военного строительства государства;
- существо функций и собственно военных задач, решаемых военной организацией государства в мирное и военное время и в отдельности каждой силовой структурой;
- основы миротворчества и военного присутствия за рубежом;
- общие подходы к задачам, структуре, организации, функционированию и модернизации всей системы национальной обороны страны;
- общие подходы, алгоритмы развития и базовые задачи Вооруженных Сил по гарантированному обеспечению внутреннего и внешнего суверенитета;
- стратегии видов и родов Вооруженных Сил (ядерной, сдерживания, воздушной, морской, противоракетной, военно-космической, разведывательной, специальных операций, информационной и психологической войн, миротворческих операций);
- общий порядок применения военной силы во внутренней и внешней сферах;
- существо понятие «агрессия» и его конкретный смысл применительно к современным условиям;
- случаи, условия и порядок применения Вооруженных Сил, в том числе варианты и порядок применения оружия массового поражения;
- зоны ответственности Правительства, Министерства обороны, Генерального штаба, МИДа, МВД и так далее, за состояние обороны и безопасности страны;
- существо государственной идеологии воинской службы;
- общий порядок несения военной службы в государстве и системе прохождения службы офицерским составом, а также сам перечень государственных структур, служба в которых является воинской;
- существо государственных социальных гарантий, обеспечивающих престижность действительной военной службы, службы в запасе и высокий социальный статус ветерана военной службы;
- существо и общую структуру гражданского контроля над силовой сферой государства;
- общие алгоритмы подготовки страны к войне;
- существо функциональных обязанностей структур ветвей власти и государственных органов, осуществляемых в интересах обороны страны;

- основные направления информационной политики в отношении военной организации государства, ее функций, задач и направлений развития;
- основные направления развития систем вооружений и оборонно-промышленного комплекса страны, военно-технического сотрудничества, а также порядок перехода к комплектованию Вооруженных сил системами вооружений новых поколений.

Таким образом, семиотический подход позволяет представить военную политику как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата — в данном случае в их качестве выступают граждане, военные, политические, промышленные группы влияния, лица, принимающие решения, а также зарубежные партнеры и оппоненты. Среди наиболее значимых аспектов военно-политической символизации выступает военная доктрина как система идей, составляющих, в рамках семиотической парадигмы, текст, коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. В. Военные доктрины // Отечественные записки. 2002. № 8.
2. Владимиров А. И. Концептуальные основы национальной стратегии России: политологический аспект. М., 2007.

**СТЕНОГРАММА
ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ**

I секция

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА О. Ю. КУРНЫКИНА

Кругова Н. И.: В условиях, когда регулирование интернет-пространства становится неизбежным, насколько оно может согласовываться с такими традициями западной цивилизации, как свобода слова, например? Есть ли какие-то примеры, иллюстрирующие, что страны Запада пошли по этому пути? Мне кажется, наоборот, сейчас мы видим такие примеры, что западные страны, осуждая фильм «Невинность мусульман», карикатуры на пророка Мухаммеда во французской прессе, тем не менее, ничего этого не запрещают.

И второй вопрос. Как Вы полагаете, в этих информационных войнах современности можно ли найти примеры того, что западная цивилизация каким-то образом удачно проявляет себя в этих информационных войнах, имея в виду задачу насаждения собственных ценностей в странах Востока? Как Вы считаете, есть такая задача?

Курныкин О. Ю.: Что касается государственного регулирования интернет-пространства, действительно, здесь вопрос стоит по-разному для стран Запада и остального мира. Это вполне объяснимо: во-первых, позиции Запада определяются его историко-культурными, политическими традициями; во-вторых — преобладанием в сфере массовой коммуникации. В связи с последними событиями, связанными с уже упомянутым фильмом, оскорбляющим мусульман, западные страны оказались в трудном положении. У западных стран нет правовых регуляторов, чтобы заставить телевизионные компании снять фильм с показа. Они могут лишь попросить об этом, что они и делают. Когда речь идет о правовом регулировании, то это касается всего остального пространства, которое находится за пределами западной цивилизации. Да, мы здесь видим проявление некоторой «особости», исторического несовпадения традиций Запада и Востока, но я имел в виду прежде всего другие государства. Вопрос о способе регулирования интернет-пространства обсуждается и в практической области, накоплен уже определенный опыт, как, например, в Китае. По какому пути пойдет Россия, мы станем свидетелями — все это сейчас происходит на наших глазах. Но, честно говоря, большого оптимизма по этому поводу я не испытываю.

Что касается исторических примеров информационного противостояния Запада и Востока — то их довольно сложно привести, потому что все зависит от того, что мы будем понимать под информационным противостоянием. Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что с исторической точки зрения речь идет о конкуренции

социальных моделей, конкуренции культур и религий. Я не уверен, что эту борьбу в конечном итоге можно выиграть с помощью информационных кампаний — это сфера исторических закономерностей.

Монина Л. В.: Если взять «информационные войны» в более узком понимании, определяя их как «кибервойны», то примером наиболее удачного воздействия Запада на восточные страны является знаменитая иранская ядерная программа.

Курныкин О. Ю.: Да, но я имел в виду не кибервойны в своем докладе. Кибервойны — это особая сфера, здесь все понятнее. Речь идет все-таки об информационно-психологических аспектах противостояния.

Каплинская И. Е.: Слушая Ваше выступление, я услышала в ряду многих терминов такие понятия, как «соперничество», «конфликт», «противостояние», «атака», «конкуренция». И вот в этом ряду понятий и терминов «информационная война» — это что-то особенное, принципиально новое или синоним? Позволяет ли исторический опыт понять, где заканчивается конфликт и начинается война? Каковы критерии информационной войны?

Курныкин О. Ю.: Я думаю, что в понятии «информационная война» нет принципиально нового смысла. Это красивая фраза, используемая журналистами. Выражение броское, запоминающееся, поэтому оно активно воспринимается массовым сознанием. Я, как и Вы, настороженно отношусь к понятию «информационная война», потому что трудно определить границы этого явления: когда она начинается, чем она завершается. Очень часто приведенные термины, такие как «соперничество», «конфликт», «атака» используются как синонимы или же употребляются в контексте определения последовательных стадий противостояния на информационном пространстве.

Аршинцева О. А.: Контекст, который вкладывается в содержание понятия «информационная война», относит нас к неким технологиям, политическим в первую очередь, манипулирования общественным сознанием, исторически связан с XX в., определяется качественно новыми технологическими возможностями. Признавая за этим явлением природу манипулирования общественным сознанием, какие можно предложить маркеры, по которым мы можем определить, каков результат воздействия на массовое сознание? С точки зрения современных теорий, а не марксистской парадигмы «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами»?

Курныкин О. Ю.: Сейчас существуют достаточно разработанные механизмы воздействия на общественное сознание, соответствующими структурами разрабатываются те или иные пропагандистские кампании. Очевидно, при разработке таких кампаний в них

закладывается некий результат, на который они были направлены. О результативности могут судить инициаторы и те люди, которые занимаются проведением пропагандистской кампании. Если они достигают поставленных целей — значит, есть результат. Что касается остальных участников данного процесса, то, не будучи знакомыми со скрытой стороной подобных кампаний, мы можем судить об их результативности по реальным процессам. Так или иначе, есть объективные процессы, на которые пропагандистские кампании могут оказать воздействие в том или ином направлении.

Аршинцева О. А.: То есть, полностью результат невозможно верифицировать?

Курныкин О. Ю.: Да, можно сказать и так.

Аршинцева О. А.: Запад победил идеологически в «холодной войне» в том числе путем воздействия на массовое сознание?

Курныкин О. Ю.: Конечно, если рассматривать это противостояние как конкуренцию образов жизни и социальных моделей.

Дериглазова Л. В.: Можно ли рассматривать в качестве информационной войны или пропагандистской атаки кампанию, которая осуществляется в информационном пространстве России лидерами партии «Единая Россия» по дискредитации оппозиционного движения?

Курныкин О. Ю.: Конечно, можно. Только это относится не к сфере международных, межгосударственных отношений. Несомненно, что пропагандистские кампании, в том числе, относятся и к неугодным политическим фигурам или движениям страны. Опять же мы возвращаемся к вопросу о дефинициях: что это — информационная война или информационная диверсия? Можно определять это по-разному, но в данном случае для нас важно целенаправленное воздействие через определенные информационные каналы на определенного адресата.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Л. В. МОНИНОЙ

Бетмакаев А. М.: Речь идет о том, что это не информационная безопасность России, это — концепции информационной безопасности правящего режима. Союз автократии, который собрался под эгидой ШОС, противостоит союзу демократии. Для союза демократии нет никакой информационной безопасности, которой все добивается Россия. Так ли это на самом деле?

Монина Л. В.: Да, я согласна с Вами: все именно так. Проблема информационной безопасности так, как она понимается и обеспечивается в настоящее время в России, в конечном итоге сводится к выработке неких правовых механизмов, регулирующих обязательные нормы для всех стран. Введение этих норм, как полага-

ет российская сторона, в том числе предотвратит такую опасность, как свержение режимов.

Дериглазова Л. В.: Недавно в Томском государственном университете появилась такая должность в ректорате, как проректор по информационной безопасности. Ее занимает человек который работал в ФСБ, в частности, в его обязанности входит владение информацией обо всех иностранцах, которые посещают университет или которых мы приглашаем. Каким образом это вписывается в концепцию государственной безопасности? Или же это имеет скорее отношение к сфере общественной безопасности — обеспечению безопасности людей, работающих в университете?

Монина Л. В.: Мне кажется, можно дать два варианта ответа на этот вопрос. Первый вариант — контроль над иностранцами с неясным мировоззрением и политическими взглядами вписывается в более широкое понятие «национальной безопасности». В то же время, в этом контроле можно увидеть ужесточение позиции российских властей в сфере информационной безопасности: если воспринимать иностранцев как носителей нежелательной информации, как людей, которые так или иначе, общаясь со студентами и преподавателями, могут влиять на их сознание, а информационную безопасность понимать при этом как парирование угроз в информационно-психологической сфере. В настоящее время в России проблеме информационной безопасности стали уделять серьезное внимание — это проявляется в том, что стали вводиться специальные должности. На уровне государства создаются особые структуры, которые занимаются вопросами информационной безопасности. Это свидетельствует о желании установить контроль над информацией из всех источников.

Курныкин О. Ю.: Попытки подведения правовой основы регулирования международного обмена информацией — это проблема правовая или политическая? Возникает такое ощущение, что здесь воспроизводятся те же схемы, что существуют в реальной международной практике. В этом смысле насколько проблема информационной безопасности является самостоятельным явлением, фактором, отличающимся от общих геополитических процессов, происходящих в мире?

Монина Л. В.: Конечно, это политическая проблема. Правовой механизм, который предлагает Россия — это средство более слабого и уязвимого противника в информационных войнах, неспособного противопоставить другой стороне серьезные аргументы, ответить на вызов тем же. Тот, кто слабее — а Россия в этом отношении слабее — пытается использовать механизм, который как будто бы должен устроить всех, ведь в выработке каких-то правовых основ можно найти союзников. Эта политическая проблема

не решаема в глобальном смысле, но может быть решена на региональном уровне. Здесь, мне кажется, перспектив у России больше, но это приведет к некоторому замыканию информационного пространства, как это случилось с китайским Интернетом. Российская сторона предлагает еще одно средство в перечне противостояния информационным угрозам: обязательную идентификацию пользователей.

Волынец К. В.: Вы говорили о том, что российское информационное пространство уязвимо из-за того, что мы используем компьютерные технологии западных стран. Есть ли какая-то альтернатива, чтобы обезопасить наше информационное пространство? Например, создавать программное обеспечение российского производства, чтобы западные страны не смогли его взломать? В последнее время участились случаи, когда даже органы государственной власти не могут защитить свои сайты от хакерских атак.

Монина Л. В.: По крайней мере, создание российского программного обеспечения можно рассматривать как один из способов защиты. Опасность видится в том, что все программы разрабатываются в США, на английском языке. В России нет высококвалифицированных специалистов, способных создавать свои собственные программы на таком же уровне. Следовательно, Россия закупает техническое оборудование и программное обеспечение, поэтому наша страна уязвима. Со стороны России просматривается такое желание в рамках таких организаций как ШОС и ОДКБ — осуществлять подготовку таких высококвалифицированных специалистов. Мне встретилось такое мнение, что информационное оружие по сути является оружием массового уничтожения нового поколения, которое не требует никаких затрат. В случае, когда всего лишь один компьютер способен нанести такой материальный ущерб, что расходы на реальное вооружение — танки и самолеты — представляются бессмысленными. Защита от такого рода угроз требует подготовки специалистов, и работа в этом направлении уже ведется.

Ульянов П. В.: Вы говорили про оружие массового уничтожения. С какой целью оно должно воздействовать на людей — для уничтожения людей как личностей или как биологических объектов?

Монина Л. В.: Информационные войны отчетливо делятся на два типа: на информационно-психологические, когда идет воздействие на сознание людей и предпринимаются попытки его изменения и трансформации, и информационно-технологические войны, которые, собственно, и представляют собой кибервойны. В данном случае объектом являются скорее материальные объекты этих войн, а основной задачей выступает нанесение материального вреда (разрушение информации, сбой системы, нарушение работы служб). Говоря о кибероружии как об оружии массового

поражения нового поколения, мы затрагиваем второй аспект информационных войн, а именно, технологический.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. Н. КОЗУЛИНА

Заусаева Н. А.: Если информационную войну толковать как одностороннее воздействие какого-то государства на население, то возможно ли говорить тогда о гражданской информационной войне внутри государства, когда одной стороной будет государство, а другой — население?

Козулин В. Н.: Ну, я как раз использовал термин «информационная война» не применительно к международным отношениям, а во внутрirosсийском контексте. То есть речь идет именно об информационной войне, которую оппозиция трактует как информационную войну государства и государственных каналов, а окологосударственные структуры трактуют ее как войну, спонсируемую Западом против российского государства. Вообще, термин «информационная война» появился, конечно, во время войны в Персидском заливе, во время которой, кстати, американская армия чуть было не пострадала (...) от голландских хакеров. Но все-таки у нас в России, у меня такое ощущение, информационная война ассоциируется с «войнами компроматов», которые были в нашей стране в конце 1990-х гг., когда воевали телеканалы ОРТ и НТВ. Именно такая ассоциация возникает, когда говорят об информационной войне. Сейчас подобные явления снова встречаются — информационная война проявляется как «война компроматов», слив информации. Это очень популярно у нас в России, хотя не только в России это, разумеется, бывает. Так что, конечно, это возможно. Идет война противоборствующих группировок, одна из которых стремится сохранить власть, другая — прийти к власти.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. А. РЫЖКОВА

Волынец К. В.: Все мы прекрасно знаем, что «кто владеет информацией, тот владеет миром». Мы много говорим о технологиях, стратегиях, тактике ведения информационных войн. Однако, все мы помним грузино-осетинскую войну 2008 г., когда параллельно с боевыми действиями велась и информационная война. К сожалению, наши журналисты, специалисты в сфере коммуникации проиграли данную войну. Не кажется ли Вам, что здесь, скорее всего, была проблема оперативности? Российской стороне не хватало неких антикризисных мер, которые должны были быть предусмотрены заранее? Не было никаких стратегий, тактик развития этой информационной войны.

Рыжков В.А.: Я не согласен в принципе, что Россия проиграла грузинскую информационную войну. Было три этапа развития ситуации. Первый этап — острый, когда происходила пятидневная война 2008 г. По общему признанию, Россия проиграла в ней. Весь мир встал на сторону М. Саакашвили, Россия была представлена в образе грубого и циничного агрессора. Все обвинения были в нашу сторону. Потом был второй период, менее острый, когда мировое сообщество стало вникать, что было на самом деле, работала Комиссия Совета Европы, которая рассматривала всю картину произошедшего. Выяснилось, что залповые удары нанесла Грузия, и это изменило баланс. На выходе, окончательное представление мира о войне получилось ближе к российской стороне, или же, по крайней мере, между российской и грузинской сторонами, более сбалансированное. Еще один аспект информационных войн — их нельзя рассматривать в коротком временном периоде, они всегда имеют развитие, стадийность. Например, если большевики в 1917 г. считались немецкими шпионами, то в 1927 г. картина была совершенно другой. Что касается нашей государственной пропаганды в целом, она очень слабая и проигрывает мировым трендам. Вообще, у России образ все чудовищнее и ужаснее. Я бы не стал винить в этом «добрую машину пропаганды» МИДа и Кремля. Мне кажется, наш имидж — это результат нашей политики в гораздо большей степени, чем провала нашей пропаганды. Плохой имидж страны — результат плохой политики и внутривнутриполитической ситуации.

Чернышов Ю.Г. Заключительное слово.

Я надеюсь, что каждый извлек что-то полезное для себя из представленных докладов. Мне кажется полезным, что в дискуссии принимали участие представители разных факультетов — экономического, юридического, географического, отделения связей с общественностью, факультета политических наук. Все это свидетельствует о том, что тема, заявленная нами на конференции, требует междисциплинарного подхода. Завтра мы этот полезный разговор продолжим.

II секция

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Ю.Г. ЧЕРНЫШОВА

Аршинцева О.А.: Если мы говорим о кризисе полисной идеологии и формировании неких новых идеологем, имперской и христианской, то в чем их влияние, если оно прослеживается, наиболее ярко выразилось?

Чернышов Ю.Г.: Хороший вопрос. Просто не было времени об этом сказать. Надо было бы объяснить суть кризиса, прежде

чем все это рассказывать. Суть кризиса в том, что Рим объективно просто перерос свои рамки. Ничто не стабильно, все развивается. Рим захватывал новые земли, а органы власти элементарно уже не справлялись с управлением, потому что там все еще были огромные должности на общественных началах. Представьте себе огромную средиземноморскую державу — как сложно ей было управлять. Нужен был бюрократический аппарат. Постоянная армия и монархия в тех условиях были более эффективны.

Это был кризис и полисной идеологии, и социальной базы гражданской общины. Социальная опора государства ширилась, должна была еще расширяться, а старая кучка олигархов держала власть и не хотела ее отпускать. Нужна была более универсальная база для государства, более универсальная идеология, не на национальной римской религии основанная, потому что для других народов эта религия была чужда, и нужно было что-то наднациональное. Почему возникает христианство? Упрощенно говоря, заметьте: возникает мировая Римская империя, и параллельно возникает мировая религия. Это очень упрощенно, конечно, выделить одно из другого, но это связанные процессы.

Как ни парадоксально, но, действительно, после полисной идеологии обозначились две ветви развития. Одна — попытка выстроить официальную имперскую идеологию (один для всех император, «золотой век», Pax Romana и т. д.). То есть, Рим несет цивилизацию всем народам. Им полезно находиться под Римом. Если кто-то этого не понимает, то надо его оружием убедить, что надо подчиняться Риму и пользоваться благами римского мира.

Другая — оппозиционная идеология, вызревавшая в недрах общества, тоже универсалистская. Она рассчитана тоже на всех людей, независимо от национальности, социального положения и т. д. Там тоже идея одного универсального начала. Это отвержение традиционных узких культов, целостный взгляд на историю, в которой все расписано. Вот был рай, потом после изгнания из него начались всякие беды, которые продолжаются по сей день, но скоро наступит спасение, поэтому от каждого зависит, что он выберет. Идея тысячелетнего царства тоже была очень актуальна. По сути, обещалось наступление того же «золотого века», только другими словами. Разными терминами люди говорили о тех же вещах, просто направленность была другая. Христиане воспринимали этот век как век сатаны. В Новом Завете есть такие выражения. Они отвергали все это государство, все эти ценности и т. д. Вот почему я считаю, что шедшая с Востока «война пророчеств» оставила такой глубокий след — она способствовала переоценке многих отживших традиционных ценностей.

Курныкин О. Ю.: Существуют ли принципиальные различия между древностью и современным периодом в технологиях воздействия на массовое сознание?

Чернышов Ю. Г.: На самом деле все это давно используется, «нет ничего нового под солнцем». Например, такая технология, как распространение слухов. В то время такая технология имела широкое распространение, так как Интернета и других современных способов распространения информации не существовало. Официальные каналы у государства были весьма ограничены: телевидения и газет не было, но активно использовалась, например, возможность чеканки монет. Это позволяло передать очень большой объем информации людям, в том числе неграмотным. Когда люди держат в руках монету, видят образ императора и рог изобилия, то в сознании остается отпечаток, что есть такой правитель, приносящий счастье, и человек проникается к нему определенными чувствами.

Псевдо-Сивиллины оракулы очень напоминают такой советский феномен, как самиздат. Самиздат — это списки, которые люди переписывали и распространяли нелегально, из рук в руки. Они распространялись так потому, что были запрещены, и это содержало в себе какую-то разгадку тайны будущего, ответ на ожидания. Поэтому люди, несмотря на запреты, продолжали распространять эти пророчества. Как правило, все это происходило во время кризисов. Когда общество стабильно, и его члены в основном всем довольны, то такие тенденции угасают сами собой. Так было в древности, и так это происходит и в современном мире.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА П. В. УЛЬЯНОВА

Аршинцева О. А.: Если рассматривать некое российское политическое руководство, режим, то какой смысл вкладывался в формирование образа врага с точки зрения практической политики? На кого он транслировался, к каким ожидаемым эффектам он должен был привести? Зачем нужно было официальной России формировать этот образ врага в конкретных условиях?

Ульянов П. В.: Спасибо за вопрос. Надо сказать о том, что основным объектом была Османская империя. Потому что она воспринималась как религиозный враг. Однако нельзя сказать, что была какая-то идея захвата Константинополя и присоединения этих земель к России.

Если говорить об источниках, то, например, в Манифесте 1853 г. говорится о том, что Россия никаких завоеваний не ищет. Самое интересное, что с западной точки зрения, в частности, в газете «Daily News», была такая фраза, что православные пользовались в Османской империи большей религиозной свободой, чем в католической

Австрии. Этот образ врага позволяет говорить о том, что Россия хотела начать боевые действия с Турцией, но при этом прикрывались тем, что никаких завоеваний не искали. Хотя, конечно, если говорить по поводу письма, которое Николай I писал в Австрию, то он как раз говорил о том, что если бы ему удалось захватить Молдавию и Валахию или хотя бы оккупировать на время, то тогда можно было бы попробовать эти земли присоединить. То есть, был намек на присоединение земель. Хотя четкого плана не было. В основном, прикрывались тем, что Османская империя — враг религиозный.

Что касается Англии и Франции, то с ними были достаточно серьезные противоречия. Англия боялась, что Россия выйдет в Атлантический океан. Они заявляли, что если Россия укрепитесь на Черном море, то она станет мощным противником для Англии. Что касается Франции, то она выступила в качестве поддержки, как союзник.

Если рассматривать саму войну, то в боевых действиях участвовали, в основном, французы, потому что Англия, по мнению Э. И. Тотлебена, готовилась больше к морской войне, чем к сухопутной.

В целом, можно сказать, что образ врага сыграл свою роль. Запад воспринялся как предатель христианской веры. Хотя к ним относились и как к захватчикам. Например, Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах» писал о том, что французы — без патриотизма, чувства гордости, то есть они рассматривались в качестве враждебной силы.

Коробкова Н. П. Отличается ли гражданское сознание от военного? И можно ли говорить о различиях в образах врага у разных слоев населения?

Ульянов П. В. Логично предположить, что да, различия были. Потому что у каждого солдата и офицера был свой образ врага. Хотя, если говорить, что гражданское сознание отличается от военного, то военные старались видеть и отмечать не только субъективные черты, но и объективные, то есть, например, как противник вооружен, какие у него действия, как он ведет себя во время боевых действий.

А те спонтанные выступления, которые были, в основном отличаются субъективным характером. Потому что они настраивали государственные структуры и дворянство на определенные стереотипы, чтобы формировать враждебное отношение.

Овчаров Г. А.: Спасибо, Павел Владимирович, за интересный доклад. У меня возник вопрос. А не было ли одним из мотивов формирования образа врага в лице Турции, Англии и Франции стремление прикрыть собственные, мягко говоря, недоработки во внутренней и во внешней политике? Ведь не секрет, что подготовка русской армии к этой войне оказалась не на надлежащем уровне. Бывали случаи, что целые обозы, посланные на фронт, не доходили или доходили, но не полностью. Разрывовывалось

все, по сути. Может, нагнетание страстей по формированию образа врага должно было отвлечь внимание от проблем внутренних? Как Вы считаете?

Ульянов П. В.: Большое спасибо за вопрос. Конечно, можно говорить, что были какие-то недоработки. Я, в основном, встречался с идеологической оценкой, потому что, если говорить, что Россия пошла по консервативному пути развития, то да, были такие люди, которые говорили, что консервативный путь выбран зря, так как нарушен контакт с Западом. Но этот контакт с Западом ни к чему не привел. Россия фактически отгородилась от Запада.

По поводу пропаганды. Если рассматривать цензуру того времени, то были такие недоработки. Есть, допустим, такие письма, которые, наоборот, говорили о том, что англичане и французы — враги, но, при этом не допускались к огласке. Фактически, это были обычные бумаги, которые лежали до лучших времен. Например, Тютчев написал стихотворение, в котором прославлял Россию в Молдавии и Валахии, но эти стихотворения не попали в печать, потому что цензура подошла к ним с более жесткой точки зрения.

Сдельников В. А.: Проводилась ли российская пропаганда за рубежом?

Ульянов П. В.: Спасибо за вопрос. Действительно, такое было. Правда, это проявлялось на особом уровне. Например, пленные офицеры находились на территории Российского государства. Они не то, чтобы прославляли британских солдат, но говорили, что мы воюем так, как нам приказывает наше правительство. Возвращаясь домой, британские солдаты говорили, что в России к ним не было отрицательного отношения, русские относились к ним с добродушием. Фактически, образ врага был сформирован для того, чтобы начать войну.

Анохин А. А.: В процессе своего доклада Вы упомянули два довольно известных течения — славянофилов и западников. Какими характеристиками оперировали представители течения славянофилов при формировании образа врага?

Ульянов П. В.: Спасибо за вопрос. В основном у них были субъективные воззрения. Во-первых, они ратовали за то, что эта война — освободительная. Они были согласны с тем, чтобы вести освободительную войну с защитой православных народов. Они также считали, что консервативная политика — преимущество для России. Можно сказать, что они попали под влияние теории официальной народности, потому что эта теория определила суть России: православие, самодержавие, народность. С другой стороны, они не замечали, что эта теория отгораживала Россию от Запада, потому что наносила удар по свободе, равенству, братству. С вступлением в войну союзников есть только одна тенденция,

что славянофилы видят в них предателей христианской веры и поэтому негативно к ним относятся и на этом их отрицательное отношение заканчивается, потому что дальше они уже меняют свою позицию и не уверены, что война принесет какие-то результаты. Они уже начинают видеть, что Николай I проводит неправильную политику и война по сути бессмысленна.

Козулин В. Н.: Почему образ врага складывается у нас в России, да и вообще у Запада по отношению к России именно в период Крымской войны? Вот, например, в Отечественной войне 1812 г. еще нельзя говорить о целенаправленном формировании образа врага. Если образ врага и был, то это был образ Наполеона как врага, но не образ Франции. Никто бы не подумал, что французы или Франция — враг. Даже по отношению к Наполеону — многие представители российской элиты относились к нему с уважением и даже идеализировали его во время Отечественной войны! Почему именно эпоха Крымской войны породила такое столкновение цивилизаций — первое в истории России и Запада, и обоюдное взаимное формирование образов врага? В Вашем докладе была показана только российская сторона, но ведь и с европейской стороны происходило то же самое в это время. Как Вы считаете?

Ульянов П. В.: Большое спасибо за вопрос. Конечно, можно говорить о том, что образ врага сыграл определенную роль. Однако, если говорить о самой Крымской войне, о том, почему здесь отчетливо сформировался образ врага, можно предположить информационное противоборство, чтобы отстоять свою позицию, реализовать определенные цели. Самой главной, если судить по имеющимся письмам, была задача сформировать негативный образ, некую враждебную силу. Если сравнивать Крымскую войну с войной 1812 г., то можно сказать, что в Отечественной войне не была сформирована такая позиция. Образ врага, если судить с военной точки зрения, во многом подталкивает людей начать физическое уничтожение противника. Логично говорить о том, что образ врага — некий информационно-психологический стереотип, позволяющий человеку поднимать оружие на себе подобного. Хотели не столько продемонстрировать состояние конфликта в этой войне, сколько «померяться» армиями: чья позиция сильнее. Фактически, если смотреть на ситуацию с военной точки зрения, образ врага сформировали только для того, чтобы доказать военное преимущество, но получилось так, что Запад оказался в выигрыше.

Курныкин О. Ю.: Ведение любой войны невозможно без образа врага. Он возникает естественным путем, хотя иногда прилагаются и целенаправленные усилия сверху, адресованные населению. В связи с этим возникает вопрос: можно ли рассматривать формирование образа врага в период военного времени

с целью мобилизации ресурсов как проявление информационной войны? Это вопрос для размышления.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. М. БЕТМАКАЕВА

Уважаемые коллеги! Тема моего доклада очень узкая, и поэтому мне хотелось бы порассуждать в своем выступлении об общих темах, которые здесь уже прозвучали. Надеюсь, что вы не будете возражать. Мои соображения вызваны тем обстоятельством, что на прошлом заседании поднимался ряд ключевых идей: в первую очередь, понятие «информационная война», тема национальной безопасности России в связи с информационными войнами.

Что касается понятия «информационная война», то его можно трактовать в двух смыслах — узком и широком. Об этом говорил вчера Вячеслав Николаевич Козулин. Я бы добавил к этому соображение, что узкое понимание является более продуманным. Его возникновение относится ко временам американской операции «Буря в пустыне» в январе 1991 г., когда в течение нескольких дней американцы разгромили армию Саддама Хусейна, который оккупировал Кувейт, главным образом, благодаря информационным технологиям. Войска США подавили средства ПВО, радиолокационные станции, а затем разбомбили позиции сухопутных войск Ирака. В результате этого успеха появилось ощущение, что наступила новая эпоха «информационных войн», когда для победы достаточно разрушить средства связи и ПВО противника и контролировать поле боя с помощью компьютера. Тема «информационных войн» появилась также в связи с тем, что в 1990-е гг. и в первое десятилетие нового столетия модными стали размышления об «информационном обществе», которому соответствует новый тип военных действий.

Широкий смысл понятия «информационная война» получил, наверное, с начала XXI в. И восходит широкое толкование, как мне представляется, к российской традиции. Об этом также говорилось в докладе Любови Владимировны Мониной о национальной безопасности России. Что стало включаться в российское понимание «информационных войн» нулевых годов? То, что давно было известно, — «психологическая война», «пропагандистская война», «культурная война», если говорить о «столкновении цивилизаций», столкновении «образов жизни».

Каковы источники широкого понимания? Из нулевых годов — реакция российской политической элиты на «оранжевые революции» в странах постсоветского пространства, «арабскую весну» на Ближнем Востоке и события в России, связанные с протестами так называемого креативного класса в декабре 2011 г. — весной 2012 г. В каждом из этих случаев активно использовались

сетевые технологии (социальные сети, блоги, записи в Твиттере), что дало основание говорить о них как о технологиях «информационных войн».

Вторым источником смысловых особенностей российской политики в сфере «информационных войн» являются «старые» технологии — наследие «холодной войны». То наследие, которое восходит к таким представлениям: пропаганда как оружие достижения превосходства над противником. Пропаганду обычно трактуют по методам ее применения на 3 вида — «белая», «серая» и «черная» пропаганда. «Белая» пропаганда в годы «холодной войны» была хорошо известна, когда использовались радиостанции «Голос Америки», «Свобода»/«Свободная Европа», с одной стороны, а с советской стороны — «Московское радио». Была также «черная» пропаганда, которая тщательно скрывала свои источники. Эту пропаганду, как правило, конструировали спецслужбы. Мы знаем, что выходцы из спецслужб советского и постсоветского времени сейчас находятся в России у власти. Их представление об «информационной войне» сформировалось как использование «черных» технологий, которые должны давать значительный эффект, поскольку неизвестен источник информации, или контрпропаганды, или дезинформации (русское слово, которое вошло и в западный лексикон). Таким образом, представления «холодной войны» привели к тому, что пропагандистские технологии стали трактоваться как технологии «информационных войн».

Старые подходы, когда их стали применять к новым технологиям, оказались неэффективными. Дело в том, что эффективность пропаганды высока тогда, когда слушатели играют роль объектов пропаганды. Для сравнения: представьте, что вы находитесь в квартире, где есть одно проводное радио, два канала телевидения, и в качестве единственной альтернативы государственным СМИ выступают, например, соседи по лестничной площадке, которые распространяют слухи, или вы беседуете с друзьями на кухне. Но затем к вам в квартиру проводят Интернет, и вы из объекта «информационной войны» становитесь субъектом этой войны, потому что вы можете вести блог, создать фильм, который можно выложить на YouTube. И к вашей информации начинают проявлять интерес другие пользователи глобальной сети. Если раньше в «информационных войнах» сталкивались крупные игроки — государства и их спецслужбы, пропагандистские аппараты, то теперь эти «слоны» оказались перед «мышьями». Мы знаем, что мышь может испугать слона больше, чем другой слон.

Ввиду интерактивности множества субъектов-создателей информации российская власть столкнулась с необходимостью предпринять ответные меры. Как показала в своем докладе

Л. В. Мони́на, Российская Федерация пытается на международном уровне закрепить правила «информационной игры». Например, принять смешное обязательство запретить свергать с помощью информационных технологий правительства. Это обязательство из области абсурда: никакое правительство с помощью международного права не может гарантировать, что не будет свергнуто из-за внутриаполитических обстоятельств.

Этот абсурд демонстрирует приверженность руководителей РФ старым подходам в новых условиях. Они создали телеканал «Russia Today», который транслирует официальную позицию — типичную «белую» пропаганду. Много ли потребителей продукции телеканала на Западе, когда он конкурирует с сотнями других телеканалов и другими источниками информации? Новый момент — купить газеты на Западе. Олигархи, близкие к российской власти, начали скупать убыточные (ввиду их проигрыша Интернету) газеты, например, в Британии «Индепендент», французские газеты. Но газеты перекочевывают в Интернет. Настало время, когда вместо бумажных версий можно покупать электронные версии газет.

Можно попытаться использовать в борьбе за влияние медийных персонажей. История с «Pussy Riot» официальной пропагандой подается как столкновение слонов в «информационной войне», связанной против России. На самом деле там столкнулись певицы Мадонна и Валерия, вес которых несоразмерен в международном сравнении. Западные потребители и не знают, кто такая Валерия.

Можно купить блогеров за рубежом. И, наверное, это делается. Но создать сотни, а лучше миллионы блогов по всему миру, которые могли бы формировать заданные из РФ представления в Интернете, — это из области фантастики.

Как мне представляется, российские власти избрали путь «стерилизации» Интернета. Для этого создается домен «.рф» на кириллице. Вы пользуетесь кириллическим доменом? Он создан для того, чтобы отрезать нас от другого мира, от его информации? В этом направлении звучит предложение о создании регионального Интернета в рамках ШОС, когда мы читали бы новости на китайском языке. Можно пойти по пути Ирана, который создает национальный Интернет (нелепое сочетание слов).

В конечном счете, для победы в «информационной войне» придется убить Интернет. Но позволят ли это сделать российские пользователи? Ответа на этот вопрос я не знаю. Пострадают в этом случае не только пользователи, но и провайдеры, поскольку информационные технологии являются важной частью экономики.

Для стран Запада широкого смысла (в российской интерпретации) «информационных войн» нет. Вспомните историю с «WikiLeaks». Это — «информационная война» одного государства против

другого? Нет. Забавно в связи с этим поведение официальной власти РФ, которая выступила в поддержку Джулиана Ассанжа в его противостоянии с британским правительством. Но выступила бы Россия подобным образом, если бы Ассанж опубликовал не американскую дипломатическую переписку, а российскую?

ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. М. БЕТМАКАЕВА

Аршинцева О. А.: Правильно ли я поняла, что проблема заключается в том, чтобы более или менее корректно определить информацию в современном мире и дать качественную, оценочную ее формулировку? И второй вопрос — каково определение нынешнего «информационного пространства»? Универсального определения этому понятию нет, и подчас оно складывается из множества противоположных. Сама дискуссия по этому поводу — источник нового дискурса об информации и информационном пространстве, где эта информация создается, распространяется и воспринимается.

Бетмакаев А. М.: Я думаю, что информация как продукт, который предлагается, может широко пониматься. Есть информация, которая создается без всякого злого умысла и подтекста: произошло событие — о нем сообщили. Но есть конструкт, который включает в себя комментарии и оценки, все это выстраивается в каком-то контексте. Когда мы рассматриваем информацию в таком ключе, то здесь уже прослеживаются пропагандистские цели, цели завоевания аудитории. В этом плане термин «информационная война» уместно использовать, полагая под информацией не просто работу средств связи и передачи данных. Бывает и так, что информация не несет в себе подтекста, но в ней видят происки врага. Например, фильм «Невинность мусульман». Появился бы он в Сети — никто бы его не посмотрел из тех, кто потом начнет формировать другую информацию. Так бы он и остался в Сети. Это ведь не показ по NBS и CBS — американским телеканалам или Первому каналу российского телевидения. Он был включен в контекст этого противостояния. Здесь мы имеем дело с таким случаем, где пропагандистское начало служит другим целям, преследует цели сетевых террористов, противостоящих Западу. Для Запада нет такой проблемы. Я хочу сказать еще вот о чем. Российская власть продвигает «Russia Today», а противоположная сторона, если бы мы ее мыслили в контексте информационной войны, закрывает свое радиовещание — ВВС сейчас не вещает на русском языке. Немецкую волну, которая считалась происками врага, другие каналы, например, EuroNews можно свободно смотреть по телевизору. Российской стороне болезненна та ситуация, что есть вызов монополии. Поведение российской стороны — поведение монополиста, который боится любого конкурента, видя в нем угрозу.

Коробкова Н. П.: Я бы хотела задать два вопроса, в связи с упомянутым скандальным фильмом. Как известно, 90% мусульман не говорят по-английски, они не видели этот фильм. Однако, скандал был запущен с того момента, когда фильм был переведен на арабский язык и выложен в Интернет. Как бы Вы оценили кампанию в связи с запуском и переводом этого фильма, доступом его к массовой аудитории — как серую пропаганду, черную пропаганду? Второй вопрос. Как бы Вы оценили реакцию российского министра по массовым коммуникациям, его желание запретить фильм?

Бетмакаев А. М.: Изначально фильм был выложен не весь, из его контекста был вырван кусок. Сейчас, наверное, его можно посмотреть целиком. Это не первый фильм, который осуждает мусульман и трактует их в таком ключе. Стоит вспомнить карикатуры, которые также вырывались из контекста и демонстрировались. Если представить, что за этим стоят какие-то государственные интересы, например американские интересы, американский Государственный департамент — за показом этого фильма, то тогда это можно назвать черной пропагандой со стороны тех сил, которые выступают против США, Франции и других стран. Что касается российской реакции. Я думаю, что есть такая внутренняя повестка для нынешней администрации, которая выражается в ограничении влияния Интернета. Это очень удобный повод, чтобы заявить: «вот видите, что они показывают в Интернете. Это наступление на наши традиционные ценности в том плане, что в России тоже живут мусульмане». Я очень удивлен, что российские мусульмане никак не отреагировали на этот фильм, в то время как федеральные власти предвосхитили реакцию на него. Более того, у российской стороны есть почти официальное объяснение, кому был выгоден показ данного фильма: американцам, которые используют это как повод, чтобы двинуть свои авианосцы в сторону Ливии.

Митяева Ю. А.: Как государство в новых условиях, когда общество требует большей открытости, отчетности, прозрачности, вынуждено реагировать на запросы общества? Может быть, появляются новые технологии, инициативы, когда государство создает новые порталы открытых данных, порталы государственных закупок?

Козулин В. Н.: Я совершенно согласен с Алексеем Михайловичем, что информационная война — это некий фантом «холодной войны» и что это во многом связано с пережитками, наследием «холодной войны». Но вот интересно, почему именно с российской стороны в большей степени проявляются эти пережитки холодной войны? И так ли это на самом деле? Ведь со стороны Запада тоже есть какие-то фантомы «холодной войны», не все так гладко. Ну, телеканалы, подобные российскому «Russia Today», они допустим, не создают или не придают такого значения, но все равно у многих

людей на Западе и в речах некоторых американских политиков (Мита Ромни, например) мы слышим те же фантомы «холодной войны» и «образы врага». Пусть такое расширительное политизированное толкование термина «информационная война» и не характерно для Запада, но, мне кажется, все-таки нельзя это так однозначно трактовать, что только российская сторона по-прежнему не может освободиться от наследия «холодной войны». Наследие «холодной войны» еще долго будет переживаться, потому что она шла очень долгие годы, и конечно, она поселилась в умах людей, в сознании как западного, так и российского общества.

Юн С. М.: Когда Вы перечисляли варианты действий России в этой конкуренции на информационном пространстве, Вы упомянули такой вариант, как приобретение российскими бизнесменами иностранных газет, но Вы сказали, что это неэффективно, потому что газеты сейчас все меньше и меньше читают, так как есть электронные источники информации. Но дело в том, что современные газеты не просто бумага, у них есть электронные версии, которые по формату гораздо шире, чем печатные. Электронные версии газет стремятся приблизиться к электронным источникам информации, оперативно сообщать и информировать читателей. Но в то же время я согласен с Вами, что этот инструмент имеет лишь локальный эффект, потому что газет очень много, их все не купишь. Кроме того, есть такие издания, которые никогда не продадут российским бизнесменам.

Монина Л. В.: Меня задела Ваша интерпретация информационного пространства как враждебного, то есть содержание «информационных войн». Есть «информационное поле», есть простая передача информации и есть появление некоторых комментариев, то есть целенаправленное манипулирование, навязывание того, как нужно понимать информацию. А не может ли быть простая передача информации без комментариев составной частью информационной войны, потому что можно вести подбор информации, например, только в негативном ключе?

Курныкин О. Ю.: Насколько проблема информационных войн значима и обсуждается, в каком контексте? У меня такое понимание, что российский подход к термину значительно отличается от западного?

Бетмакаев А. М.: По поводу первого вопроса. Мне кажется, в 2000-е гг. можно увидеть две модели поведения российской власти. Если говорить о президентстве Д. А. Медведева, то условно говоря, это была эпоха «свобода лучше несвободы». В эту эпоху делались попытки использовать новые информационные технологии для того, чтобы создавать образ России как открытого общества, появилась информация о госзакупках, о борьбе с коррупцией. Даже если по фак-

ту такой политики не проводилось, пыгались создать такой образ. С 2011 г., когда В. В. Путин решил в очередной раз баллотироваться в президенты, что-то изменилось. Реакция на активность оппозиции, которая во многом была связана с креативным классом, который оказался связан с интернет-технологиями, вылилась в «закручивание гаек» — об этом свидетельствуют законы, принятые летом.

Что касается пережитков «холодной войны». Да, в определенной степени это присутствует, это всегда существует, поскольку отношения между Россией и Западом — это не просто отношения эпохи «холодной войны» сверхдержав, это во многом отношения культурного содержания, представления о том, является ли Россия частью Запада. На Западе на этот вопрос, наверное, уже ответили, и Россия для себя определила, что у нее особое положение: Россия не является частью Запада, ее особенность состоит в том, что она находится между Западом и Востоком.

Что касается американской предвыборной кампании, то конечно, в этих случаях используются любые средства, усиливаются акценты, которые проводят черту между Б. Обамой и М. Ромни. Именно на примере российско-американских отношений можно показать, что Б. Обама оказался не прав, а М. Ромни — сильная политическая фигура, которая может выстроить новую внешнюю политику США. Естественно, происходит обращение к образам «холодной войны». В отечественной пропаганде так же постоянно идет обращение к образам «холодной войны». Ведь нелогично же было бы обращаться к образам Крымской войны? Хотя, конечно, это возможно, но для исторической памяти характерно обращение к ближайшим событиям. Создался образ, что «холодная война» во многом была выиграна не благодаря тому, что советская экономическая система была неэффективной, не потому что правящая элита 80-х гг. была не способна продуцировать новые политические идеи, а все сводится к тому, что были агенты влияния, которые проникли в правящую элиту Советского Союза и развалили СССР. Отсюда, если обращаться к нашему времени, назначение таких агентов влияния приведет к тому, что рухнет Российская Федерация.

Отвечая на третий вопрос, необходимо сказать, что газеты, которые имеют web-версии, уже стали интерактивными. Материалы в таких газетах можно прокомментировать, есть обратная связь. Помимо того, у таких газетных версий существуют блоги журналистов, которые в них пишут. Web-версия газеты шире, чем ее печатное издание. Особенность информационных войн — их интерактивность. «Арабская весна» была запущена человеком, который не принадлежал ни к какой политической элите.

Я согласен с Л. В. Мониной, что можно подать объективную информацию в русле информационной войны, с помощью подбо-

ра сюжетов, выстраивания видеоряда в телевизионных новостях или освещая в радиоэфире. В этом особенность радио- и телеэфира, что они работают в прежних подходах. Можно выстроить специфическую картинку. Скажем, если новости начинаются с освещения официального события или мероприятия — это один видеоряд, а если новости начинаются с сообщений о взрыве или теракте — это уже другое представление о происходящем. Подбор информации очень много значит. Можно, например, взять интервью М. Матье и вырезать кусок из ее выступления. Если в полном интервью она осудила поступок «Pussy Riot», но высказалась в поддержку свободы слова, то в показанном интервью убрали высказывания о свободе слова и получилось, что «М. Матье осудила «Pussy Riot»». При этом это — не дезинформация, а тенденциозная подача информации, пропагандистский подход.

По поводу западного подхода. Западный подход, насколько мне известно, относит термин «информационная война» к ряду биологических, химических и других войн. Средства, которые используются для уничтожения противника — информационные средства, относятся к вооружениям.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА А. А. АНОХИНА

Кольцова Н. В.: Ваша тема звучит как «Информационная дискредитация политического лидера Линь Бяо», но в своем выступлении Вы больший акцент сделали на дискредитацию Конфуция. Если возвращаться к политическому лидеру Линь Бяо, который еще до конца 60-х гг. XX в. считался официальным преемником Мао Цзэдуна, Линь Бяо — один из немногих политических лидеров, которому удалось уцелеть к 60-м гг. В чем заключались основные причины того, что именно Линь Бяо оказался в рамках этой кампании? Можете ли Вы назвать основные механизмы этой кампании по информационной дискредитации Конфуция, Линь Бяо?

Анохин А. А.: Большое спасибо за вопрос. Мне сложно назвать конкретные механизмы, но я думаю, что основной причиной дискредитации, того, что именно Линь Бяо стал центром проведения этой кампании, были опасения Мао Цзэдуна. Ему необходимо было найти какую-то подоплеку. Найденные у его преемника, Линь Бяо дневники и послужили поводом для начала кампании по дискредитации, чтобы через Конфуция дискредитировать Линь Бяо. Как известно, китайский народ очень ценит традиции и чтит их, в любом вопросе китайский народ руководствуется этим традиционализмом.

Горбелева Е. А.: Антон Анатольевич, большое спасибо за интересный доклад. Скажите пожалуйста, как Вы считаете, имен-

но необходимость в дискредитации конкретного политического лидера послужила причиной того, что через Конфуция стала осуществляться дискредитация Линь Бяо или все-таки это была целенаправленная политика, которая велась во время культурной революции? Можно ли провести параллели с политикой, которая велась в Советском Союзе в 20–30-х гг. XX в. по формированию нового «советского человека», дискредитации религии, установлению новых моральных образцов?

Анохин А. А.: За каждым политическим лидером стоит много других людей. В рамках культурной революции, при осуществлении кампании «пинь ин пикун» целью было не только убрать Линь Бяо, но и других видных политических деятелей.

Курныкин О. Ю.: Пересматривались ли оценки Линь Бяо в Китае после смерти Мао Цзедуна?

Анохин А. А.: Репутация Линь Бяо в Китае на сегодняшний момент так и не восстановлена.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА С. А. ИВАНОВА

Аршинцева О. А.: Если рассматривать проблему с точки зрения эффективности, то что является элементом, универсальным для этих технологий, который позволяет выстроить обратную связь? Каковы степень эффективности, результативность этого воздействия на общественное сознание?

Иванов С. А.: Единственным механизмом оценки эффективности вышеуказанных технологий является проведение срезов общественного мнения. Например, когда к власти на Украине пришел В. Ющенко, начала проводиться активная работа по вступлению страны в НАТО. Несмотря на то, что изначально к этой идее общество относилось отрицательно, проведение государством активной политики и ведение постепенной пропаганды привело к тому, что если изначально только 7–8% населения оценивали программу вступления Украины в блок НАТО позитивно, то в конце его президентства их число достигало 17–18%. На этом примере наглядно видно, какие административные ресурсы были задействованы государством, какой был получен результат.

Козулин В. Н.: Скажите, пожалуйста, где проходит граница между пропагандой и информационными войнами? В чем Вы все-таки видите разницу этих понятий?

Иванов С. А.: Пропаганда является одним из элементов информационной войны. Изначально, когда папой римским была основана конгрегация «Пропаганда и вера», была война больше идеологическая, была двойная идеология. Католической церкви велась пропаганда, и те, кто ей не поддавался, подвергались

жестким наказаниям. Именно с этого времени, мне кажется, пропаганда как явление и начала приобретать негативный оттенок.

Чернышов Ю. Г.: Где кончаются пропагандистские кампании и начинаются информационные войны? Или информационные войны были всегда, если исключить технический аспект — Интернет? Когда возникают информационные войны и почему? Какое новое качество им свойственно?

Иванов С. А.: Между пропагандой и информационными войнами — тонкая грань, и не так-то просто отделить одно явление от другого. Сначала начинается пропагандистская кампания, которая постепенно переходит в стадию информационных войн. Зачастую в пропагандистской кампании отсутствует момент, когда можно подвести под нее черту — она может длиться не один десяток лет. Например, информационно-пропагандистская война между Востоком и Западом корнями уходит в историю.

III секция

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА О. А. АРШИНЦЕВОЙ

Коробкова Н. П.: Скажите пожалуйста, вот на Ваш взгляд, политическая сеть — она сегодня присутствует в виртуальном пространстве и активно апробируется во всех сферах жизни общества, — вся эта модель взаимодействия, она каким-то образом компенсирует издержки, которые несет общество (мы говорили о монополизации СМИ)? Демократическое общество требует все более широкого доступа к информации, прозрачности информации, а государство боится утратить роль ведущего игрока. Государство всегда будет претендовать на роль если не первого, то главного среди этих игроков. Могут ли выстраиваться равные отношения в этой политической сети?

Аршинцева О. А.: Вряд ли возможен однозначный ответ на данный вопрос, и это задает вектор для дальнейших исследований. Государство — и это залог его существования — институт консервативный по своей природе. Гибкость государства во многом зависит от того, насколько общество в его особом автономном состоянии способно оказать воздействие на этот политический институт, во-первых, признавая все минусы государства, без которых невозможно обойтись, а во-вторых, признавая такую базовую позицию, что государство остается универсальным политическим институтом. Следующий уровень рассуждения связан с определением, что обществу нужно от государства, способно ли оно объединиться в более свободную организацию в новых условиях, учитывая новые возможности и новые опасности. Не грозит ли это самому обществу с точки зрения обеспечения его безопасно-

сти в международном пространстве? Если мы разовьем эту, можно сказать, алармистскую версию до логического завершения, то общество предстает в виде атомов, индивидуумов, которые объединены только некими общими закономерностями формирования сознания, и они становятся более легко уязвимыми объектами, чем это было даже в практиках XX в., когда тоталитарная идеология «оболванивала» целые нации.

Что же нужно самому обществу? Во-первых, мы должны ответить на вопрос, чем отличаются эти состояния общества в разных контекстах, включая цивилизационный. Что нужно: обрести большую свободу от государства или послушно согласиться с тем, что новые угрозы расширяют права государства на контроль? В 90-е гг. трудно было представить американцев, которые при всей своей законопослушности приняли бы более жесткие методы контроля в аэропортах, с чем достаточно легко смирились в течение очень короткого времени после событий 11 сентября 2001 г. Это результат чего — большей «оболваненности», когда нам объяснили, что эта угроза касается каждого и государство вынуждено ввести такие методы контроля, или же это вынужденная мера, воспринимаемая как необходимость? Таким образом, вектор рассуждения на эту тему зависит от того, что мы подразумеваем под общественными ожиданиями.

Курныкин О. Ю.: Спасибо за интересное выступление. Я хотел бы вернуться к теме, которая поднималась вчера в выступлении В.А. Рыжкова, а именно: конкуренция телевидения и Интернета на информационном поле. Мне кажется, что здесь есть не поднятые и неосмысленные проблемы. Информацию ведь можно рассматривать и как потребительский продукт. Россия приближается к стадии развития потребительского общества — это совершенно иной этап развития по отношению к советскому периоду. По мере этого меняется роль информации в жизни общества. Любой потребитель, приобретая товар на рынке, заинтересован в том, чтобы этот товар требовал от него минимум затрат при его потреблении. С этой точки зрения телевидение способно представить готовый продукт, в то время как Интернет требует от своих пользователей сознательных усилий. В связи с этим вопрос: как Вам представляются перспективы конкуренции телевидения и Интернета за пользователей? Здесь можно также учитывать тот факт, что телевидение и Интернет ориентированы на различные архетипы общественного сознания. Влияет ли модернизация общества на социальные процессы, которые происходят в обществе, на соперничество телевидения и Интернета? Насколько Интернет способен оказать серьезную конкуренцию телевидению в вопросе распространения информации?

Аршинцева О.А.: Спасибо за вопрос. Если рассматривать информацию как продукт, то мы должны различать контент. Если

это рекламный продукт, то все понятно. Потребительское общество более демократично. Реклама рассчитана не на университетского профессора, а на домохозяйку. Если мы различаем интеллектуальный продукт в этой информации, то надо все равно понимать, что он рассчитан на узкую аудиторию — это объективное явление. Как будет выглядеть то же американское общество через 25 лет? Людей с белой кожей там будет около половины, остальные будут по цивилизационным, расовым и социокультурным признакам отличаться от общей массы. Белый протестант-мужчина может рассматриваться как идеал американского гражданского общества XXI столетия? С какими проблемами он встретится? Будет ли в этой части социума Интернет конкурировать с другим, более примитивным информационным продуктом? В России в провинции около 25% пользователей, в отличие от центра, где 80% пользователей Интернета (например, в Москве). Когда возникнет конкуренция в среде 25% пользователей? И из этих 25% пользователей Интернета значительную часть составляют люди, у которых нет собственного дохода — это 13–14-тилетние пользователи. Станут ли они объектом информационного внешнего воздействия? Неизвестно.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Г. В. КАГИРОВОЙ

Курныкин О. Ю.: В связи со скандалом, произошедшим с фильмом «Невинность мусульман», в России сейчас обсуждается вопрос о закрытии ресурса YouTube. Как Вы считаете, поможет ли это в борьбе с теми выступлениями, которые наблюдаются в сети Интернет? Адекватны ли такие меры борьбы?

Кагирова Г. В.: Чтобы ответить точно на этот вопрос, необходимо обладать всей полнотой информации, связанной с мусульманским миром, в том числе с представителями данной конфессии в России. Я такой информацией не владею. Но мне кажется, что закрывать данный ресурс не будут. Я думаю, что у нас нет оснований полагать, что данная ситуация может сложиться в России сейчас. Те религиозные сообщества, которые у нас существуют, они — традиционные для нашей страны, и мне кажется, здесь такие провокации не должны найти отклика.

Чернышов Ю. Г.: Мне кажется, что здесь есть два варианта: либо принятие таких решений — результат безграмотности чиновников, либо это провокация, специально организованная для того, чтобы ограничить свободу в Интернете. Любой провокатор может свободно выложить провокационный материал в Интернет, дать юридический повод для закрытия популярных сайтов. Именно такую цель и преследуют авторитарные режимы — ограничение доступа к определенным ресурсам. Данный процесс мы можем наблюдать

в Китае, Казахстане, когда ограничивается доступ к ресурсам, представляющим опасность для режимов или высказывающим критические оценки в адрес власти. Здесь нужно искать какие-то более гибкие методы реагирования. Что касается фильма, то это, безусловно, сознательная провокация, чтобы разжечь конфликт.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Л. Г. КОВАЛЕНКО

Ульянов П. В.: Вы говорили о том, что информация представляет собой механизм взаимодействия и опасности. Интернет действительно имеет особую специфику. Не замечали ли Вы такой тенденции, что во многих американских фильмах и русских сериалах достаточно много сцен насилия, которые отрицательно воздействуют на человеческое сознание? Встречали ли Вы такие тенденции, которые бы свидетельствовали о том, что такие сцены воздействуют на сознание молодых людей? Почему, например, в настоящее время мы все чаще можем встречать агрессивных людей?

Коваленко Л. Г.: Я говорила о взаимодействии, распрощении знания, сближении людей в позитивном смысле. Вы спрашиваете о механизме опасности, формирующем определенную модель поведения, внедряющем мотивацию агрессии.

Курныкин О. Ю.: Людмила Георгиевна, в своем выступлении Вы упомянули о ведущейся против России информационной войне, русофобии. Что, на Ваш взгляд, лежит в основе этой русофобии и какие факторы и мотивы сказываются на этом? И второй вопрос. Можно ли с помощью информационных усилий создать новую модель мира?

Коваленко Л. Г.: Вопрос очень интересный. Негативный образ России имеет глубокие исторические корни. Россия всегда представлялась в историческом аспекте как агрессивная, отсталая страна, и сегодня этот образ транслируется и далее. Насколько это правильно? Мне кажется, это надуманный образ. Да, можно вспомнить какие-то события, но любое современное развитое государство в своей истории имело не очень красивые сюжеты.

Второй вопрос. Да, наверное, в перспективе можно создать новую модель мира.

Козулин В. Н.: Хотелось бы заметить по поводу русофобской тенденции на Западе. Мне кажется, здесь нужно соблюдать все-таки определенную политкорректность. Нельзя допускать односторонний подход относительно так называемой русофобии на Западе. В российской прессе и в определенных политических кругах существует аналог — американофобия или даже шире — западофобия. Я уже говорил сегодня о том, что нельзя говорить о фантомах «холодной войны» только применительно к России — они есть и на Западе.

де. А в данном случае, наоборот, нельзя говорить об односторонних негативных тенденциях в отношении к России со стороны Запада.

Коваленко Л. Г.: Ни одно социально-политическое явление или утверждение нельзя рассматривать однозначно. Все относительно. Но сегодня даже на постсоветском пространстве, в новых государствах эти проявления на уровне населения и даже государственной политики имеют место быть, что я и наблюдала иногда, находясь в Украине.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Ю.А. МИТЯЕВОЙ

Иванов С. А.: Скажите пожалуйста, в процентном соотношении сколько занимает канал «Russia Today» в медийном пространстве США, например, в Нью-Йорке?

Митяева Ю. А.: В Нью-Йорке охват канала «Russia Today» за 2011 г. вырос в 3 раза.

Овчаров Г. А.: Юлия Андреевна, спасибо за Ваше выступление. В продолжение предыдущего вопроса, вопрос о качестве вещания канала «Russia Today». На кого больше ориентирован канал и кто более восприимчив к деятельности этой компании — коренной американец или русские соотечественники-эмигранты?

Митяева Ю. А.: Я думаю, что отдельные сюжеты могут быть интересны как тем, так и другим. На самом деле канал иногда выбирает проблемные, острые моменты, которые каналы ВВС и CNN не освещают. Есть такая информация, что в пяти крупнейших городах США — Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Чикаго — телеканал «Russia Today» обогнал по популярности другие международные информационные каналы. В Вашингтоне ежедневная аудитория канала в 13 раз превышает аудиторию немецкого «Deutsche Welle», почти в 8 раз аудиторию китайского «CCTV-News» и почти в 4 раза аудиторию каналов «EuroNews» и «France24».

Козулин В. Н.: Как бы Вы оценили эффективность телеканала «Russia Today» по выполнению его основной задачи — улучшению имиджа России? И мотивируйте, пожалуйста, свою оценку.

Митяева Ю. А.: Вопрос оценки эффективности — один из ключевых вопросов оценки деятельности PR-кампаний. Очень сложно давать общую оценку, можно говорить о каких-то конкретных кампаниях, которые проводились. Допустим, тот же заказ постеров. Определенные бюджетные средства были на это потрачены, приводились официальные данные. И в конечном итоге можно оценить отношение интернет-аудитории к этой информационной кампании. Если западная аудитория сочла применение таких средств креативным, то отечественная аудитория считает, что луч-

ше было бы эти средства потратить на образование и здравоохранение, другие социально-значимые вопросы.

Козулин В. Н.: Но если говорить в целом, какова все-таки роль этого телеканала в улучшении имиджа России? Есть ли хоть какие-то подвижки или, может быть, вообще смысла нет в существовании этого канала?

Митяева Ю. А.: Безусловно, определенный смысл есть, потому что в условиях развития информационного общества очень важно, чтобы эти каналы имели активное влияние именно в интернет-среде. Не оценивая конкретный вклад телеканала «Russia Today» в формирование имиджа России, можно сказать, что по разветвленности каналов в сети Интернет является достаточно неплохим примером и образцом для многих западных компаний, потому что очень таргетированные есть интернет-проекты, которые вносят ощутимый вклад. Например, тот же проект об участниках Великой Отечественной Войны, когда ветеранов снимали на видео и их интервью были переведены на английский язык — то есть это было ориентировано на западного пользователя в первую очередь. Я думаю, что такие проекты должны быть и на них действительно стоит тратить деньги.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Е. А. ГОРБЕЛЕВОЙ

Кротов А. В.: Чья позиция, России или Белоруссии, в этом конфликте и предыдущих газовых, нефтяных и молочных войнах была более корректной? И еще хотелось бы уточнить вот какой момент: Вы озвучиваете российскую позицию в этом конфликте, опираясь на российские экспертные материалы или на белорусские?

Горбелева Е. А.: Спасибо за вопрос. Если говорить обо всех конфликтах между Россией и Белоруссией, то в коротком выступлении достаточно сложно адекватно оценить, позиция какой стороны была корректной. Вообще, у историков существует такая точка зрения, что в любом конфликте виноваты обе стороны. Я думаю, что данная точка зрения является наиболее приемлемой, потому что когда происходит какой-либо конфликт, стороны иногда забывают о рамках приличия. Поэтому можно говорить о том, что, безусловно, есть вина той и другой стороны, но конкретно в информационной войне однозначно можно говорить о том, что есть вина России. Данная кампания против Белоруссии была инициирована специально, накануне президентских выборов в Белоруссии, и кроме того, в одностороннем порядке со стороны России. Все началось с того, что российская сторона 4 июля 2010 г. в эфире телеканала НТВ показала документальный фильм «Крестный батька», который содержал в себе очень много противоречащих фактов,

порочащих честь президента Республики Беларусь. Показ остальных частей этого фильма продолжался в июле, в августе. Лишь после этого белорусская сторона смогла включиться в информационное противоборство.

Овчаров Г.А.: Не кажется ли Вам, что мы слишком нагнетаем обстановку, называя информационное противоборство российского и белорусского руководств «информационной войной»? Можно ли в принципе в данном контексте употреблять термин «информационная война» применительно к российско-белорусским отношениям? В моем понимании «война» — более серьезное явление, и средства ее ведения не выбираются. Например, активно строится и используется «образ врага» в лице противника и его народа. Я, например, как гражданин Российской Федерации, не испытываю ненависти или какой-то предубежденности по отношению к белорусам, наоборот, только симпатию. Мне кажется, что белорусы тоже не испытывают негативных чувств к россиянам. Может быть, правильнее было бы употребить фразу «информационное противоборство руководств Республики Беларусь и Российской Федерации»?

Горбелева Е.А.: Что касается термина «информационная война», то здесь он больше используется, с одной стороны — для экспрессии, а с другой — чтобы показать, что такого конкретного противоборства именно в информационной сфере на постсоветском пространстве, и в частности, в российско-белорусских отношениях, ранее не было. Это попытка показать прецедент, то, что мы имеем дело с совершенно новым инструментом в международных отношениях и конкретно в отношениях России с другими странами постсоветского пространства. Почему используется термин «информационная война» в данном контексте? Потому что мы имеем дело с информационными атаками с обеих сторон. Многие люди посчитали информационной войной разногласия между Россией и Беларуссией по поводу авиаперелетов в апреле 2012 г. Белорусские газеты выходили с заголовками «Белоруссии обломали крылья», «Белорусское небо прогнулось под российские крылья», апеллировали словами «Белоруссию нагнули», «наклонили». Несмотря на то, что в отношении этого инцидента также используется термин «информационная война», он не является таковым, потому что здесь мы имеем дело с белорусским ответом, белорусской позицией. Российская сторона не дает никаких вызовов по этому поводу. Таким образом, если мы сталкиваемся с односторонним конфликтом, мы не называем его информационной войной.

Что касается «образа врага» применительно к белорусам, то надо сказать, что из белорусов никто не конструирует образ врага. Даже бывший во время случившегося конфликта прези-

дентом Д. А. Медведев неоднократно подчеркивал, что белорусы нам дружественный народ, братский, и негативную политику ведет белорусское правительство — акцент был сделан именно на этом моменте. Также говорилось о том, что России и Белоруссии, как двум дружественным странам, необходимо помириться.

Как таковой «образ врага» всегда присутствует в любых конфликтах, потому что образ врага позволяет мобилизовать силы одной стороны против другой. С другой стороны, образ врага помогает отвлечь население от внутренних проблем, сконцентрировав их на внешнем вызове.

Козулин В. Н.: Меня, честно говоря, ошеломил Ваш доклад. Традиционно считается, что информационные войны ведутся между Россией и Западом, а здесь идет речь о близких друг к другу бывших советских республиках, дружественно настроенных друг к другу народах. Между ними возникает информационная война, причем развязанная Россией. Это звучит несколько дико. В этом отношении я согласен с предыдущим высказыванием Г. А. Овчарова, что мы имеем дело не с информационной войной между странами, а с информационной войной политических элит, руководством, имеющей экономические мотивы. Конечно, это не должно ни в коем случае повлиять на наши добрые, добрососедские отношения наших двух очень близких, если не самых близких славянских республик.

Горбелева Е. А.: Я соглашусь с Вами, что в большей степени истоки этого противостояния исходят от политических элит, политического истеблишмента.

Чернышов Ю. Г.: Уже не первый раз мы не четко различаем понятия «народ», «страна» и «государство». Когда говорили о русофобии на Западе, то надо иметь в виду, что довольно часто речь тоже идет о критике политического режима, а не о неприязни к русским людям. Если говорить применительно к Белоруссии, то стоит отметить, что информационная атака велась по сути против А. Г. Лукашенко, а не против страны или народа. Но в то же время каким-то образом механически отделить эти элементы друг от друга нельзя, потому что если компромат обрушивается на президента, то страна все равно страдает, и люди, поддерживающие президента, чувствуют себя оскорбленными. Опросы общественного мнения в России показывают, что в целом наблюдается положительное отношение к белорусам, но появились определенные критические нотки в их адрес в русле: «белорусы, конечно, хорошие ребята, но мы их слишком долго и много кормим». Когда люди видят по телевизору, что А. Г. Лукашенко не выполняет обязательств, то они переносят это и на страну, которой он руководит.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА А. В. КРОТОВА

Кругова Н. И.: Как Вы считаете, что является главным условием удачного продвижения одной из сторон в информационной войне? Допустим, у Вас есть реальный противник и Вам нужно вести против него информационную войну. Каковы должны быть условия, чтобы Ваши действия в этой информационной войне были успешными?

Кротов А. В.: Вчера нам озвучил три условия В. А. Рыжков в своем докладе. Если говорить в целом, то у военных есть такая формула: «Когда вы штурмуете крепость, ваше военное превосходство должно быть 1:7», тогда это будет победная война. В информационном противостоянии должны быть адекватные усилия — финансовые, интеллектуальные. Если приходится противостоять другой стороне извне, то у нас есть большой плюс: мы знаем свою ментальность, свою историю, свои сильные стороны. В этом плане мы можем обыграть противника. Но здесь есть и большой минус: иногда среди населения слишком большой процент негативно ко всему относится.

Вся проблема сейчас состоит в том, что возникает большая группа людей, которые не верят никому. Это проблема не только России, это проблема всего развитого мира. Что произойдет при диктате интернет-информации? Если государство отойдет от первостепенства и не будет лидером в формировании информационного поля, то кто будет его формировать? Людям очень сложно определиться в условиях информационного противоборства. Чувствуется, как формируется негативный образ России и россиян в Украине. В особенности это чувствуется у людей, которые представляют государственную машину, это военные, например.

Чернышов Ю. Г.: Александр Викторович, спасибо за интересный доклад. Вы озаглавили свою таблицу «Примеры антагонистической трактовки идентичных явлений». Получается, сепаратизм и цветные революции — идентичные явления?

Кротов А. В.: Нет. Вот, например, если мы оцениваем явление как «сепаратизм», то у чеченцев оно выступает как «национально-освободительная борьба».

Козулин В. Н.: Исходя из Вашей классификации, не совсем понятно, что Вы подразумеваете под «бархатной революцией»? Ведь обычно «бархатной революцией» называются конкретно-исторические события (в Чехословакии).

Кротов А. В.: В данном контексте под «бархатными революциями» я понимаю мягкий вариант смены режима. Например, как бы ни представляли жесткой «оранжевую революцию» на Украине российские СМИ, там не было ни одной человеческой жертвы. Это

тоже вариант «бархатной революции». Еще один пример — распад Чехословакии.

Заккрытие конференции

ЧЕРНЫШОВ Ю. Г. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Конференция началась с методического семинара, на котором обсуждались новые тенденции и подходы в преподавании международных отношений, а затем мы перешли к обсуждению темы информационных войн. Всего было заслушано 18 докладов.

Я думаю, мы приблизились к главной цели конференции, к раскрытию проблемы, которая звучит в тематике мероприятия. Наверное, многие почувствовали, что сам термин «информационная война» во многом условен и иногда нужно использовать более мягкие определения, необходимо уточнять, на каком уровне ведется война, против кого она ведется, является ли она взаимной. Когда вообще начинаются информационные войны — только когда появляются компьютерные технологии или раньше, как соотносится это с пропагандой? Хорошо, что во многих докладах произошло приближение к этому пониманию.

Я думаю, что материалы нашей конференции будут полезны студентам и просто читателям, помогут понять суть того, что называют «информационными войнами». Главное, что необходимо отметить: что мир в информационном плане резко усложнился, информационные потоки идут со всех сторон, людям очень трудно верифицировать истину. Здесь возможны два основных варианта. Либо мы возвращаемся к одному официальному телеканалу, который говорит нам, как нужно думать, либо современным людям нужно адаптироваться к усложнившимся условиям и уметь более критично, самостоятельно оценивать информацию, проверять ее из разных источников. Второй вариант, конечно, более соответствует запросам времени. Именно этому — критически осмысливать информацию — мы и учим наших студентов.

Уже определена тема будущей конференции, которая звучит следующим образом: «Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения». Это очень широкая тема, но речь преимущественно пойдет о контактных зонах, где пересекаются интересы разных цивилизаций, возникают конфликты на этноконфессиональной почве, где идет активный диалог культур.

Надеюсь, на следующий год у нас также будет возможность встретиться и обсудить обозначенные проблемы. Спасибо всем, кто принял участие! До новых встреч!

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
СЕМИНАР
«НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ
И ПРЕПОДАВАНИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ»**

Л. В. Дериглазова

ПРОГРАММА ЖАНА МОННЕ НА РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Материал подготовлен на основе презентации, проведенной представителями программы Жана Монне в Москве, 6 июня 2012 г., и предоставленного слайд-шоу.

JEAN MONNET PROGRAMME — Программа Жана Монне — реализуется специальным агентством в системе институтов Европейского Союза — Агентством по Образованию, Аудиовизуальному (представлению ЕС) и Культуре (ЕАСЕА — Education, Audiovisual & Culture Executive Agency), занимающимся, в том числе, вопросами обучения и образования в течение всей жизни (Education and Training Lifelong Learning).

Структура программы Жана Монне

Программа Жана Монне подразделяется на 3 вида грантов:

Jean Monnet Action — индивидуальные гранты для преподавателей и исследователей.

Operating grants to support specified institutions — гранты для поддержки институтов.

Operating grants to support European associations active at European level in the field of education and training — гранты для поддержки европейских ассоциаций, которые действуют в области образования и профессиональной подготовки.

Программа направлена на достижение нескольких целей:

Стимулирование высокого уровня преподавания, исследований и дискуссий в области изучения европейской интеграции на уровне институтов высшего образования в странах ЕС и за его пределами.

Поддержка в организации различных мероприятий по обсуждению проблем европейской интеграции — таких, как конференции, семинары для преподавателей, политиков, представителей гражданского общества.

Поддержка институтов в области исследований ЕС и ассоциаций в области подготовки специалистов по ЕС.

Программа была инициирована в 1989 г. с целью введения курсов по изучению европейской интеграции в университетах. Программа носит имя одного из «архитекторов» Европейского союза Жана Монне, (1888–1979 гг.), французского государственного дея-

теля, вдохновителя создания первого объединения, положившего начало европейской интеграции — Европейское объединение (Сообщество) угля и стали.

Программа реализуется в 72 странах мира, в более чем 780 университетах. Реализовано около 3650 проектов в области исследований европейской интеграции. Индивидуальные гранты получили более 1650 профессоров. Более 200000 студентов в год слушают курсы по этой программе.

Что понимается под «изучением европейской интеграции» в рамках программы:

- *изучение происхождения и эволюции европейской интеграции во всех её аспектах;*
- *анализ внутренней и внешней политики ЕС;*
- *изучение роли ЕС в диалоге между народами и культурами.*

NB! Сравнительный анализ национального опыта не считается частью изучения европейской интеграции.

Поддерживается два типа деятельности: 1) преподавание и 2) научная деятельность.

Предметная область и типы деятельности

Преподавание:

1. Jean Monnet Chair — поддержка позиции/ставки преподавателя со специализацией по европейской интеграции с минимумом учебной нагрузки в 90 часов в год.
2. «Ad personam» Jean Monnet Chair — поддержка работы преподавателя, который в прошлом получал грант Jean Monnet Chair, который продемонстрировал высокий уровень преподавания, в том числе на международном уровне, научных публикаций и/или профессор, который занимал высокий пост в области практической деятельности в сфере европейской интеграции.
3. Centre of Excellence — поддержка многодисциплинарной структуры, которая объединяет академические, человеческие и документальные ресурсы в области европейских исследований и исследования в одном или более университетов.
4. European Module — короткая программа по европейской интеграции с минимальным объемом преподавания в 40 часов в год, может быть многодисциплинарной.

Научная деятельность:

- 1) Associations of professors and researchers specializing in European integration: ассоциации, главной целью которых является развитие исследований в области европейский

- исследований и усиление влияния региональных и национальных научных ресурсов в этом направлении;
- 2) Information and research activities relating to European integration: направлена на поддержку дискуссий и знаний о европейской интеграции через проведение конференций и семинаров;
Learning EU at School: поддержка преподавания курсов о ЕС в школах;
 - 3) Multilateral research groups: поддержка связей между исследователями, что может привести к созданию академических связей с общим исследовательским планом и междисциплинарной синергией в области европейских исследований.

Приоритетные направления деятельности

Преподавание (JEAN MONNET CHAIRS, AD PERSONAM CHAIRS, EUROPEAN MODULES). Приоритетными направлениями являются проекты:

- *открытые для студентов других вузов из этого же города или региона и студентов, которые обычно не изучают европейскую интеграцию (медицина, инженерные специальности, естественные и точные науки, иностранные языки);*
- *направленные на образование в течение всей жизни (обучение взрослых) и открытые для участия представителей гражданского общества (преподавателей школ, журналистов, различных профессиональных групп и т. д.);*
- *способствующие развитию гражданского общества.*

Приоритеты в научной деятельности (JEAN MONNET CENTRES OF EXCELLENCE, INFORMATION AND RESEARCH ACTIVITIES, MULTILATERAL RESEARCH GROUPS):

- *мультидисциплинарные проекты, направленные на гражданское общество;*
- *с участием молодых профессоров или ученых;*
- *создание и развитие национальных и международных исследовательских групп по изучению европейской интеграции;*
- *направленные на создание транснациональных видов деятельности и структурных связей между академическими институтами с целью:*
- *реализация научных проектов, осуществление которых на уровне отдельных стран было бы невозможно;*
- *развитие курсов и методик по преподаванию европейской интеграции в школах и институтах обучения взрослых;*

- *развитие транснациональных проектов по написанию истории европейской интеграции с точки зрения общеевропейских подходов.*

Финансирование программы

Бюджет программы составляет: 7,933,821 евро

Максимальное финансирование на один грант (по типу деятельности):

Тип деятельности	Максимум (EUR)	Общая сумма финансирования (EUR)	Минимальное количество стран	Продолжительность
Jean Monnet Chairs	45,000	4,500,000	1	3 года
Centres of Excellence	75,000			
Modules	21,000			
Associations of Professors and Researchers	25,000	67,021	1	3 года
Information and Research Activities	40,000	1,135,400	1	1 год
Learning EU at School	60,000	2,000,000	1	1 год
Multilateral Research Groups	80,000	231,400	3	2 года

Maximum вклада ЕС (от всей суммы гранта): 75%.

С 2010 г. гранты определенного типа финансируются на основании единой ставки, и бюджет гранта рассчитывают с учетом определенной заранее стоимости единицы. (Flat-rate system of financing): Chairs, Modules, Information and Research Activities). Для проектов Jean Monnet Chairs and Teaching Modules — это ставка оплаты за количество часов преподавания. Для проектов Information and Research Activities — ставка определяется по количеству участников мероприятий.

Критерии отбора и присуждения гранта:

1. Качество заявки и консорциума.
Резюме — CV и список публикаций.
2. Качество методологии и рабочей программы.
*Соответствие методологии заявленным целям.
Ясное и точное планирование деятельности.
Ясное и точное определение содержания преподавания или исследования.*

3. Влияние и соответствие результатов целям программы.
Соответствие предполагаемых результатов целям проекта.
Вклад в развитие знаний о ЕС.
4. Инновационный характер проекта.
Отражает новые тенденции с точки зрения участия новых институтов и содержания проекта.

Программа Жана Монне в России

Годы	Количество заявок	Количество выделенных грантов
2007	1	1
2008	3	2
2009	14	1
2010	12	1
2011	19	8
2012	9	2
Всего	58	15

Всего за период 2007–2011 гг. были поддержаны 680 проектов во всем мире, из них 13 из России, т. е. 2% от всех проектов: 4 Modules, 3 Chairs, 1 Centre of excellence, 5 IRA.

Всего было поддержано проектов в России с 2001 г. 22: 7 Modules, 8 Chairs, 1 Centre of excellence, 1 Association, 5 Information and Research Activities. Из них 12 из Москвы (55%), включая 6 из МГИМО. В 2011 г. проекты, связанные с преподавательской деятельностью, были поддержаны из городов: Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород и Петрозаводск.

В 2012 г. отмечено малое количество заявок, всего 9 по сравнению 19 заявками в 2011 г. Победителями отбора стали Николай Юрьевич Кавешников, зав. кафедрой европейской интеграции МГИМО и Лариса Валериевна Дериглазова, проф. кафедры мировой политики ТГУ, директор Центра ЕС в Сибири.

Календарь подачи заявок и их оценки:

- Август/сентябрь 2012 — Объявление о новом туре отбора (Publication LLP Call for proposals).
- 15 февраля 2013 — крайний срок подачи заявок (Deadline for submission of proposals).
- Июнь 2013 — публикация результатов отбора (Publication of results).
- Июль/август 2012 — подписание контракта (Contractualisation process).

- 1 сентября — начало действия грантового соглашения (Start of the eligibility period).

Интернет- страницы программы Жана Монне:

- LLP — Jean Monnet Programme — Executive Agency (EACEA)
Websites: http://eacea.ec.europa.eu/llp/funding/2013/call_jean_monnet_action_ka1_2013_en.php LLP —Jean
- Monnet Programme —European Commission's (DG EAC)
Website: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-programme/doc88_en.htm LLP —Jean Monnet
- Programme — Directory of ongoing projects:
<http://eacea.ec.europa.eu/llp/jeanmonnet/directory/>

Для получения дополнительной информации вы можете обратиться по адресу электронной почты в программу Жана Монне: EACEA-AJM@ec.europa.eu

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Л. В. ДЕРИГЛАЗОВОЙ:

Демчик Е. В.: Кто является экспертами по рассмотрению гранта? Есть ли там представители России?

Дериглазова Л. В.: Европейская комиссия экспертов формируется из людей, которые работали с этими грантами: были руководителями, экспертами. Таким людям поступает предложение стать экспертом и войти в комиссию. Для этого нужно заполнить специальную анкету он-лайн. Что касается второго вопроса, то да, безусловно. Европейские комиссии стараются работать с представителями всех стран.

Демчик Е. В.: Динамика получения российскими экспертами грантов выглядит очень грустно. Как Вы считаете, с чем связано низкое число полученных грантов? Или опасение не выиграть приводит к тому, что с российской стороны поступает мало заявок?

Дериглазова Л. В.: На сайте грантовой программы указаны основные ошибки, которые допускают претенденты. Кроме того, программа является достаточно узкой и подходит не всем исследователям. Среди субъективных причин можно отметить страх, незнание, несерьезное отношение к заполнению заявки. Многие отсылают старые гранты, неподходящие по теме или оформлению.

Курныкина Г. И.: Предполагает ли программа участие студентов?

Дериглазова Л. В.: Только как слушателей программ, проведенных в рамках гранта.

С. М. Юн

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ДВОЙНОГО МАГИСТЕРСКОГО ДИПЛОМА ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Отделение международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (ТГУ) реализует две программы двойного магистерского диплома: с 2008 г. программу в области европейских исследований совместно с бельгийским франкоговорящим Свободным университетом Брюсселя (СУБ); с 2010 г. программу в области международных отношений и международной торговли совместно с тайваньским Университетом Фэн Цзя (УФЦ, г. Тайджун). За прошедший период обе программы прошли весь учебный цикл от организации набора до проведения защит магистерских диссертаций и выдачи дипломов. 10 человек успешно закончили программы и получили два диплома; 10 человек обучаются на I–II курсах. Появилась возможность оценить исходные конкурентные позиции выпускников программ двойного диплома на рынке труда.

Модели программ сходны, но не идентичны. Программа ТГУ и СУБ двухгодичная: первый год обучения студенты проводят в ТГУ по учебному плану первого года магистерской программы «Исследования Европейского Союза»; второй год — в СУБ по учебному плану второго года магистерской программы «Европейские исследования» (специализация «политические аспекты»). По договору для студентов двойного диплома в СУБ также открыта специализация «история и культура Европы», однако до сих пор никто ее не выбирал. Программа ТГУ и УФЦ может длиться от 2 до 3 лет в зависимости от способностей студента: первый год в ТГУ по учебному плану первого года магистерской программы «Региональные исследования Восточной Азии»; второй год — в УФЦ по учебному плану магистерской программы «Международная торговля»; в случае необходимости следующие полгода или год — в ТГУ или УФЦ по выбору студента для подготовки и защиты магистерской диссертации. Из четырех студентов, зачисленных в 2010 г. на программу ТГУ — УФЦ, трое смогли завершить ее за два года, и лишь один студент продлил обучение на семестр.

ТГУ стремился к тому, чтобы сделать программы двойного диплома симметричными, предусматривающими мобильность студентов каждого вуза-партнера. Еще на этапе разработки программы ТГУ — СУБ проводилась оценка возможного спроса на обучение со сторо-

ны студентов СУБ. Ее вывод — отсутствие интереса из-за слабого изучения русского языка в вузе. Поэтому в соглашении о двойном дипломе, включая статью о процедуре отбора, прописаны условия «односторонней» мобильности только российских студентов. Соглашение ТГУ — УФЦ было составлено таким образом, что позволяет тайваньским студентам участвовать в программе наравне с российскими. Тогда руководство УФЦ, имеющего связи и с другими российскими вузами, планировало введение курсов по русскому языку. Однако эти планы не были реализованы и поэтому тайваньские студенты в программе двойного диплома не участвуют.

Один из ключевых вопросов для любого вида мобильности студентов — это оплата расходов, связанных с обучением в другом вузе. В Бельгии высшее образование платное: около 850 евро в год для бельгийцев и граждан других стран Евросоюза, около 4400 евро — для граждан остальных стран, включая Россию. Статья 4 соглашения ТГУ-УФЦ содержит обязательство СУБ ежегодно брать оплату за обучение с трех студентов ТГУ по льготному тарифу — как с бельгийцев. Данная статья выполняется в полной мере и служит существенным подспорьем для российских студентов. Что касается Тайваня, то в этой стране действует правительственная программа содействия вузам в привлечении иностранных студентов. В соглашении ТГУ — УФЦ содержится обязательство УФЦ ежегодно выделять российским студентам 5 стипендий, которые компенсируют львиную долю расходов на проживание и обучение. За свой счет студенты должны оплачивать только получение визы, проезд и питание, причем, по словам выпускников программы, стоимость жизни на Тайване даже ниже, чем в Томске.

Кроме того, одновременно с разработкой программы ТГУ и СУБ подали заявку на ее поддержку со стороны бельгийских региональных властей в рамках сотрудничества Российской Федерации, с одной стороны, и Французского сообщества и Валлонского региона Королевства Бельгии, с другой, в области науки, образования и культуры в 2008–2010 гг. Конкурсная заявка ТГУ — СУБ была одобрена. Выделено по одной стипендии на 2009/2010 и 2010/2011 учебные годы, каждая сроком на 10 месяцев и в объеме, достаточном для покрытия всех расходов. В 2010 г. ТГУ и СУБ подали очередную заявку на выделение стипендий для студентов в рамках программы сотрудничества в 2011–2014 гг. Решение о том, кому из студентов выделить стипендию, выносится в конце первого года обучения на основе результатов зачетных недель и экзаменационных сессий. Такая система стимулирует более ответственное отношение к учебе и даже конкуренцию между студентами. Важно проследить, чтобы эта конкуренция не выливалась в соперничество за рамками корректности.

Участие в программах двойного диплома дает студентам очевидные преимущества по сравнению с обучением только в магистратуре ТГУ: возможность изучения широкого круга дисциплин в других вузах (блоки дисциплин по праву, экономике, политике, истории европейской интеграции в СУБ; блоки дисциплин по международной торговле и ее региональной специфике в УФЦ); совершенствование языковой подготовки (в СУБ занятия ведутся на французском и английском языках, в УФЦ — на английском, но изучение китайского является обязательным); прохождение практики; расширение кругозора и налаживание личных связей. Кроме того, реализация подобных программ приносит большие выгоды факультетам и университетам: стимулирует набор на родственные бакалаврские программы, интерес к конкретным иностранным языкам; способствует повышению квалификации преподавателей и реформированию учебного процесса; обеспечивает объективную внешнюю оценку деятельности и т. д.

В то же время подобные программы являются очень сложными (разные правила и практики в вузах-партнерах) и затратными (малое количество участвующих студентов из-за высоких входных требований в отношении языковой подготовки) с точки зрения их администрирования. Во-первых, значительно осложняет жизнь студентов двойного диплома получение визы. Длительным и дорогим является сбор различных документов. Например, справку о состоянии здоровья для получения визы в Бельгию выдают лишь несколько медицинских учреждений, аккредитованных Посольством Бельгии в Москве и Санкт-Петербурге. Стоимость учебной визы значительно выше, чем обычной туристической. В этой связи важно, чтобы абитуриенты заранее знали об этом, а студенты заранее готовились. Для облегчения процесса и с учетом изменчивости правил была организована регулярная передача опыта, когда каждый новый поток студентов двойного диплома, прошедший процедуру получения визы, обновляет справочную информацию о требованиях и тонкостях в письменном виде для следующего потока.

Во-вторых, имеет место проблема адаптации томских студентов к иной стране и иной образовательной среде. Она особенно характерна для студентов программы ТГУ — СУБ, которые включаются в поток магистрантов СУБ второго года обучения. В отличие от своих сокурсников, они еще не знакомы со всеми правилами и требованиями учебного процесса в СУБ, и в то же время им как второкурсникам уже никто не обязан ничего подробно объяснять. А впереди, в течение всего одного учебного года — занятия и экзамены по учебным дисциплинам, подготовка и защита диссертации, при желании — прохождение практики. Поэтому важно заранее и как можно более полно информировать студентов двой-

ного диплома об условиях и требованиях обучения в зарубежном вузе путем распространения его официальных материалов (например, о правилах написания и оформления письменных работ), а также содействия в установлении контактов между студентами и выпускниками программы. Определенную роль в этом вопросе играет и общение студентов с представителями СУБ в Томске в рамках ежегодного обмена преподавателями между ТГУ и СУБ, поддерживаемого на условиях софинансирования бельгийскими региональными властями. Студенты программы ТГУ — УФЦ проходят адаптацию значительно легче, так как вливаются в поток первого курса магистратуры УФЦ и таким образом вместе со всеми остальными знакомятся с требованиями вуза.

Оценки за зачеты и экзамены во время обучения в ТГУ выставляются как по российской шкале (в зачетные книжки и ведомости), так и по принятой в СУБ и в УФЦ шкале в соответствии с прилагаемой к соглашениям шкалой перевода оценок (отдельный столбик в ведомости). Шкалы перевода были согласованы во время разработок соглашений о совместных программах, и тогда казалось, что все точки расставлены над «i». Однако только реализация программ и получение оценок одними и теми же студентами в Томске и Брюсселе/Тайджуне позволили увидеть нюансы сложившейся в вузах-партнерах практики выставления оценок. В России оценки за экзамены имеют значение, например, с точки зрения назначения на стипендию или определения, какого «цвета» будет диплом. В этой связи настоятельно рекомендуем коллегам, разрабатывающим совместные программы, тщательно обсуждать шкалу перевода оценок; если возможно, предварительно проконсультироваться с российским выпускником зарубежного вуза-партнера.

Соглашения с вузами-партнерами ТГУ предусматривают написание и защиту одной магистерской диссертации. В обоих случаях в качестве одного из вариантов была апробирована защита в режиме видеоконференции: в студии в Брюсселе/Тайджуне находятся студенты-выпускники, их научные руководители и рецензенты от СУБ/УФЦ, в студии в Томске — государственная аттестационная комиссия, научные руководители и рецензенты от ТГУ. Процедуры защиты выпускных работ сходны в ТГУ, СУБ и УФЦ, поэтому согласовать регламент было не сложно. Защита в таком режиме имеет большое значение для ознакомления обеих сторон с практикой вуза-партнера и укрепления взаимного доверия. В то же время ее организация требует значительных усилий, так как преподаватели СУБ/УФЦ — часто люди-практики, либо очень мобильные профессора, преподающие в вузах других стран.

Какова профессиональная судьба первых выпускников в первые послевузовские годы? В 2010 г. и 2011 г. было выпущено 6 че-

ловек по программе ТГУ — СУБ. Из них двое остались в Бельгии, четверо вернулись в Россию, в Сибирь. Те, кто остались в Бельгии, в итоге устроились по профилю, хотя поначалу испытывали сложности. Одна стала помощником редактора журнала, специализирующегося на международных вопросах, прежде всего европейской политике. Вторая — сотрудником компании, организующей международные мероприятия с участием представителей России и ЕС (хотя выпускница говорит, что это ненадолго). Из четырех вернувшихся одна работает в департаменте международных и региональных связей областной администрации, две других — в коммерческих организациях, ведущих международную деятельность на европейском направлении, последняя — в организации, содействующей малому и среднему бизнесу России в поисках зарубежных партнеров в странах Евросоюза. В июне-сентябре 2012 г. закончили обучение 4 человека: 1 по программе ТГУ — СУБ (планирует идти в аспирантуру ТГУ) и 3 по программе ТГУ — УФЦ. Из трех последних пока есть данные по одной выпускнице, которая устроилась работать в тайваньскую компанию, ведущую бизнес в России. Таким образом, практика подтверждает значимость программы двойного диплома с точки зрения трудоустройства выпускников.

В целом, несмотря на серьезные организационные трудности, программы двойного диплома состоялись. Завершилась «обкатка» всех организационных аспектов, и программы перешли в режим автоматического функционирования. В планах факультета — расширение географии асимметричных программ двойного диплома (ближайшая перспектива — Китай, отдаленная — Германия, США, Великобритания), а также разработка магистерской программы по направлению «Регионоведение России» на английском языке, на базе которой можно было бы строить уже симметричные, «взаимомобильные» программы двойного диплома с зарубежными вузами

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА С. М. ЮНА

Курныкин О. Ю.: У меня вопрос из сферы высокой политики. Ваша подготовка магистров по восточноазиатским исследованиям осуществляется на основе сотрудничества с Тайваньским университетом. Нет ли у Вас проблем с сотрудничеством с материковым Китаем? Как это может сказаться для студентов факультета в плане сотрудничества с университетами Китая?

Юн С. М.: Спасибо за такой «острый» вопрос. Я знаю, что есть разные подходы в университетах по «тайваньскому» вопросу. Есть университеты, которые считают, что развитие отношений с Тайванем мешает, такие университеты считают приоритет-

ным направлением Китай, поэтому с тайваньскими ВУЗами никаких совместных программ они не реализуют. Например, так объяснял позицию отделения востоковедения Высшей школы экономики проф. А. А. Маслов. Что касается ТГУ, то ТГУ придерживается другой позиции, полагая, что одно другому не мешает. Томская область и Томский университет давно развивают отношения с Тайванем, с тайваньскими ВУЗами, и практика показывает, что мы не нарушаем договоренностей, которые есть у России и Китая, о том, что Тайвань не признается в качестве суверенного, не поддерживаются политические контакты, но допустимо развитие экономического, культурного и другого сотрудничества. По крайней мере, я не наблюдал такого, чтобы к нашим студентам применялись политически мотивированные решения по этому вопросу. Наши выпускники регулярно выигрывают правительственные гранты, гранты мэрии и университета. У нас есть контакты с институтом Конфуция, партнерство с Шиньцзянским ВУЗом, который курирует этот институт. Мы также получаем запросы на развитие сотрудничества от других китайских ВУЗов, в частности, от Шанхайского университета. Таким образом, можно сказать, что каких-то серьезных проблем с сотрудничеством с Китаем из-за Тайваня нет.

Малышева Н. С.: Скажите пожалуйста, почему все-таки нет желающих изучать русский язык на Тайване и в Брюсселе? Причина именно в этом — что столкнулись со сложностями, что нет желающих?

Юн С. М.: Необходимо все-таки сделать уточнение. Русский язык изучается. В Брюсселе больше, чем на Тайване. Мало, конечно, но может быть, это зависит от традиций преподавания, от конкретных профессоров, есть ли они или нет. Что касается Брюсселя, то последние годы изучение России и русского языка там расширяется. И хотя у нас нет студентов двойного диплома из Бельгии, у нас уже есть небольшой опыт приема студентов, аспирантов из Брюсселя на стажировки или по обмену. Что касается Тайваня, то в Бельгии есть традиции изучения России и русского языка, в Тайване меньше. Раньше вообще в этом ВУЗе не было традиции изучения России и русского языка. Сейчас там есть наши студенты, и именно опираясь на студентов, пытались его ввести. К сожалению, я не владею детальной информацией, в каком объеме и почему у них не получилось это сделать. Здесь может быть еще такой аспект: наша программа в ТГУ, часть программ двойного диплома — это все-таки программа по Восточной Азии, может быть, тайваньским студентам это не совсем интересно. Сегодняшняя позиция в университете такова, что нужно развивать программы англоязычные и программы российских исследований, как это про-

исходит на историческом факультете. Может быть, это будет привлекать студентов из-за рубежа, в том числе, из ВУЗов-партнеров.

Аршинцева О. А.: Как соотносятся программы двойного диплома с современными образовательными российскими стандартами? Подлежат ли они аккредитации? Сопрягаются ли они с нашими государственными стандартами или для них это необязательное требование?

Юн С. М.: На факультете было принято такое решение, что наши студенты, являющиеся участниками программы двойного диплома, а следовательно, обучающиеся в двух магистратурах, должны выполнить обязательный набор всех курсов, плюс дополнительно входящие в учебный план научно-исследовательскую работу, практики, саму диссертацию. Что касается курсов по выбору — то их минимальный набор. Мы закрываем их теми курсами, которые они проходят в ВУЗах-партнерах. Если говорить о технической стороне, то раньше мы включали предлагаемые другой стороной курсы в учебный план, чтобы не было никаких претензий со стороны Министерства. Но здесь есть проблема: каждый курс должен подкрепляться соответствующей рабочей программой. Здесь возникали определенные сложности. Например, на Тайване по каждому курсу есть развернутая программа, а в Бельгии полноценной рабочей программы может не быть, вместо нее — краткий обзор на 2 страницы. В настоящее время у нас есть договор, где в договоре в качестве приложений идут копии учебных планов ВУЗов-партнеров. Мы считаем, что это должно принять во внимание Министерство, если будет нас проверять на соответствие стандартам.

Козулин В. Н.: Интересно, а почему в качестве партнеров выбраны именно Бельгия и Тайвань? Почему не англоязычные страны или не Китай, допустим? Есть ли у Вас в планах расширение сотрудничества, перспективы какие-то намечены?

Юн С. М.: Дело в том, что программа двойного диплома — программа глубокого сотрудничества между ВУЗами, и конечно, чтобы принять решение о ее разработке и реализации, нужна ситуация доверия, хорошее знание каждого из ВУЗов, доверие к уровню обучения, учебным и исследовательским практикам. Так сложилось в истории исторического факультета, отделения международных отношений, что сотрудничество давно, еще с конца 90-х гг., развивается со свободным университетом Брюсселя. За этот период времени, благодаря реализации программы «Tempus», ВУЗы друг друга узнали и сложилась такая ситуация, которая позволила уже в конце 2000-х гг. разрабатывать именно уже программы двойного диплома. То же самое касается и университета Фэн Цзя. Сотрудничество с ним давно ведется, сначала оно

приобретало простые формы в виде обмена визитами и проведения отдельных мероприятий, обмена преподавателями.

Что касается планов, то они, безусловно, есть. Есть план разработки программы двойного диплома с Шанхайским ВУЗом. С нашей стороны была предложена программа «Восточная Азия», с их стороны — «Китайские исследования», программа на английском языке. Модель обучения будет 1 год в России и 1 год в Китае. У факультета, как и у отделения международных отношений, есть желание развивать сотрудничество с немецкими университетами, так как у нас студенты изучают немецкий язык, ведутся исследования по этому направлению — по изучению Германии, с французскими университетами, с Великобританией, США. Однако, все это достаточно сложно сделать. У отделения международных отношений есть ВУЗы-партнеры в Великобритании и в других странах, но такой ситуации, которая бы позволяла сотрудничать на уровне получения двойного диплома, пока нет.

Чернышов Ю. Г.: Проект довольно интересный, но трудоемкий. Томский университет в этом отношении на шаг впереди, поэтому мы надеемся на дальнейшее сотрудничество и обмен опытом.

Е. В. Демчик

О РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА АлтГУ

Исторический факультет АлтГУ имеет давние и прочные международные связи со многими странами мира: Германией, Казахстаном, Китаем, Монголией, США, Украиной, Францией и др. На историческом факультете развиваются североамериканское, европейское, центральноазиатское и китайское направления международного сотрудничества.

Наиболее тесные связи факультет поддерживает с Восточно-Казахстанским университетом (Казахстан), Павлодарским государственным педагогическим институтом (Казахстан), Уланбааторским государственным университетом (Монголия), Ховдским государственным университетом (Монголия), Институтом истории Академии наук Монголии (Монголия), Цзилиньским институтом русского языка (Китай), Музеем естественной истории (г. Париж, Франция), Германским археологическим институтом (г. Берлин, Германия), DAAD (Немецкая служба академических обменов) и др.

Результатами такого сотрудничества являются:

- совместные научные и образовательные проекты;
- научные публикации в зарубежных изданиях;
- проводимые в АлтГУ конференции с участием зарубежных коллег-ученых;
- поездки сотрудников исторического факультета за рубеж для научной работы и участия в научных форумах, проведения археологических экспедиций;
- подготовка высококвалифицированных специалистов.

В 2011 г. учеными факультета опубликована 31 статья в зарубежных научных журналах, состоялось 96 выступлений преподавателей и сотрудников факультета на международных научных конференциях, 15 зарубежных командировок.

В настоящее время АлтГУ активно развивает научные, образовательные и культурные связи с Монголией. Сотрудники кафедры археологии, этнографии и музеологии совместно с зарубежными коллегами проводят археологические раскопки курганов ранней бронзы в окрестностях города Ховда в Монголии. Создано «Общество друзей Монголии», в состав которого вошли сотрудники ИФ АлтГУ.

Активную роль в развитии международного сотрудничества играют и студенты исторического факультета, которые совершают поездки за рубеж (США, Германия, Китай) с целью языковых стажировок.

Исторический факультет АлтГУ направляет на обучение, научные стажировки в зарубежные университеты своих студентов, аспирантов, преподавателей факультета, приглашает иностранных специалистов для преподавания различных дисциплин.

Так, доцент кафедры востоковедения Д. А. Глазунов является докторантом по программе «Менеджмент в системе образования» в Северо-Восточном университете г. Шэньян (Китай). Старший преподаватель кафедры востоковедения В. В. Тумайкина в марте — июле 2011 г. проходила языковую стажировку в Яньшаньском университете г. Циньхуандао (Китай). В настоящее время В. В. Тумайкина выехала в Китай в докторантуру. Благодаря этому на ИФ будут два уникальных специалиста: кандидаты исторических наук, получившие степени в России, и в то же время, надеюсь, получившие ученые степени в Китае, со знанием китайского языка. В течение ряда лет на факультете работает представитель Немецкой службы академических обменов. Готовимся встречать гражданку Америки Элизабет Блэк, выпускницу магистратуры Техасского университета (бакалавриат «Русский язык и литература»), магистратура «Международные отношения») для преподавания английского языка нашим студентам. Для пре-

подавания китайского языка в 2010 г. была приглашена Чжан Цзинцин, в настоящее время также ожидаем приезда граждан Китая для участия в образовательном процессе.

В январе 2011 г. заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Алтайского государственного университета Ю. Г. Чернышов принимал участие в работе Международной научной конференции «Археотипика и государственное управление», проходившей в Египте. По итогам поездки Ю. Г. Чернышов представил лекцию-презентацию для студентов. 14–17 августа 2012 г. доцент кафедры ВИМО Н. С. Малышева принимала участие в Международной конференции по общественным наукам, проходившей в г. Шанхае (КНР). Доклад Н. С. Малышевой был опубликован в сборнике конференции.

Ежегодно проводятся международные интернет-конференции «Современная Россия и мир: альтернативы развития» (организатор — Алтайская школа политических исследований, руководитель — проф. Ю. Г. Чернышов). В них приняли участие десятки зарубежных ученых — из Азербайджана, Венгрии, Казахстана, Киргизии, Китая, Латвии, Польши, США, Украины, ФРГ, Франции, ЮАР.

В марте 2011 г. на историческом факультете АлтГУ состоялось торжественное открытие Алтайского международного центра азиатских исследований (АМЦАИ). Центр образован с целью содействия деятельности в сфере образования, науки, для осуществления популяризации достижений российского образования и науки в области изучения Азии; содействия развитию международных научно-образовательных связей.

Заключено соглашение о развитии сотрудничества в области востоковедных исследований и изучении китайского языка с Классом Конфуция Новосибирского государственного университета.

4 июля 2011 г. состоялось торжественное открытие Центра Европейского Союза в Сибири, который открылся в Томском государственном университете. Центр объединил ТГУ и четыре ведущих университета региона — Алтайский государственный университет, Кемеровский государственный университет, Иркутский государственный университет, Тюменский государственный университет — с целью развития дальнейшего сотрудничества в учебно-научной деятельности. В АлтГУ центр действует на базе кафедры ВИМО. В рамках этого проекта был издан «Дневник АШПИ» № 27 (о разрешении международных конфликтов), состоялось несколько командировок. Так, с 30 апреля по 4 мая под эгидой Центра Европейского Союза в Сибири в г. Тюмени состоялась международная Летняя школа по европейским исследованиям «Европейский Союз: опыт преодоления кризисов». От АлтГУ

в качестве эксперта с лекцией «Телефон для Киссинджера: европейское политическое сотрудничество в 1970-е гг.» выступил доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений А. М. Бетмакаев. Участниками школы стали студенты Анастасия Бурчук и Александр Граубергер. В сентябре 2012 г. в рамках этой программы выступили с докладами в КемГУ Ю. Г. Чернышов, О. А. Аршинцева и Л. В. Моница.

Исторический факультет в течение 2011/12 учебного года не раз принимал зарубежные делегации. В декабре 2011 г. факультет посетила китайская делегация во главе с директором Института Археологии г. Сиань, провинции Шэньси, проф. Ван Вэйлином. Целью визита являлось заключение трехстороннего договора о сотрудничестве между Институтом Археологии (КНР), АлтГУ и Санкт-Петербургским государственным Музеем-институтом семьи Рерихов. В мае 2012 г. с целью обсуждения вопросов взаимодействия в сфере образования, в частности, обмена студентами между китайскими вузами и Алтайским государственным университетом, исторический факультет посетила делегация Алтайского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В конце мая — начале июня 2012 г. студенты и преподаватели кафедры востоковедения участвовали в приеме китайской делегации во главе с Фу Бяо — директором и главным тренером Пекинской школы шаолиньского ушу.

В сентябре 2012 г. студенты и преподаватели кафедры ВИМО принимали участие в организации встречи с польской делегацией и обсуждении публичной лекции профессора Лешека Бальцевича — профессора экономики Варшавской школы экономики, в 1990-е гг. работавшего вице-премьером Польши и министром финансов, а в 2001–2007 гг. являвшегося Председателем Национального банка Польши.

Важным событием в жизни факультета, как и университета в целом, являлся первый Азиатский студенческий форум «Образование без границ. Алтай — Азия 2012». Форум проходил в июне 2012 г. на туристической базе Стик-Тревел в Горном Алтае. Участниками форума стали студенты, преподаватели, ректоры университетов из более чем 50 университетов и 10 стран (Китай, Казахстан, Сингапур, Корея, Индия, Киргизия, Армения и др.). Целью Азиатского студенческого форума стала консолидация университетов и институтов Азии для развития интеграционных процессов высшего образования, расширения международной академической мобильности и культурных связей. Преподаватели и студенты исторического факультета приняли активное участие в организации, проведении и работе форума. Профессор А. А. Тишкин осуществлял общее руководство организацией работы фо-

рума; замдекана, доцент И. И. Назаров курировал волонтерское движение; доцент Н. В. Кольцова отвечала за символику азиатского форума и регистрацию участников мероприятия; старший преподаватель В. В. Тумайкина выполняла функции переводчика. Студенты исторического факультета Е. Филипенко, К. Цвет, А. Некрасова, А. Кочетова, А. Маркина, К. Писаренко, М. Лысов, А. Плесовских, А. Рыжих, Ю. Бокова, Т. Иванец участвовали в фасовке раздаточного материала, в оформлении и подготовке площадок форума, встрече гостей, размещении и регистрации участников. На Азиатский студенческий форум были привлечены студенты со знанием английского и китайского языков (А. Ильин, С. Парфенова, Н. Дружинина, Т. Перминова, М. Утенкова), которые осуществляли языковое сопровождение работы секций форума, регистрации участников, экскурсий, обеспечивали работу информационного центра. Итогом работы форума стало принятие Декларации об азиатском студенческом форуме «Образование без границ. Алтай-Азия» как постоянно действующей площадке ведущих университетов, проекта меморандума о создании Ассоциации университетов стран Азии.

В августе 2012 г. была организована и проведена Летняя школа для студентов «Алтай трансграничный: развитие межкультурных коммуникаций в образовательной среде» на базе отдыха «Заимка» Егорьевского района Алтайского края. Организаторами школы выступили Алтайская краевая общественная организация «Общество русско-китайской дружбы», кафедра востоковедения исторического факультета. Проект был реализован на средства гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Продолжение и дальнейшее развитие международного сотрудничества исторического факультета видятся в следующих основных направлениях:

- более широкое представительство преподавателей, студентов, аспирантов и магистрантов факультета в зарубежных научных изданиях, на международных конференциях и симпозиумах;
- расширение участия ученых и студентов факультета в международных образовательных и научных программах и грантах;
- приглашение для чтения лекций известных зарубежных ученых;
- продолжение практики привлечения носителей языка для преподавания китайского, немецкого, английского и, возможно, французского языков;
- организация зарубежных стажировок студентов факультета

- путем обмена на основе договоров с зарубежными вузами;
- более широкое привлечение для обучения на факультете иностранных граждан.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Е. В. ДЕМЧИК

Козулин В. Н.: Какое направление сотрудничества представляется Вам наиболее приоритетным — азиатское или европейское? Или, может быть, следует соблюдать какой-то баланс? У нас же сейчас в АлтГУ взят курс на создание Российско-Азиатского университета, в связи с чем такой вопрос и возникает.

Демчик Е. В.: Как реалисту — азиатское, как мечтателю — европейское, если коротко ответить на Ваш вопрос.

**СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ
Л. БАЛЬЦЕРОВИЧА
В АЛТАЙСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ Л. БАЛЬЦЕРОВИЧА 6 сентября 2012 г.

Дубина И. Н.: Дорогие гости, уважаемые коллеги, добрый день! Разрешите поприветствовать в стенах нашего университета от имени ректора и всего коллектива Алтайского государственного университета наших гостей, представителей официальной делегации посольства Республики Польша в Москве, которые находятся сейчас с официальным визитом в Алтайском крае. Это известный профессор, политик с мировым именем, признанный эксперт в области международных отношений господин профессор Лешек Бальцерович. Его супруга, директор Центра социально-экономических исследований в Варшаве, госпожа Эва Бальцерович. Первый секретарь экономического отдела посольства Республики Польша в Москве, господин Александр Варварский. Мы очень признательны Вам, господин профессор, за Ваше согласие выступить с лекцией в Алтайском государственном университете, после которой все присутствующие здесь смогут задать Вам вопросы, поучаствовать в дискуссии. Сегодня у нас в аудитории профессора, преподаватели, магистранты, аспиранты Алтайского государственного университета и других ВУЗов Барнаула, представители органов власти, политических и финансовых структур города и края. Я уверен, что всем вам будет очень интересно поучаствовать в дискуссии. Модератор сегодняшней встречи — заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, профессор Чернышов Юрий Георгиевич. Юрий Георгиевич, пожалуйста, Вам слово для представления господина профессора Бальцеровича и последующего ведения встречи.

Чернышов Ю. Г.: Спасибо. Я думаю, что это большая честь для Алтайского государственного университета — посещение его человеком, который уже вошел во всемирную историю и который внес огромный вклад в развитие своей страны. По числу пришедших сюда людей видно, какой интерес вызывает это мероприятие — присутствующих в два раза больше, чем предполагалось, и я думаю, что будет интересно. Нам важно плодотворно использовать это время, поэтому я очень коротко сделаю презентацию, чтобы показать жизненный путь господина Бальцеровича.

Сегодняшняя лекция называется «Постсоветское развитие: сравнительный аспект». Ввиду ограниченности времени длительную дискуссию мы не сможем провести, но сможем уделить время для вопросов и реплик.

Итак, основные анкетные данные автора. Профессор экономики в Варшавской школе экономики, вице-премьер Польши, министр финансов Польши 1989–1991 гг., также с 1997 по 2000 гг., председатель Национального банка Польши 2001–2007 гг.

Несколько слов о биографии. Лешек Бальцерович родился в 1947 году. В 1970 г. с отличием окончил факультет внешней торговли Главной школы планирования и статистики в Варшаве, в 1975 году защитил докторскую диссертацию. 1980–1981 гг. для него — годы успешной научной карьеры. Казалось бы, можно было и дальше благополучно «плыть по течению». Но далее мы можем наблюдать интересный поворот в биографии — с 1981 года он стал консультантом профсоюзного объединения «Солидарность», в 1981 году вышел из состава правящей Польской Объединенной Рабочей Партии (ПОРП). С сентября 1989 года по декабрь 1991 года был вице-премьером и министром финансов в первом посткоммунистическом правительстве Польши. До декабря 1991 года сохранял посты в правительстве Польши. С 1993 года возглавляет факультет международных сравнительных исследований. С октября 1997 года по июнь 2000 года занимал пост заместителя премьер-министра и министра финансов. В 2001–2007 гг. — председатель Национального банка Польши, в 2005 году получил высшую награду Польши — «Орден белого орла». При вручении ордена было сказано, что Л. Бальцерович — человек, который сделал больше чем кто-либо для интеграции Польши с Европой. Затем в 2011 г. он был избран членом научного комитета советников по разработке рекомендаций для Европейского совета по системным рискам. Имеет почетную докторскую степень в более чем 20 университетах мира.

Л. Бальцерович — эксперт по постсоветскому развитию стран, которые разными путями переходили от социалистической экономики к капиталистической. До сих пор бурно обсуждаются вопросы: какие пути были оправданными, какие жертвы оправданны, какие не оправданны? Почему даже рядом находящиеся государства, такие, скажем, как Белоруссия и Литва, бывшие советские республики, насколько разными путями пошли после распада СССР? Каковы объективные, субъективные причины этого? Есть масса разных вопросов. Естественно, никто не обладает монополией на истину, но выслушать крупного эксперта всегда полезно, всегда полезно узнать его мнение. Сейчас настало время предоставить слово Лешеку Бальцеровичу.

Бальцерович Л.: В первую очередь я бы хотел сказать, что очень благодарен за приглашение и встречу.

Мы знаем, какие пути после социализма были более успешными, какие менее успешными. Самым важным критерием является экономический рост, который является важным для миллионов людей: если нет экономического роста, нет возможности повышения уровня жизни. И самый главный вопрос, самый ценный — какова разница в экономическом росте у постсоветских стран после

падения социалистической системы? Но прежде, я думаю, надо сказать несколько слов, что это был за социализм со структурной точки зрения, какие были экономические итоги социализма по сравнению со странами, которые в данный момент находятся на том же уровне жизни, что и при социализме, как они выросли в развитии. Только тогда мы можем оценивать, что случилось после социализма.

Я начну с такой простой аналитической схемы: я сказал, что многое зависит от такого критерия, как долгосрочный экономический рост. Это очень важный показатель. От чего зависит долгосрочный рост? Прежде всего, он зависит от внешних факторов, которые мы не контролируем, только США и, может, Китай, влияют на внешний мир, на другие страны. Но есть и внутренние факторы — например, экономическая политика государства. Существует два вида экономической политики: фискальная, монетарная и централизованная, плановая. Именно последняя является источником шоков. Скажем, что случилось с Россией в 30-е гг.? Это был громадный шок. Гуманитарный в том числе. Что случилось с маоизмом? 40 миллионов людей погибло. Это был громадный шок. Это не был естественный шок, это был шок из политики. Почему такой громадный шок? Потому что политическая власть могла делать все: это было не ограниченное государство. Если государство ничем не ограничено, то есть большой риск, что будет проводиться катастрофическая политика. Это опыт тысячелетий. И опыт социализма тоже. Это один момент. Конечно, время от времени можно быть счастливыми, если появился хороший руководитель. Но будет лучше, если государство будет ограничено. Но, с другой стороны, есть движущие силы, которые определяют темпы экономического роста. Я скажу несколько слов о них.

Эти движущие силы зависят от внутренней институциональной системы. Есть частная собственность или нет, есть конкуренция или нет. Вторая часть в системе институтов — ограничено государство или нет. Если не ограничено, то есть риск, что будут шоки. Чтобы развернуто это увидеть, надо спрашивать, от чего зависит экономическая политика. Есть такие факторы, как личностные. Личность в данном случае играет важную роль. И, наконец, есть политические шоки — это потенциально-динамическая модель.

Я уже сказал, сдерживающие силы — это силы, которые зависят от характера государственной власти: ограничено государство или нет. Это самая главная проблема политических наук и политической практики — ограничение и не ограничение. Если государство не ограничено, то многие люди думают, что кризис происходит из-за рынков. Многие уверены, что они производят кризисы время от времени. Но самые глубокие кризисы происхо-

дили не из-за рынков, а из-за политической власти, когда она ничем не была ограничена.

Движущие силы — это тип и уровень защиты прав собственности. Какие права собственности я понимаю под этим? Есть ли частная собственность как сектор в государстве или она является преступлением? В этом самая главная разница. Есть ли конкуренция или нет конкуренции? Если нет конкуренции, то все дороже, чем в странах, в которых есть конкуренция. Без конкуренции нет технического прогресса. В таком случае он идет очень медленными темпами, даже если есть частная собственность. Много зависит от того, каков бюджет. Если издержки, расходы бюджета высокие — тогда и налоги высокие. Это не способствует развитию. Но ведь есть и такие налоги, которые не называются налогами: они называются коррупцией. Но это эквивалент налогов. Официальные налоги могут быть низкими, но уровень коррупции может быть высоким. Конечно, это плохо для развития, особенно, для малого и среднего бизнеса. Но это такой общий фон.

А теперь несколько слов насчет социализма. Самое главное — это монополия государственной собственности (по Марксу и его последователям). Это самая характерная черта социализма и идеологии демократии. Она означала, что частная собственность была преступлением — иначе невозможно осуществлять и сохранять монополию государственной собственности. Если мы посмотрим в историческом аспекте, то были два шага по введению социализма.

Во-первых, национализация. То, что было частным, стало государственным. Но этого было мало, потому что В. И. Ленин говорил, что капитализм каждый день развивается.

Второй шаг: запрещение частной собственности, то есть декларация, что частная собственность является преступлением. Вторая часть — командная экономика. Маркс выступал за плановую экономику, потому что считал капиталистический рынок слишком стихийным. Он был мечтатель. Но самое страшное — это утопии, которые внедряются на практике. Все мы знаем, каковы были итоги социализма в России.

В условиях существования государственной монополии и командной экономики демократия невозможна. Что означает демократия на практике? Это конкуренция в сфере политики. Если Вы не знаете, кто выиграет выборы — это и есть демократия. Это очень простые дефиниции. Если есть выборы, значит, должны быть гражданские свободы: чтобы можно было зарегистрировать политическую партию и не опасаться попасть в тюрьму. Наличие политических свобод — критерий демократии. При социализме демократия не возможна, она возможна только при капитализме.

Мы знаем, что все демократические страны имеют капиталистический уклад. Никогда не было такого, чтобы социалистическая страна была демократической.

Что было типично для социализма? Длинный список «преступлений против социализма». Система социализма состояла из запретов, но, чтобы запреты были эффективными, надо было объявить каждую попытку использовать свободу преступлением. Конечно, такая система нуждалась в специальной политике. Эта политика была более важна, чем нормальная политика, потому что она противостояла попыткам использовать такую линию свободы. Конечно, она менялась во времени. В сталинские времена, конечно, это было намного хуже, чем в Польше. Но все-таки этот список преступлений против социализма был очень приличный, и все было государственной тайной. Наличие государственной тайны также типично для социализма, как и для диктатуры.

Каковы же экономические последствия социализма? Их два. Во-первых, очень слабые движущие силы. В первое время можно было повысить темпы роста путем принужденной аккумуляции, но потом темпы роста неизбежно падали. Потому что без частной собственности, конкуренции невозможны инновации, технический прогресс. В свою очередь без технического прогресса невозможно добиться экономического роста в дальнейшей перспективе. Это подтвержденное доказательство — посмотрите на иллюстрациях. Во-вторых, я уже упомянул: если власть не ограничена, а в социализме власть не была ограничена, потому что концентрировала в себе политическую и экономическую власть, она опасна, так как время от времени делает большие ошибки. Таковы две причины, почему социализм оказался большой исторической неудачей. Социализм был такой утопией и оказался большой экономической неудачей или даже гуманитарной катастрофой. Об этом не надо забывать.

А теперь несколько иллюстраций по поводу экономических аспектов. Польша и Испания, как видно на слайде (слайд 9), в 1950 г. имели одинаковый уровень жизни, а в 1990 г. у Польши было только 42% роста ВВП на душу населения, в отличие от 239% Испании. То же самое мы можем увидеть, сравнив Венгрию с Австрией. Разница налицо.

Но самая яркая разница в темпах роста — между Северной и Южной Кореей, потому что мы имеем дело с двумя противоположными моделями (слайд 10). Мы знаем, что в Северной Корее — сталинизм, а в Южной Корее развивается динамическая капиталистическая система, которая берет начало только в 60-х гг. XX века.

Как видно на слайде (слайд 10), Северная Корея имеет 7% доходов ВВП на душу населения. Некоторые люди думают, что Куба является исключением. Куба — не исключение: на Кубе социа-

лизм тоже не работает. Это можно увидеть, сравнив Кубинскую Республику с Чили. Чили — успешная страна, имеющая опыт реформ и развивающаяся быстрыми темпами.

А что же Китай? Китай — очень интересная и большая страна. После окончания Второй мировой войны в развитии Китая можно выделить два этапа: во-первых, это маоизм, когда Китай существенно отставал от Европы из-за социализма, из-за отсутствия движущих сил и экономических и гуманитарных катастроф — в «культурной революции» погибло 40 миллионов людей. Это был громадный экономический шок. А что случилось с конца 70-х гг., если не ускорение? Некоторые люди, как им кажется, увидели, что социализм может работать. Они думают, что если правящая партия называется коммунистической, то и экономика становится коммунистической. Но это не так. Начиная с конца 70-х гг. под руководством коммунистической партии в Китае развивается капитализм. Во-первых, сокращается доля государственного сектора в экономике. По-прежнему она остается большой, но уже существенно сокращается по сравнению с предыдущим временем. Во-вторых, Китай открылся внешнему миру. В Китае экспорт в пять раз выше, чем в Индии. Люди думают, что Индия — капиталистическая страна, а Китай — социалистическая. Это не так. В Индии, конечно, капитализм, но бюрократии больше, чем в Китае. А в Китае уже больше капитализма, чем социализма. В Китае примерно в пять раз больше иностранных инвестиций, чем в Индии. Конечно, в этом смысле у Китая есть определенные преимущества: у Китая много зон свободной торговли, например, Тайвань, Гонконг и т. д. Они изменили свою экономическую систему. Почему существует такая большая разница между Россией и Китаем? Это очень важный вопрос для темпов экономического роста.

Во-первых, исходные условия были более благоприятны для экономического роста Китая, чем России. Это связано с тем, что по ресурсному потенциалу Россия богаче Китая, и структура России была труднее для реформ. В Китае, так как Китай был беден с точки зрения ресурсов, большинство населения было занято в сельском хозяйстве, сама система была организована в абсурдные каноны, но их можно было легко реформировать, развить частную собственность, что и произошло. В России сельское хозяйство как отрасль было очень неэффективным, поэтому и ситуация была труднее и сложнее, чем в Китае, чтобы получить импульс к реформированию.

Во-вторых, Китай не зависит от природных ресурсов так сильно, как Россия. Это очень опасно — зависеть от природных ресурсов. Экономисты могут сказать, что это опасно как в политическом, так и в экономическом отношении. Что экспортирует Китай? Не нефть

и природный газ, как это делает Россия, а промышленные товары. Кроме того, Китай более открыт для зарубежных инвестиций, чем Россия. Это видно по всем показателям. Есть и другие факторы, но я назвал наиболее важные из них.

Мы знаем, что нет хорошего капитализма. Так вот: нет и не будет хорошего социализма. Если понимать социализм так, как понимали его К. Маркс, В. Ленин и И. Сталин. Конечно, есть люди, считающие, что социализм построен в Швеции. Но это совсем другое видение. Это не по Марксу. Они имеют в виду, что социализм — это такая ценность, и если есть что-нибудь плохое, то это не социализм. Они ищут «хороший социализм». Для них социализм — это социальное государство, развитие социальных программ. Социальные программы очень опасно реализовывать в бедной стране: нет стимула для дальнейшего развития.

В Швеции сначала ввели либеральные принципы, у них была очень либеральная система в течение 80 лет. Благодаря этой либеральной системе государство быстро развивалось, а когда стало достаточно богатым, политики совершили ряд ошибок. До кризиса была экспансия социального государства, а потом началась реформа социальных программ, которые перекроили шведское социальное государство в еще более свободное и рыночное, чем во Франции, а в некоторых отраслях даже больше, чем в США.

Теперь мне хотелось бы немного сказать о том, что произошло после падения социализма в разных странах, сначала с политической точки зрения на систему, а затем подвести некоторые экономические итоги социалистической системы.

Казалось, что в первые месяцы все страны идут в том же самом направлении. Политически — это демократия и правовое государство, экономически — это социализм. Но это продолжалось 1 год, потом наступила дифференциация.

Есть такая концептуальная схема по политическим режимам, которая называется «Polity Four» (слайд 13). Она оценивает, насколько демократична система, решают что-нибудь выборы или нет, или же существует диктатура. По диаграмме мы видим, что вся Центральная Восточная Европа, включая Прибалтику, представляет собой демократии.

Что здесь интересно, здесь (слайд 13) также была Монголия. По вышеназванному показателю Монголия является демократией. Интересно, что в Монголии люди говорят, что культура, традиции власти Чингисхана не позволяют им иметь демократический строй. Но это неверно в соответствии с показателем «Polity Four».

Китай и Вьетнам — здесь видно, что это не демократические режимы, также как Россия, Беларусь и страны Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Таджики-

стан). В странах, где индекс ниже 5, трудно говорить о настоящей демократии в смысле политической конкуренции. Можно говорить о том, что есть большая дифференциация между странами по эволюции политической системы. В начале пути развития были схожими, а потом они разошлись.

Интересно, что случилось по динамике в некоторых странах. В одних странах мы наблюдаем повышение этого показателя, а в других — понижение.

Теперь поговорим об экономической системе. Что случилось с экономикой? Я приведу несколько показателей. Очень важно понимать, что в социализме в его классическом варианте происходит монополизация государственной собственности. Именно поэтому интересно проследить, что случилось с долей государственной собственности после краха социализма.

Слайд 15. Мы видим, что есть группа стран, например, Туркменистан, Беларусь, Узбекистан, частично с социалистическим укладом. У этих стран доминирует доля государственного сектора в экономике. Конечно, есть люди, которые смотрят на Беларусь и говорят: «вот видите, великий социализм может работать». Однако, это иллюзия. Без громадных субсидий из России — а это несколько миллиардов долларов — Лукашенко и Беларусь уже давно бы не существовали в экономическом смысле.

Другие страны по этому экономическому показателю уже не социалистические, потому что там преобладает частный сектор. Это страны Восточной и Центральной Европы, Россия. Но частный сектор у стран разный. Самая большая разница между странами, где преобладает частный сектор в экономике — механизм защиты частной собственности. В Польше и других странах Восточной Европы уровень защиты частного сектора не зависит от такого фактора, как политические связи. Здесь есть правовой механизм защиты. Частный сектор не нуждается в персональной защите руководителя, местного или федерального значения. Некоторые люди говорят, что защита по-разному зависит от политических сфер. Мы знаем, что гораздо лучше, когда частный сектор не зависит от политики.

Во-первых, успех не зависит от политических связей: он зависит только от конкурентоспособности. Это дает стимул для дальнейшего развития.

Во-вторых, если частный сектор не зависит от политики, то существует равноценная конкуренция. Если есть группа привилегированных бизнесменов, защита которых выше, чем у других, то другие не смогут конкурировать с ними.

В-третьих, наличие политической защиты порождает неуверенность. Политическая защита может меняться, что негативно скажется на капиталовложениях. От чего зависят частные капи-

таловложения? От ожидаемой прибыли. Если нет уверенности в прибыли, то это приводит к низкой доле капиталовложений и оттоку капитала. Это неизбежный процесс.

Что еще изменилось? Страны стали более открытыми для внешнего мира (слайд 16). На слайде Вы можете видеть, как повысилась открытость стран. Конечно, необходимо посмотреть на структуру экспорта. Если в структуре экспорта есть преобладающая часть природных ресурсов, то мы можем сказать, что это опасно с точки зрения дальнейшей перспективы и это влияет на колебания экспорта. Это — источник неуверенности.

Государственные расходы по отношению к ВВП (слайд 17). 40% — слишком большая цифра. Главная проблема Центральной и Восточной Европы — то, что есть слишком большие социальные государства, включая Польшу. Это достаточно популярная проблема, поэтому самые главные реформы в Центральной Европе должны быть сосредоточены на этом вопросе. Особенно из-за роста демографической проблемы и старения населения, что имеет место и в России. Так что чем меньше данный показатель, тем лучше для экономического роста.

Постсоциалистический мир был как живая лаборатория. Потому так много исследователей занимаются этим. Помните, что случилось в бывшей Югославии? Как чудесно, что этого не было в России в 90-е гг., что это случилось мирным путем.

Там, где был капитализм, были установлены демократические режимы. Таким образом, еще раз подтверждается эта закономерность: без капитализма нет демократии. Там, где экономическая система оказалась ближе к социалистической, там нет демократии. Есть страны, которые можно назвать квази-капиталистическими, недемократическими в полном смысле этого слова.

Теперь кратко об экономических итогах. Есть много исследований, статистического материала, поэтому нет необходимости спекулировать. Обратимся к такому показателю, как экономический рост после социализма (слайд 20). Вы видите, что экономический рост Польши увеличился на 177% по сравнению с 1989 годом. Самым удивительным является высокий экономический рост Албании. Албания — это самая успешная страна в Восточной Европе после Польши. В Украине темпы роста ниже, чем в 1989 году, в России чуть выше. Эти данные приведены до кризиса 2008 года, когда многие страны существенно потеряли в темпах роста ВВП. В России они упали на 7%, в Прибалтике на 15%, в Болгарии на 13%. В Польше, к счастью, было замедление темпов роста, но не рецессия, темпы роста составляли 3–4%.

Отчего зависело падение темпов роста, рецессия? Если в экономике происходит «бум», значит, может произойти и крах. Темпы

экономического роста зависели от темпов кредитования, а темпы кредитования зависели от дальнейшей политики. Польше удалось частично избежать рецессии, потому что страна проводила твердую денежную политику, старались сдерживать темпы роста инфляции.

Есть страны, такие как Чили и Южная Корея, которые развиваются даже быстрее, чем Польша. Они были богаче. Частично потому, что у нас было падение темпов роста после социализма, и это было неизбежно: нужно было реорганизовывать производство, ориентировать его на рынок.

Слайд 22. Здесь представлена некая общая картина по СНГ.

Слайд 26. Интересно то, что наступила дифференциация по неэкономическим показателям. Например, по таким важным социальным показателям, как ожидаемая средняя продолжительность жизни. Посмотрим, как это изменилось в сравнении 1989 г. с 2010 г. Как видим, почти везде она возросла, но средняя продолжительность жизни в разных странах отличается. В России она осталась на прежнем уровне за счет низкой продолжительности жизни мужчин. Это очень интересное явление: продолжительность жизни мужчин в России не изменилась, и осталась такой же, как при социализме.

Слайд 27. Смертность также сократилась, но есть различия между странами.

Что можно сказать насчет разницы в экономическом росте пост-социалистических стран?

Во-первых, в странах, где было проведено мало реформ, нет успехов. Как, например, в Белоруссии. Мне кажется, что это главный фактор, который объясняет разницу в экономическом росте.

Многое зависит от того, был ли введен капитализм, отделена ли политическая сфера от экономической, имел ли место политический капитализм. Политический капитализм, где нет отделения политического сектора от экономического, не является самой успешной моделью. Пример — Украина. Это связано с таким показателем, как доля малой и средней конкуренции. Обычно там, где есть политический капитализм, доля малого и среднего предпринимательства ниже, в отличие от свободного рыночного капитализма. Там, где введен политический капитализм, есть худшая ситуация в отношении экономического роста и условий жизни. Но также как и свободный капитализм, он лучше социализма.

Во-вторых, есть еще один фактор, объясняющий разницу — был ли кризис или нет. К счастью, в Польше удалось избежать рецессии. В течение и после 1990 г. мы проводили реформы в течение 2-х лет. Экономический рост начался после 1991 года и продолжается до сих пор. Безусловно, это не одинаковое движение, но главное, что нет рецессии. В большинстве других стран была

рецессия, которая была вызвана плохой экономической политикой. Например, в России в 1998 году — это был бюджетный кризис. А потом, уже в 2009 году наступила рецессия из-за бума. В случае, когда возникают рецессии, необходимо избегать плохой бюджетной и монетарной политики.

У нас, в Польше, денежная политика была довольно дисциплинированной, с самого начала мы построили Независимый Центральный Банк, и к счастью, он оказался такой, что оказал существенное влияние на инфляцию. Инфляция в Польше во второй половине 1989 года была около 30–40% в месяц, имея тенденцию к постепенному сокращению. Фискальная политика не была так хороша, потому что шли соответствующие политические процессы, но она не была такой катастрофичной, как в некоторых других странах. Одной из причин этого было то, что в 1997 году в Конституции было закреплено, что государственный долг не может быть выше 64% в год. Это помогает избегать нестабильных ситуаций.

ДИСКУССИЯ

Ильин А. В.: В России любят говорить, что у нашей страны особый путь и что обычные рецепты либеральной экономики и демократии, которые работают в странах Западной Европы и Северной Америке, нам не подходят. Как Вы считаете, действительно ли либеральные ценности универсальны, или действительно есть такие страны, в которых необходима роль сильного государства? И второй вопрос. В нашей стране, и не только в нашей, считается, что у нации должна быть какая-то связующая идея. Например, недавно была принята скандальная Конституция Венгрии, где говорилось, что венгерский народ объединяет Бог и христианство, что вызвало массовые акции протеста. Как Вы считаете, это действительно необходимо для стабильного развития, или это одна из попыток очередного навязывания социализма?

Бальцеревич Л.: Либеральная экономика, как медицина. Национальность не важна для терапии. Есть универсальные правила. Вне зависимости от культур люди одинаково реагируют на экономические стимулы, хотят платить меньше, а не больше, покупать больше, чем продали. Так строится экономика. Я не знаю никакого положительного опыта на длительный срок, если речь идет о политическом капитализме, т. е. капитализме с большой ролью государства. Я уже говорил, как важна конкуренция. Без конкуренции нет инноваций, развития на дальнейший срок. Например, китайцы. В начале в Китае был социализм, и каковы были его итоги — негативные. Потом они переходят к капитализму и их экономика улучшается.

А теперь посмотрите на Корею. Та же самая культура, а системы совсем разные. Почему такая разница между ними? Потому что то, как люди ведут себя, зависит от ситуации. У нас есть много общего, но ситуации меняются, когда меняется поведение. Институты — тоже часть ситуации, они определяют ее. История про особый путь развития — это попытка оправдать свои неудачи. Есть универсальные принципы развития.

Мы знаем, что государственная собственность не работает, потому что она политическая. Политическая бюрократия есть во всех странах мира.

Помните времена Маргарет Тэтчер? В Великобритании государственный сектор занимал только 20% экономики, и они пытались проводить всевозможные реформы в рамках этого сектора. Ничего не получалось. А потом к власти пришла Маргарет Тэтчер и провела приватизацию. Вслед за ней то же самое произошло и во Франции, в Италии. Даже на Западе, где доля государственного сектора в экономике была 20% и даже меньше, государственный сектор оказался громадной проблемой для экономики.

Любое предприятие должно быть в принципе частным, но частным в условиях конкуренции. Это не идеология — это доказывают сравнительные исследования.

В России было очень успешное начало капитализма в конце XIX — начале XX века. Экономика росла тогда очень быстрыми темпами.

Аршинцева О. А.: Хочу поблагодарить Вас за великолепную лекцию, спасибо большое. Я хотела бы заметить, что Вы, господин Бальцерович, в некоторой степени себе противоречите. Своим личным примером Вы доказываете, насколько важен личностный субъективный фактор в политике. У меня к Вам такой вопрос: как Вы относитесь к понятию «шоковая терапия» и самому явлению шоковой терапии? В нашей стране есть собственный опыт и различные реакции на эту проблему.

Бальцерович Л.: Я принципиально не употребляю данный термин, поскольку люди не любят шоков — в их понимании это имеет негативное значение. Какова история этого выражения? Оно взято из макроэкономики — там это профессиональный термин, а позднее уже было подхвачено СМИ и получило распространение. В Прибалтике то, что было сделано в рамках «шоковой терапии», называют радикальным подходом. Сейчас в литературе встречается такая точка зрения, что это того стоило. Прежде всего, необходимо сказать, что в экономике, как в медицине, подход зависит от болезни. В чем состояла экономическая болезнь, которая сначала была в Польше, а затем распространилась на Россию в 80-х гг.? Во-первых, была гиперинфляция — не просто инфляция, а инфляция, ко-

торая измерялась тысячами процентов в год. Во-вторых, экономика, которая была не полностью под контролем центрального планирования, но в то же время находилась в вакууме. Из этого диагноза, опираясь на опыт, я попробую объяснить, что надо делать.

Во-первых, было ясно, что если есть гиперинфляция, то надо действовать очень быстро. Примерно так же, как тушить пожар. Градуалистские меры здесь абсурдны, ими невозможно стабилизировать экономику, если уже есть такая проблема. Е. Гайдар не отвечал за инфляцию, у вас был Геращенко. Геращенко был особенный человек: он думал, что не хватит денег. Чтобы подавить гиперинфляцию, нужно было ограничить выпуск денег. Когда происходит пожар, нужно прекратить пользоваться бензином. А Геращенко производил этот бензин.

От социализма и квазисоциализма невозможно уйти маленькими шагами — нужно сделать большой шаг, чтобы изменить саму систему. Более правильно было бы пойти по пути либерализации. Можно выделить 2 этапа экономических реформ: либерализация, то есть устранение различных бюрократических и политических препятствий для частного сектора, рынка и свободной торговли, а в второе — это глубинное изменение самих институтов, которым по своей природе требуется больше времени на этот процесс. Это нужно сделать в несколько месяцев, если есть политические возможности.

У меня было такое представление, что у Польши было два пути: либо риск, либо отсутствие шансов на успех. Были силы, которые выступали против свободного рынка. За счет градуалистских мер в России быстро возникли и укрепились такие силы, так как они хотели получать больше денег без конкуренции. В Польше политическая обстановка была лучше, но тоже была детерминация, невозможно было пойти широким фронтом и так быстро, насколько это возможно. Но это был особый тип болезни. Но ведь есть и другие. Например, в Ирландии в конце 80-х гг. было все в порядке, при том, что у них была бюджетная политика. Они не нуждались в широком подходе к лечению экономики, им нужно было лишь преодолеть «бюджетную болезнь»: сократить расходы.

Из того, что случилось в 80-е гг. с экономикой России и Польши, «шоковая терапия» была наилучшим выходом. Проблема России в том, что употреблялось название «шоковая терапия» без самой шоковой терапии. Шоковую терапию провели, но положение экономики ухудшилось. Не надо думать, что во всем виновата «шоковая терапия» — это иллюзия.

Демчик Е. В.: Наверняка такой блестящий аналитик, как Вы, занимается и прогнозами. Какие у Вас прогнозы относительно экономического будущего России?

Бальцеревич Л.: Я могу сделать только самый условный прогноз: если все будет так, как сейчас, к чему это приведет. Если в России будет такая же политико-экономическая система, то экономический рост не будет уменьшаться. Если цены на энергоресурсы упадут, с точки зрения стимула, это будет очень хорошо. Мои друзья в России всегда переживают, когда цены на нефть и газ повышаются — правительству легче, меньше стимулов работать. Кроме того, в связи с открытием газа в Америке и в Европе, очевидно, что в сырьевой области экономики будет большая конкуренция.

Вопрос из зала: Позвольте не согласиться в том, что предпосылки для экономических реформ в КНР были лучше, чем в России, потому что научный, технический потенциал России, квалификация рабочих кадров были значительно выше. Но вопрос не в этом. Я хотел бы спросить Вас не как политолога, а как экономиста-финансиста. Скажите, пожалуйста, с Вашей точки зрения, каков должен быть уровень монетизации экономики для стабильного экономического роста?

Бальцеревич Л.: Число экономистов — не лучший показатель успеха реформ. Для Китая это было даже лучше. Кроме того, в Китае была детерминация и были такие преимущества, которых не было в России, я уже упоминал о них. Самое главное преимущество Китая — он не зависим от природных ресурсов.

Если говорить о монетизации, я бы отметил здесь, что очень трудно сказать, как соотносится уровень монетизации и темпы экономического роста. Ну, во-первых, необходимо, чтобы монетизация не порождала рост инфляции свыше 2%, и второе, чтобы не порождала темпы роста активов. Центральный Банк США допустил грубую ошибку: они снизили официальные процентные ставки, и это привело к тому, что темпы роста стали слишком высокими и цены ушли в минус. При той системе, которая существует, когда мы пользуемся бумажными деньгами, но обеспеченными золотом, очень важно, чтобы существовал Независимый Центральный Банк.

Гусев К. Ю.: Господин Бальцеревич, сегодня Вы очень много говорили о том, как социальные программы вредны для развития темпов экономического роста государства, при этом социальные программы всегда дают высокий электоральный эффект для действующей власти в долгосрочной перспективе. Можно сказать, чем больше социальных программ, тем охотнее люди голосуют за действующие партии. В связи с этим вопрос: как действующим политическим силам пойти на непопулярную меру (сокращение социальных программ) и тем самым фактически рискнуть своим местом?

Бальцеревич Л.: Люди думают, что если будут реформы, включая сокращение социальных издержек, тогда инфляция исчезнет. Это неверная точка зрения. Если в демократическом государстве идут реформы, какими бы успешными или не очень они ни были, такая политическая система будет более устойчивой. Что происходит, если реформы не проводятся, откладываются? Тогда растут проблемы. Если проблемы растут, то популярность власти падает. Популярность власти зависит от уровня жизни, его роста, его динамики. Если у общества есть ощущение, что жизнь ухудшилась, то власть теряет популярность. Поэтому просвещенный правитель должен смотреть не на полгода и не на год вперед, а на десять лет. Он должен учитывать все: внешний контекст, проблемы страны, ресурсный потенциал, экономический рост других стран.

Сдельников В. А.: Хотелось бы поблагодарить Вас за содержательную лекцию. Вопрос следующий. Все знают, что эмиссия денег происходит следующим образом: выходит эмиссия под ценные бумаги, что приводит к росту внешнего долга, который сейчас существует у США. Возможно ли таким инструментом выпуска не ФРС, а именно казначейских, снизить этот долг? И еще два коротких вопроса. Первый вопрос касается возможного открытия новой оффшорной зоны в Прибалтике. Повлияет ли это каким-то образом на бизнес в Польше? И еще такой вопрос: возможно ли к каким-то образом привязать доллар к золоту, как это сейчас предлагает один из кандидатов в президенты Америки?

Бальцеревич Л.: США и Европейский валютный союз просто печатают деньги, потому что часть ценных бумаг — государственная. Существует дискуссия, плохо это или хорошо. Большинство экономистов на Западе думают, что это хорошо, но на короткий срок. Даже в короткий срок это может быть опасно, если, например, долларов очень много. Что происходит в таком случае? Если Центральный Банк напечатает много денег и потом купит на них много ценных бумаг, то что будет дальше? Если Банк начнет продавать эти ценные бумаги, то упадут цены. Технически это возможно сделать, но политически — нет. Так что я думаю, это не спасение для Еврозоны. В Еврозоне есть страны, которые нуждаются в политической реформе, и под нажимом кризиса в этом отношении делаются отдельные попытки: проводится либерализация рынка, сокращаются издержки, сокращается количество чиновников.

По поводу золота. Помните, в Первой мировой войне в течение более 50 лет существовал «золотой стандарт». Тогда это был пик классического либерализма на практике. Торговля и движение капиталов были свободнее, чем теперь. Но наступила Первая мировая война. Случился политический шок. Последствием войны было то, что классический «золотой стандарт» был моди-

фицирован. Он стал политически зависимым. Потом наступила рецессия и от него отказались. Доллар был формально связан с золотом, но эта связь была разорвана в начале 70-х гг. и произошел переход к свободно колеблющимся курсам. Возможно, когда-нибудь снова вернутся к системе «золотого стандарта», в случае, если экономика зайдет в тупик. Великий экономист Дж. М. Кейнс был против того, чтобы деньги обеспечивались золотом.

Демин Е. Н.: Господин Бальцерович, у меня к Вам два вопроса. Недавно Россия вступила в ВТО — как Вы оцениваете данный шаг? Нужно ли это было России или нет? Кто от этого проиграет, кто от этого выиграет? И второй вопрос. Отношения между Польшей и Россией не очень хорошие. Как Вы считаете, какие усилия должны приложить стороны, чтобы отношения стали замечательными?

Бальцерович Л.: Китай вступил в ВТО намного раньше России. Почему не Россия? Такой эмпирический подход.

Во-первых, вступление в ВТО — это ограничение государства. Это хорошо, потому что протекционизм ограничивается, и это способствует росту конкуренции.

Во-вторых: хорошо, что некоторые предприятия пострадали от этого. Это означает, что это неэффективные предприятия. А это, опять же, условия для роста конкуренции.

Что касается вопроса о российско-польских отношениях, то здесь необходимо различать отношения между государствами и отношения между людьми. Если говорить о людях, то у поляков нет негативного настроения по отношению к русским людям. У меня лично много друзей среди россиян. Отношения улучшаются по мере того, как происходит рост неофициальных контактов — экономических, культурных, студенческих и т. д. Наша история такова, что вплоть до XVII века мы вели войны друг с другом.

Малышева Н. С.: Сегодня в Вашем выступлении не раз прозвучал тезис о том, что наличие природных ресурсов — не обязательное условие для экономического процветания, и наоборот, оно даже иногда может сыграть пагубную роль. Как известно, Польша не самая богатая страна с этой точки зрения. В связи с этим вопрос: какие, на Ваш взгляд, перспективы у стран Восточной Европы и Польши в плане обеспечения энергетической безопасности? Что в этом отношении предпринимается правительством? В том числе и с точки зрения развития альтернативных источников энергии, доступа к традиционным источникам?

Бальцерович Л.: Во-первых, скажу несколько слов о последствиях зависимости от природных ресурсов. В случае, когда природные ресурсы составляют значительную часть в экономике страны (20–30%) или доминируют в экспорте.

Во-первых, это очень легко для политиков — на короткий срок финансировать социальные программы, «выкупать» голоса. Но на дальнейший срок это не решает проблему. Во-вторых, есть негативное экономическое влияние: в природном секторе растет прибыль, как следствие, не развиваются другие, перспективные в долгосрочном плане направления. Если рост экономики опирается на природные ресурсы, на экспорт, то это тормозит развитие других секторов. Особенно плохо, если деньги, полученные за счет использования природного сектора, вкладываются в другие крупные предприятия, тогда снижается конкуренция. Это называется «national champions». «National champions» — это как правило, громадные предприятия, у которых нет прибыли.

Теперь что касается энергетической безопасности. Польша может экспортировать нефть и газ не только из России. У нас было в планах построить газопровод с Норвегией. В Польше есть природные ресурсы, но их мало. Сейчас большинство поляков уповают на сланцевый газ. Его запасов достаточно, чтобы покрыть большинство нужд Польши. Очень большие ресурсы сланцевого газа есть в Китае.

Горбелева Е. А.: Господин Бальцеревич, большое спасибо Вам за лекцию. Первый вопрос, который мне бы хотелось задать: как Вы оцениваете результаты построения «народной демократии» в странах социалистического лагеря? Второй вопрос касается Белоруссии. Вы говорили о том, что Белоруссия сейчас живет во многом за счет российских кредитов. Каким Вы видите выход Белоруссии из этой экономической ловушки?

Бальцеревич Л.: Что касается Вашего первого вопроса — то это, безусловно, не демократии.

У меня очень много студентов родом из Белоруссии. От них я узнал, что, если бы не несколько миллиардов долларов в год, выделенных Россией, в Белоруссии случилась бы катастрофа. Эти субсидии для белорусской экономики идут путем низких цен на газ, нефть для Белоруссии, которые они потом продают по завышенным ценам на Запад. Белоруссия должна стать более эффективной. Экономически это возможно, политически — нет.

Искакова Е. Б.: Вы сказали, что вступление России в ВТО будет стимулировать конкуренцию на внутреннем рынке. Не может ли случиться так, что монополии, имеющиеся на территории нашей страны, не выдержат конкуренции с европейскими фирмами, и это всего лишь увеличит рост экспорта? И от этого выиграет только международное сообщество, но никак не Россия. И второй вопрос. Вы постоянно говорите о приоритете экономики над политикой. Это, возможно, справедливо только для постсоветского пространства, постсоциалистических стран как переходный период?

Потому что если посмотреть на Западную Европу и США и в принципе на экономический кризис 2008 г., то мы будем наблюдать обратный процесс вмешательства политики в экономику для тех стран, которые уже не первый десяток лет строят капитализм.

Бальцерович Л.: По поводу вступления России в ВТО: по крайней мере, не будет хуже. Может быть только лучше в плане конкуренции. У конкуренции есть формальные и неформальные барьеры. ВТО поможет устранить формальные барьеры конкуренции. Но есть неформальная монополия, когда трудно импортировать товары. Конечно, эти неформальные монополии нужно разбить, без этого не будет прироста. Это политическое решение и политическая ответственность.

Скажу по опыту, что все важные решения, в том числе, об экономических реформах, принимаются в политике. Чтобы уйти от социализма, должны быть такие политики, которые понимают, чем плоха социалистическая система, которые знают, что нужно сделать, действуя в такой обстановке, что это становится возможным. То, что случилось после социализма, показывает перевес политики над экономикой. Если политика такова, что позволяет введение лучшей системы, то это хорошая политика. Если нет — это примитивная политика.

Чернышов Ю. Г.: Я думаю, нам надо поблагодарить Лешечку за эту интересную лекцию, интересную презентацию и ответы на вопросы (**аплодисменты**). Они заставляют всех задуматься о важнейших дискуссионных проблемах: какова «колея возможностей» у разных стран, насколько велика роль отдельных реформаторов и т. д. Мы записали эту дискуссию и надеемся ее опубликовать вместе с презентацией, как полезное пособие для студентов. Спасибо Вам!

Дубина И. Н.: Мы все получили настоящее интеллектуальное удовольствие, находясь в кампании с выдающимся ученым, который так интересно ответил на вопросы. Надеемся, что на следующий год Лешек Бальцерович снова посетит наш университет и сможет прочитать здесь целый курс лекций. Большое спасибо!

ПРЕЗЕНТАЦИЯ Л. БАЛЬЦЕРОВИЧА

Постсоциалистические реформы в сравнительном анализе: Уроки¹

Новосибирск, 4 сентября 2012 г.

Барнаул, 6 сентября 2012 г.

Лешек Бальцерович

Варшавская школа экономики

Warsaw School of Economics

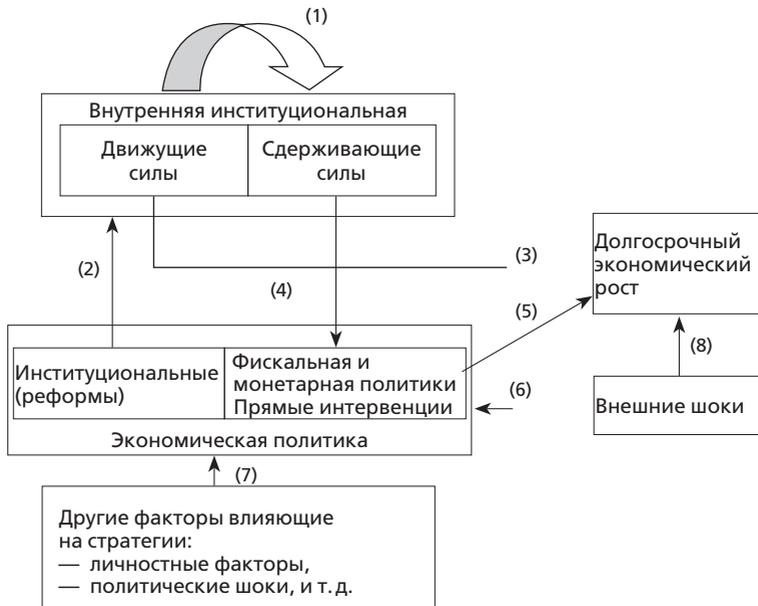
Список разделов²

1. Аналитические схемы: институциональные системы и предлагаемые стратегии.
2. Социализм как институциональная система.
3. Экономические издержки социализма.
4. Институциональные траектории после социализма.
5. Экономические последствия социализма.
6. Неэкономические последствия социализма
7. Некоторые заметки и уроки.

- Стратегия — действия государственных властей
- Неинституциональные политики ← (содержащие силы x личностные факторы) = политические шоки
- **Сдерживающие силы:**
 - первичные — политическая система (система проверок и противовесов)
 - вторичные (например банковского надзора, независимый центральный банк)
- **Движущие силы:**
 - тип и уровень защиты прав собственности
 - уровень рыночной конкуренции
 - налоговые и регуляторные нагрузки

¹ Я благодарен Магде Чижкович, Александру Лашеку и Мареку Татале за помощь в подготовке этой презентации.

² Презентация публикуется в авторской редакции.

2. Социализм как институциональная система

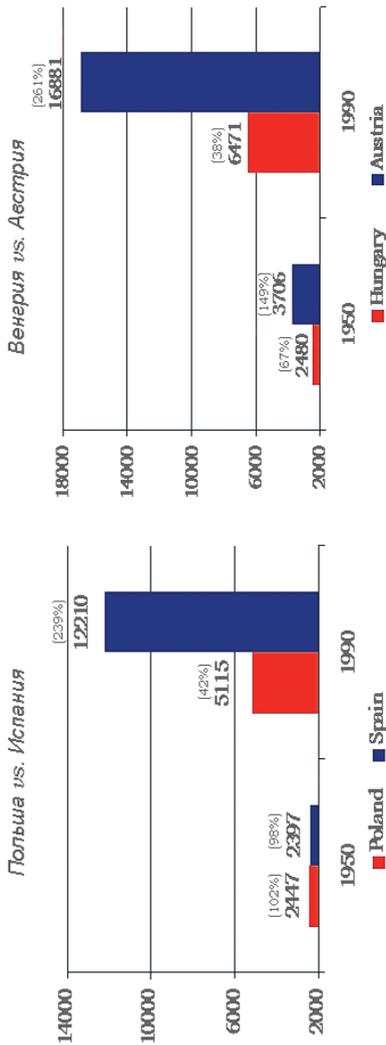
1. Монополия не-частного сектора
2. Командная экономика
3. Отсутствие демократии («демократический социализм» невозможен)
4. Длинный список "преступлений против социализма" (в отличие от других преступлений против частных лиц)

Иными словами, социализм характеризовался:

- а) Слабыми движущими силами: ответственными за снижение темпа экономического роста в долгосрочной перспективе (растрата, низкая инновационность)
- б) Слабыми или несуществующими сдерживающими силами: ответственными за губительные стратегии, которые привели к глубокому спаду ВВП, а иногда и численности населения (сталинизм, маоизм).

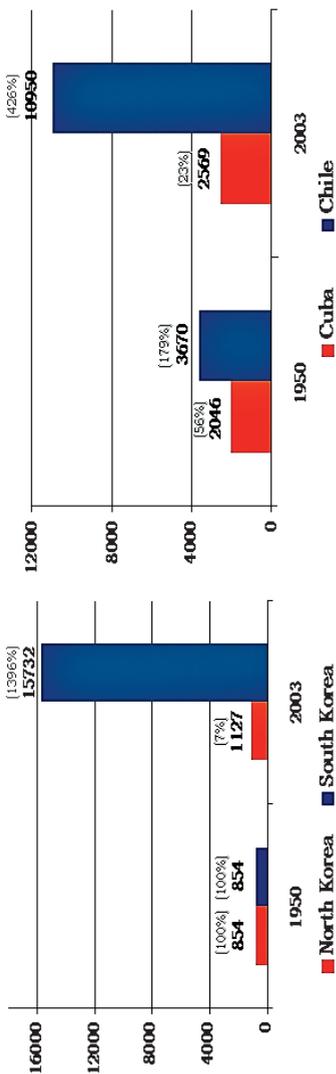
- Страны в условиях социализма потеряли большое расстояние в отношении к западноевропейским странам.

ВВП на душу (в 1990 международных долларах) в 1950 и 1990:

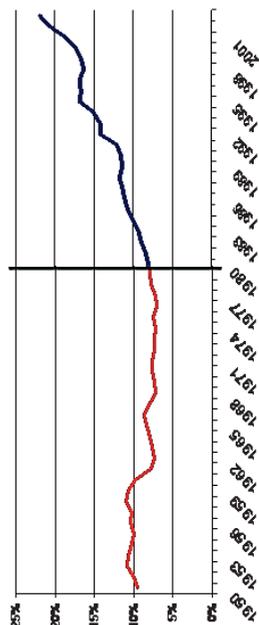

Источник: Maddison Database.

ВВП на душу (в 1990 международных долларах) в 1950 и 2003:
Северная Корея vs. Южная Корея
Куба vs. Чили

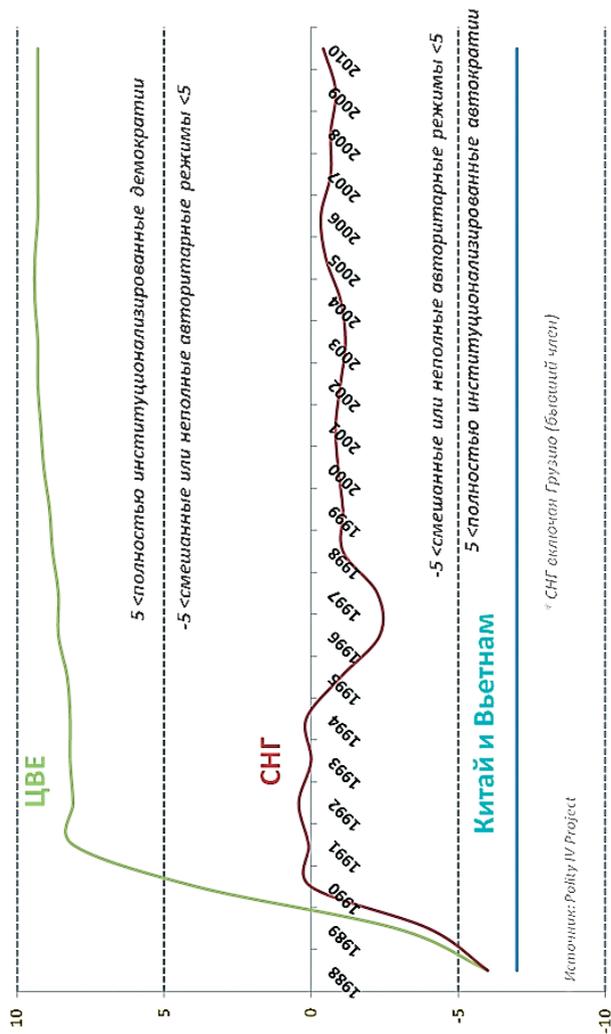

ВВП на душу (в 1990 международных долларах) в Китае (Западная Европа = 100).

Источник: Maddison Database.

Политические свободы (индикатор Polity IV)

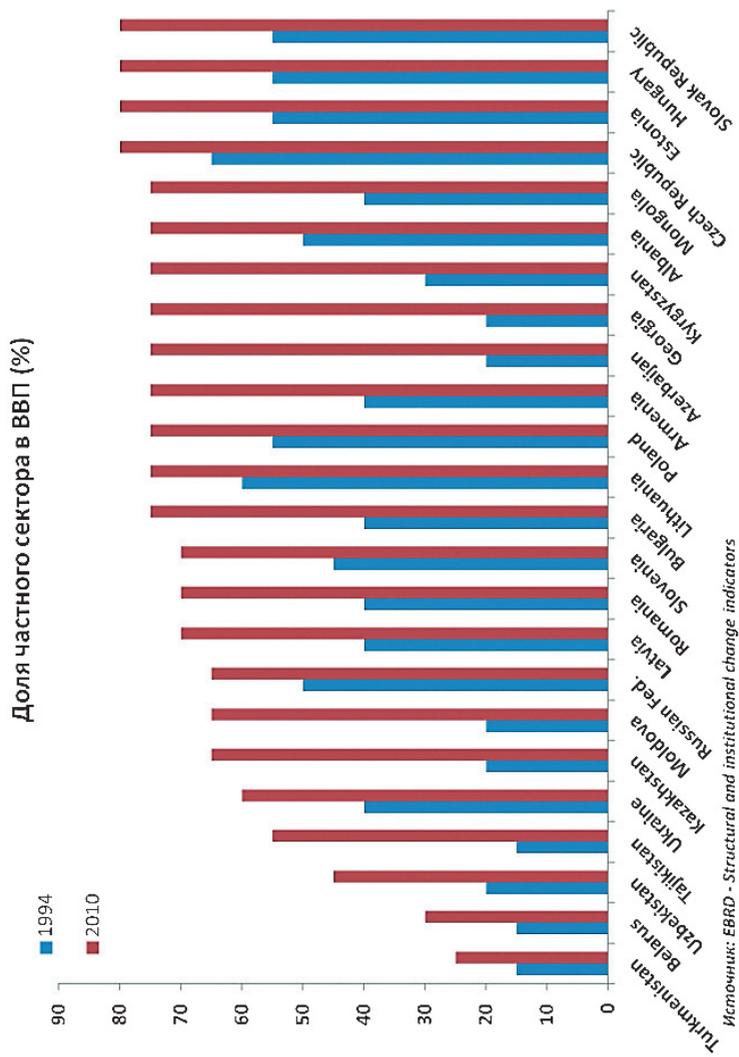
Концептуальная схема Polity IV уникальна тем, что она рассматривает содействующие качества демократических и самодержавных влияний в органах власти, а не разумные и 12 совместно взаимоисключающие формы управления.

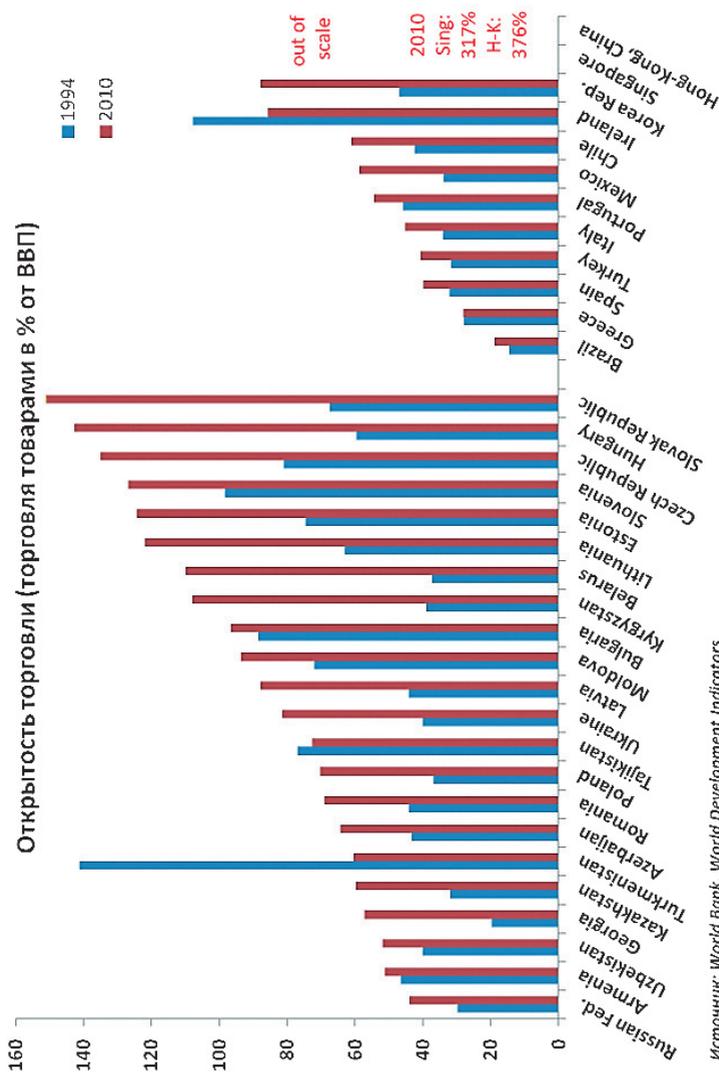
Экономические и политические права, 1996-2005

Страна	Экономические права ⁽¹⁾	Политические права ⁽²⁾
Лидеры		
Дания		
Финляндия	90-95	1
Новая Зеландия		
Швейцария		
Страны с переходной экономикой		
Болгария	50 → 30	2 → 1
Чешская республика	70	1
Эстония	70 → 90	1
Венгрия	70	1
Латвия	50	1 → 2
Литва	50	2 → 1
Польша	70 → 50	1
Румыния	30	2
Словакия	50	2 → 1
Словения	50 → 60	1
Беларусь	50 → 20	6 → 7
Россия	50 → 25	4 → 6
Украина	30	4 → 3
Китай	30 → 20	7
Другие страны ОЭСР		
Греция	70 → 50	1
Италия	70 → 50	1
Португалия	70	1
Испания	70	1

⁽¹⁾ Heritage Foundation, "Index of Economic Freedom", 2009

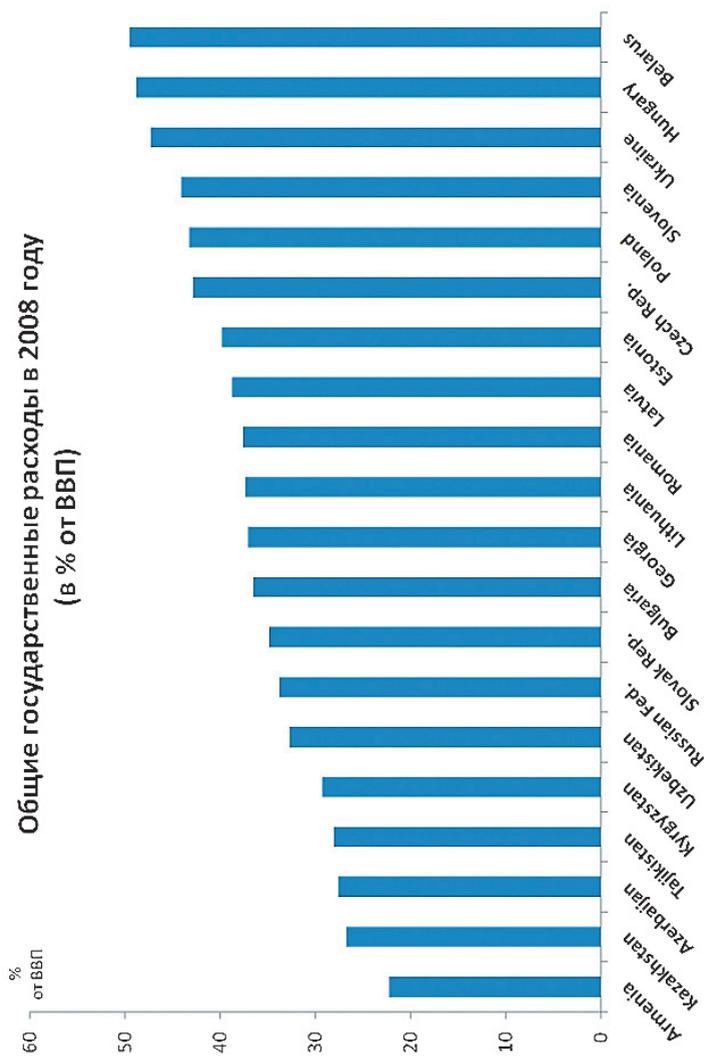
⁽²⁾ Freedom House, "Freedom in the World", 2009

Источник: World Bank, World Development Indicators

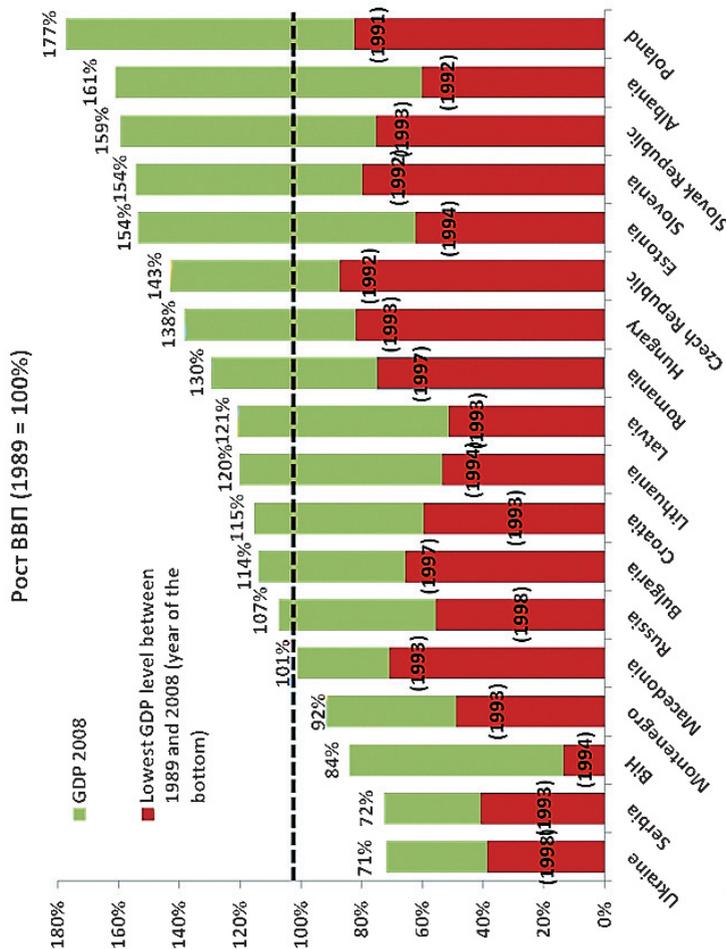
Торговля товарами в виде доли от ВВП представляет собой сумму экспорта и импорта товаров, деленной на величину ВВП, в текущих долларах США. 16

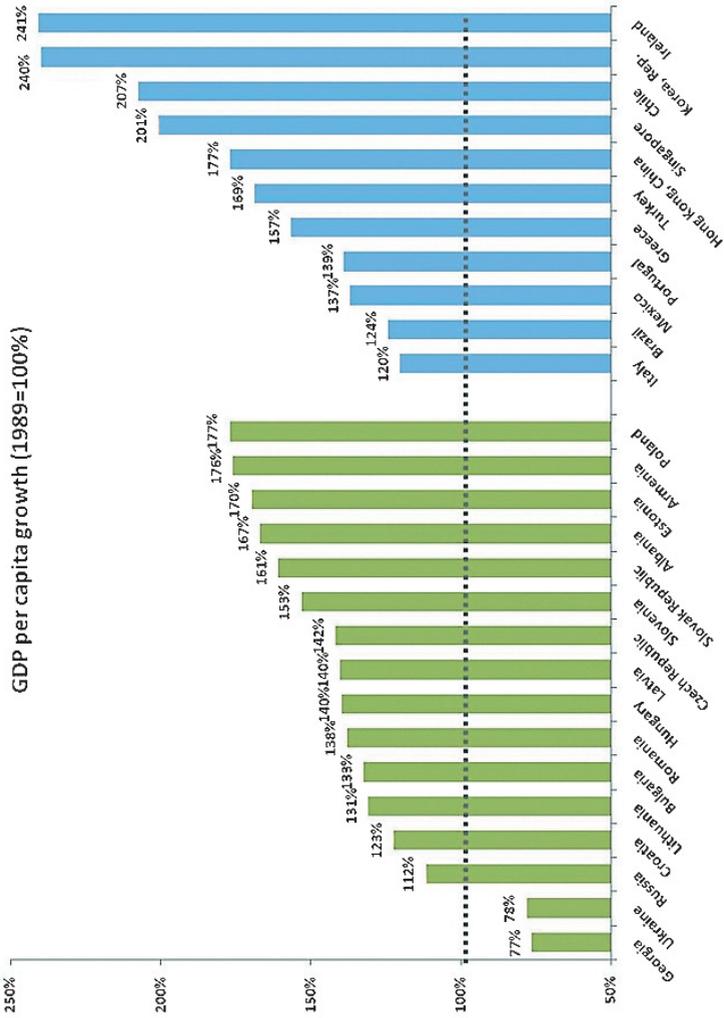
Источник: EBRD - Macroeconomic indicators

Наблюдения

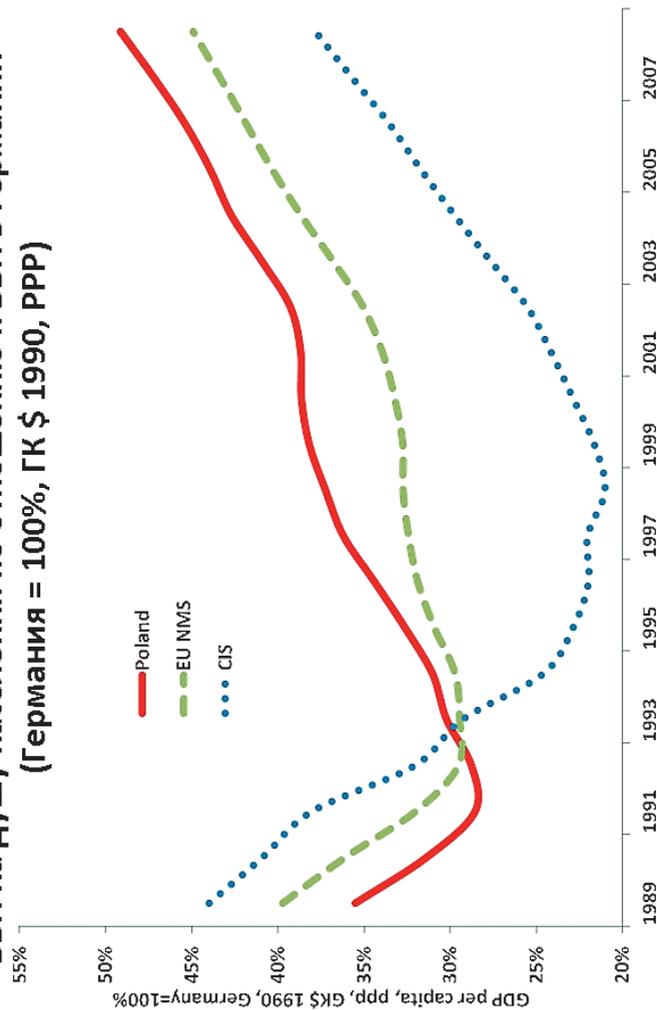
- Демократия была введена и поддерживается в странах, которые ввели капитализм (Центрально-восточная Европа)
- Недемократические политические системы сосуществуют с:
 - квази-капиталистическими экономиками (например, Россия)
 - квази-социалистическими странами (например, Беларусь, Центральная Азия)
- Важные вопросы, касающиеся разновидностей экономических систем постсоциалистических стран включают различия между капиталистическими системами в странах ЦВЕ и квази-капиталистическими системами в других местах

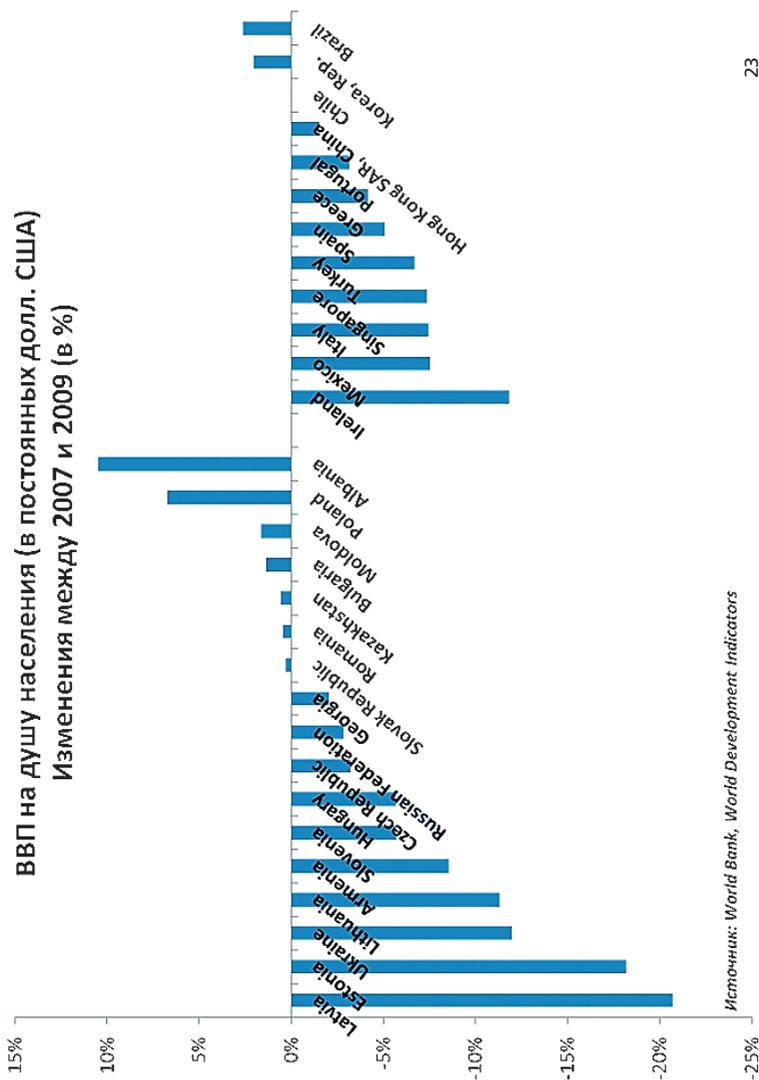
Источник: EBRD Transition Report 2008; EU Commission

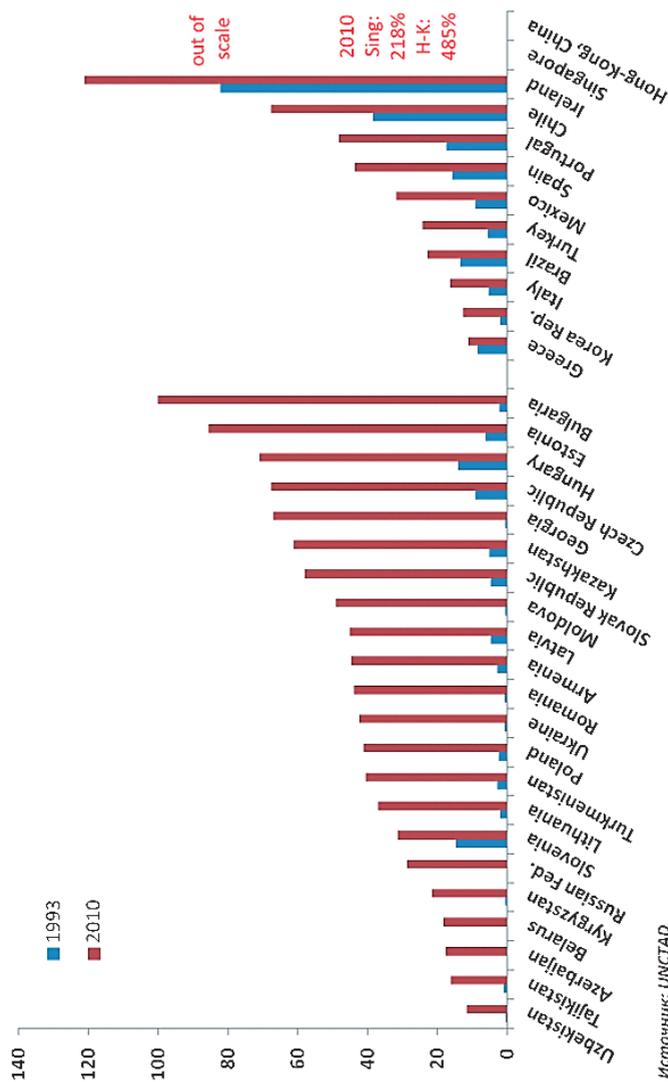
Страны с переходной экономикой
ВВП на душу населения по отношению к ВВП в Германии
(Германия = 100%, ГК \$ 1990, PPP)

NMS = Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Словакия, Румыния
 CIS = Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Таджикистан, Узбекистан, Украина
 Источник: The Conference Board and Groningen Growth and Development Centre, Total Economy Database, January 2009 22

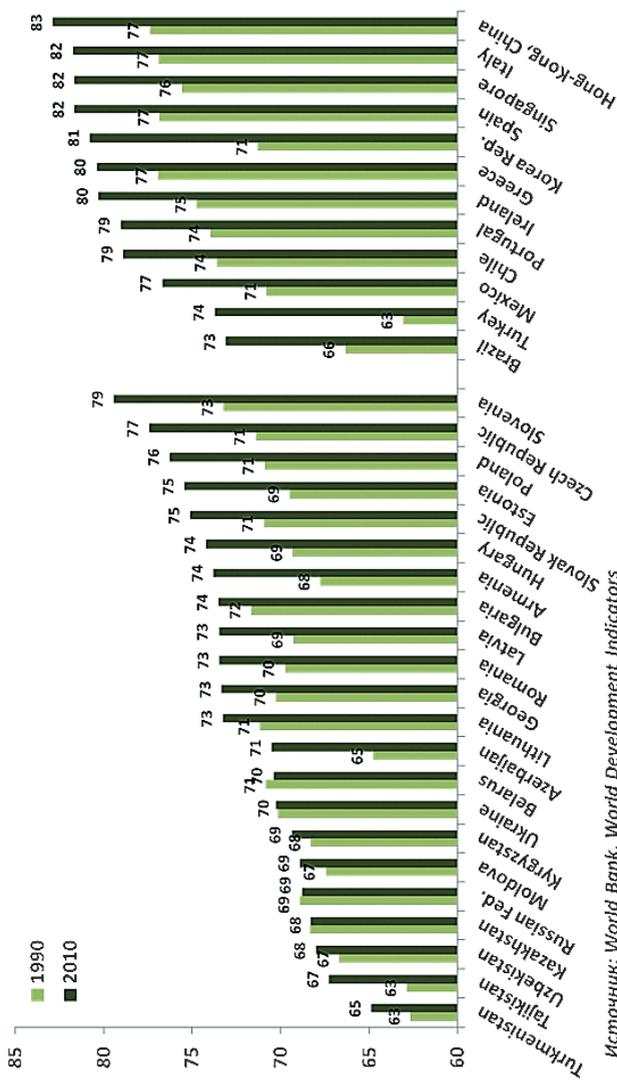
ПИИ – Прямые иностранные инвестиции (в% от ВВП)

Источник: UNCTAD

ПИИ является значением доли капитала и резервов (включая нераспределенную прибыль), относящимся к головному предприятию, плюс чистая задолженность аффилированных лиц к родительским предприятиям. (ПМР)

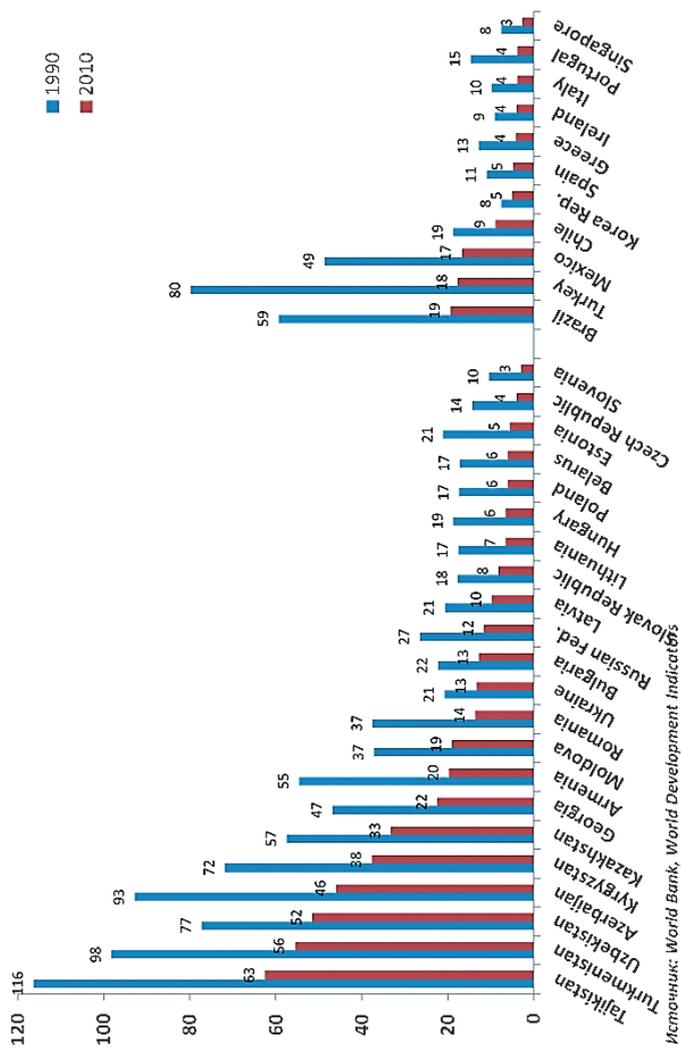
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, всего (лет)

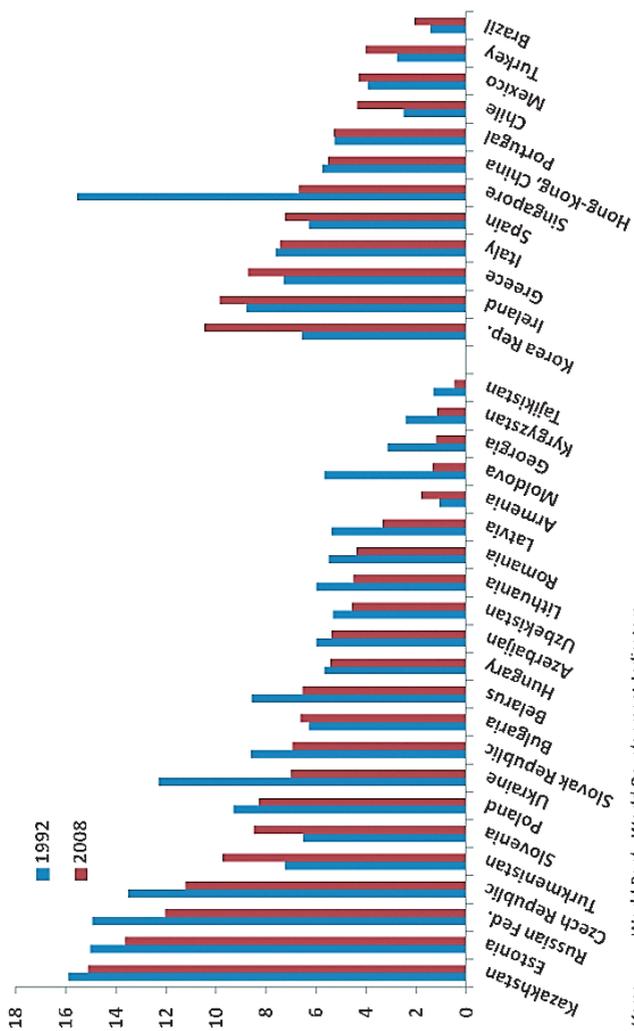
Источник: World Bank, World Development Indicators

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении показывает количество лет, которые новорожденный будет жить, если преобладающие структуры смертности в момент его рождения будут оставаться неизменными на протяжении его жизни. 25

Смертность в возрасте до 5 лет (на 1000 живорожденных)

Источник: World Bank, World Development Indicators.
 Смертность до пяти лет это вероятность, что на 1000 новорожденных новорожденный умрет, не достигнув пятилетнего возраста, принимая во внимание текущую возрастную смертность. 27

Выбросы CO₂ (метрических тонн на душу населения)

Источник: World Bank, World Development Indicators

Выбросы двуокиси углерода образуются последствием сжигания ископаемого топлива и производства цемента. Они включают в себя двуокись углерода, образующуюся при потреблении твердого, жидкого и газового топлива и сжигания газа на факелах.

Объяснение различий в экономических результатах

Основными факторами, объясняющими различия в темпах роста, являются:

- начальные условия,
- внешние события (например, кризис в России), в том числе :
 - доступ к рынкам,
- географическое положение,
- степень рыночных реформ и характер макроэкономической политики: наиболее важные в долгосрочной перспективе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международныхников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — *проведение международных научно-практических конференций, издание сборников* по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI в.).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

Кроме этого, Школа постоянно занимается **просветительской работой** — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т. д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т. д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО и т. д.

Еще одно направление деятельности — **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно

с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ — лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» — была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Амелина Яна Александровна

Начальник сектора кавказских исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ), г. Москва

Анохин Антон Анатольевич

Бакалавр юриспруденции, магистрант юридического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Волынец Ксения Викторовна

Студентка отделения «Связи с общественностью» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Горбелева Екатерина Андреевна

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гусев Кирилл Юрьевич

Магистрант факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демин Евгений Николаевич

Магистрант факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демчик Евгения Валентиновна

Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дериглазова Лариса Валериевна

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, директор Центра Европейского союза в Сибири, Профессор Жана Монне, г. Томск

Дубина Игорь Николаевич

Кандидат философских наук, проректор по стратегическим программам и международному сотрудничеству Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Заусаева Наталья Александровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Иванов Сергей Андреевич

Политолог, соискатель кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ильин Алексей Валерьевич

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Искакова Екатерина Багдатовна

Студентка факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кагиров Борис Николаевич

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности в техносфере Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кагирова Галина Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Казакова Екатерина Борисовна

Студентка третьего курса специальности «Регионоведение» Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

Каплинская Ирина Евгеньевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кольцова Наталья Валерьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коробкова Наталья Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кошлаков Дмитрий Михайлович

Магистр техники и технологии, ассистент и аспирант кафедры «Философия, история и социология» факультета экономики и управления Брянского государственного технического университета, г. Брянск

Крестинина Екатерина Сергеевна

Политолог, соискатель Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузнецов Артем Константинович

Преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Литвинова Татьяна Николаевна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительных исследований социально-политических систем Института социологии РАН, г. Москва

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Манойло Андрей Викторович

Доктор политических наук, кандидат физ.-мат. наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Митяева Юлия Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Овчаров Геннадий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Плющ Александр Николаевич

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник института социальной и политической психологии НАПН Украины, г. Киев

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Института украинской политики, г. Киев

Рыжков Владимир Александрович

Кандидат исторических наук, профессор Высшей школы экономики, сопредседатель политической партии «РПП — ПАРНАС», г. Москва

Сдельников Виталий Андреевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, сотрудник Управления непрерывного образования Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Тасиц Константин Игоревич

Научный сотрудник сектора кавказских исследований Центра исследований проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований (РИСИ), г. Москва

Ульянов Павел Владимирович

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Чуваткин Дмитрий Николаевич

Кандидат политических наук, капитан, Пермский военный институт ВВ МВД России, г. Пермь

Юн Сергей Миронович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск

СОДЕРЖАНИЕ

Информационные войны — мифы и реальность (предисловие ответственного редактора).....	4
---	---

Секция 1

Информационная война: содержание понятия	7
<i>Козулин В. Н.</i> Информационная война или «добрая машина правды»? (О «национальной» специфике употребления интернациональных терминов).....	8
<i>Крестинина Е. С.</i> Феномен информационной войны: попытка определения в научных категориях	13
<i>Манойло А. В.</i> К вопросу о содержании понятия «информационная война»	17
<i>Манойло А. В.</i> Современные интерпретации термина «информационная война»	24
<i>Монина Л. В.</i> Проблема обеспечения информационной безопасности России	29
<i>Рыжков В. А.</i> О роли информационных войн в современном мире	34

Секция 2

Пропаганда и информационные войны в истории международных отношений (опыт Европы и России)	39
<i>Анохин А. А.</i> Информационная дискредитация китайского политического лидера Линь Бяо	40
<i>Бетмакаев А. М.</i> Пропаганда и публичная дипломатия: американская инициатива «Год Европы» и отношения между США и ЕС в 1973 г.	43
<i>Иванов С. А.</i> Пропаганда и информационные войны.....	49
<i>Казакова Е. Б.</i> Проблема ЕвроПРО в российском и западном информационном дискурсе: сравнительный анализ публикаций СМИ	53
<i>Кузнецов А. К.</i> Радиопропаганда и ее применение в Третьем Рейхе.....	58
<i>Курныкин О. Ю.</i> Феномен информационной войны в контексте исторического опыта	60
<i>Сковородников А. В.</i> Информационное противоборство в ходе гражданской войны в Югославии	66
<i>Ульянов П. В.</i> Основные тенденции формирования «образа врага» в России на примере Крымской войны	70
<i>Чернышов Ю. Г.</i> О результатах «войны пророчеств» в Древнем Риме.....	74

Секция 3

Информационно-психологические противоборства в современных международных отношениях	79
<i>Амелина Я. А.</i> «Информационная война» как составляющая «августовской войны» в контексте геополитического противостояния России и Запада.....	80
<i>Аршинцева О. А.</i> Особенности взаимодействия в информационной сфере: обзор американских подходов	84
<i>Горбелева Е. А.</i> Информационная война 2010 г. в российско-белорусских отношениях: причины конфликта сторон.....	89
<i>Ильин А. В.</i> Арабо-израильское информационное противостояние и срыв саммита Союза для Средиземноморья в 2010 г.	92
<i>Кагиров Б. Н., Кагирова Г. В.</i> Взрывоопасная информация в Интернете — катализатор межгосударственных конфликтов	97
<i>Коваленко Л. Г.</i> Информация как механизм взаимодействия и опасности.....	100
<i>Кошляков Д. М.</i> Место интернет-среды в событиях «арабской весны»	103
<i>Кротов А. В.</i> К вопросу о причинах и предпосылках возникновения информационных войн в современном мире (в контексте «цветных революций»).....	107
<i>Литвинова Т. Н.</i> «Информационный джихад» против России: методы враждебной пропаганды и проблемы борьбы с ней	112
<i>Митяева Ю. А.</i> Телеканал «Russia Today» и специфика информационного противостояния в социальных сетях и блогах	117
<i>Плющ А. Н.</i> Конструирование образа России молодежью Украины	122
<i>Полтораков А. Ю.</i> «Когнитивные войны»: парадигмальные трансформации политико-информационных противостояний	126
<i>Тасиц К. И.</i> Использование Грузией «черкесского вопроса» в информационной войне против России... ..	131
<i>Чуваткин Д. Н.</i> Военная доктрина как способ информационного воздействия (семиотический подход).....	136
Стенограмма обсуждения докладов	141

Методологический семинар «Новое в изучении и преподавании международных отношений»	173
<i>Дериглазова Л. В.</i> Программа Жана Монне на развитие исследований Европейского союза: структура и основные элементы.....	174
<i>Юн С. М.</i> Опыт реализации программ двойного магистерского диплома по направлению «Международные отношения» в Томском государственном университете.....	180
<i>Демчик Е. В.</i> О развитии международного сотрудничества исторического факультета АлтГУ ...	187
Стенограмма выступления Л. Бальцеровича в Алтайском государственном университете	193
Презентация Л. Бальцеровича.....	194
Информация об Алтайской школе политических исследований	232
Авторы статей, докладов и выступлений	236

АШПИ

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
📁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🌐 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Научное издание

**ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. № 28**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Информационные войны
в международных отношениях)**

Сборник научных статей

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 21.01.2013. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. ????. Тираж 200 экз. Заказ № 301.

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66